

Родригес А. М.
A. M. Rodrigues

**ВАХХАБИТСКИЙ ФАКТОР В РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ
САУДОВСКОЙ АРАВИИ**

THE WANNABYSM FACTOR IN THE RELIGIOUS IDEOLOGY OF THE SAUDY ARABIA

Родригес Александр Мануэлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета (Россия, Москва); 141700, Московская область, г. Долгопрудный, ул. Советская, д. 5, кв. 26; 8 (495) 4088040. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru

Mr. Alexander M. Rodrigues – Doctor of History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University; 5, Sovetskaya Str., ap. 25, town of Dolgoprudny, Moscow Region, 141700, Russia; phone: +74954088040. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru

Аннотация. Статья посвящена роли ваххабизма в формировании и развитии в государственных современных структурах Саудовской Аравии.

Summary. The paper elaborates the role of wahhabism in the forming and development of governmental institutions in today's Saudi Arabia.

Ключевые слова: идеология, религия, атеизм, ислам, ваххабизм, мечеть, монархия.

Key-words: ideology, religion, atheism, Islam, wahhabism, mosque, monarchy.

УДК 28:32(532)

Философские материалистические концепции по вопросу религии носят весьма категоричный характер. Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция к их либерализации в основном в русле «толерантности» и «политкорректности». Материалистический взгляд на религию утвердился в XIX в., когда под влиянием усиления авторитета науки и атеистических представлений о мире европейские и российские интеллектуалы стали разрабатывать научные прогнозы эволюции человечества, сделав акцент на базисных экономических отношениях. Исходя из того, что способ производства материальной жизни обуславливает политический, социальный и духовный процессы жизнедеятельности, делался основополагающий вывод о том, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет их сознание. В принципе это верно, но для нас в этой связи существенным является то, что материализм смещает религию на вторые позиции. Такой подход способствовал ослаблению внимания к ней в научном и практическом плане [1, 16].

На протяжении ряда лет в политике и науке осуществлялись исследования, целью которых стал поиск ответов, чьи интересы мог (или может) защищать исламский фактор в условиях существовавшего биполярного мироустройства. За рубежом устоявшимся было мнение о том, что ислам является «антикоммунистическим бастионом». Этот тезис связывается с тем, что ислам, будучи монотеистической религией, считает недопустимой атеистическую идеологию. Структуралисты не соглашались с подобным выводом, указывая на то, что в исламе и коммунистической идеологии есть много общего, что облегчает переход из одного состояния в другое. Защитой подобного подхода выступали и крепнувшие контакты Советского Союза со странами мусульманского мира, особенно его арабской частью.

Тем не менее более сбалансированный взгляд представляется объективнее. Ислам вряд ли может быть совмещен с философской доктриной материализма, однако социальные программы, разработанные на основе исторического материализма, по целому ряду параметров могут с ним состыковываться. Столь же неоднозначно соотносится ислам с западными теориями государственного и общественного развития.

Что же касается практики общения и взаимодействия с двумя системными полюсами на международной арене, то она была весьма противоречивой. При этом отнюдь не исламский фактор служил решающим аргументом в складывавшемся характере отношений, а экономические, политические, идеологические и другие национально-государственные интересы и соображения.

При рассмотрении эволюционных процессов в арабских монархиях Залива важно постоянно учитывать мусульманский фактор. Объективное определение его роли и места в обществе и государстве позволяет получить идеальные условия понимания тех процессов, которые происходят в этом геополитически важном регионе, поскольку ислам остается здесь неотделимой частью общественного мировоззрения и сознания, является государственной религией, ключевым источником законодательства, выполняет функции социального и культурного регулятора. Объективный анализ исламской составляющей позволяет утверждать, что, несмотря на безусловную устойчивость, она все-таки является переменной величиной даже в консервативных обществах, которые сложились в странах «аравийской шестерки».

Исламизированное общество, религиозные институты, правительства и правящие династии столкнулись с задачей определиться по вопросам модернизации, секуляризации, реформации и «вестернизации», которые стали на повестке дня в современном развитии их государств. Отношение к этим процессам в разных политических, религиозных и социальных кругах были полярны – от полной или частичной поддержки до неприятия. Стоящая у власти элита стремится не участвовать в открытой полемике по этим вопросам, опасаясь превратиться в объект недовольства и критики антирежимных сил и своих политических оппонентов, но она вынуждена реагировать на объективные вызовы нынешнего исторического этапа, а значит, своими действиями выражать четкую позицию, затрагивающую в том числе религиозные убеждения и чувства подданных.

Имея в виду сложившиеся различия (при несомненной значительной общности) в уровне религиозного состояния общества и интеграции исламского компонента в государственную систему, а также особенности ваххабизма, представляется методологически оправданным рассмотреть в принципиальном плане роль и место ислама в Королевстве Саудовская Аравия отдельно от остальных монархий, а при анализе ситуации в остальных странах – прибегать к сравнительному методу.

В основе традиционной исламской политической концепции лежит тезис о том, что в ключевые задачи верховной власти мусульманской страны входит защита и сохранение ислама и шариата, содержащего в себе религиозные догмы, практические нормы и исламскую мораль. Классическим примером подобной модели является, пожалуй, только саудовское королевство. Однако для понимания имеющейся в Саудовской Аравии общественно-государственной конструкции, эволюции во взаимодействии ее религиозных и светских элементов необходимо сделать краткий исторический экскурс. Без ретроспективы невозможно прочувствовать и осознать подвижки, многие из которых только обозначились в общественном сознании и на государственном уровне.

В документах первостепенной важности королевства нет ссылок на ваххабизм как официальную религиозную доктрину. Вместе с тем российские источники относят ваххабизм к государственной идеологии государства Саудидов. В заявлениях короля, наследного принца и высокопоставленных представителей истеблишмента также ваххабизм никогда не обозначается в качестве идейно-политической основы для развития государства.

О ваххабитском движении принято говорить либо в историческом контексте, либо при исследовании религиозной проблематики. Король Абдель Азиз, отражая обвинения в том, что Саудовская Аравия «изобрела новое направление в исламе», подчеркивал: «Они говорят: мы ваххабиты. Но на самом деле мы мусульмане, следующие учению Корана и традициям пророка Мухаммеда, как это понимали и интерпретировали наши великие праотцы» [2]. Понимание такого подхода саудовского королевства имеет ключевое значение для постижения политической и социальной ткани жизнедеятельности современного саудовского государства и общества, изучения реального места исламской составляющей в королевстве.

Аравия – не только колыбель ортодоксального неоханбализма, но и его плацдарм, главная обитель на протяжении всей истории существования этого мусульманского течения. Его основателем является выходец из племени тамим, обитавшего в Неджде (центральный район нынешнего саудовского королевства), Мухаммед Ибн Абдель Ваххаб (1703–1792 гг.). Его отец и дед исповедовали ислам ханбалитского мазхаба (толка). Причем оба они были не рядовыми ханбалитами, а служили религиозными судьями («кади»). Характерно, что ханбализм, основоположником которого считается багдадский теолог имам Ахмед Ибн Мухаммед Ибн Ханбаль (780–855 гг.), представляет собой наиболее жесткий ортодоксальный мазхаб суннизма, отстаивающий безусловное соблюдение предписаний Корана и сунны в их буквалистском толковании [3, 359].

На мировоззрение Абдель Ваххаба мощное воздействие оказали труды раннесредневековых неоханбалитских теологов Таки Ад-Дина Ибн Таймии (1263–1368 гг.), а также Ибн Аль-Кайима (1292–1350 гг.), которые в условиях углублявшейся социальной дифференциации и разобщенности мусульман продолжали выступать за освобождение ислама от различных нововведений и местных традиционных верований, выходящих за социально-политические, философские и этические рамки Корана и сунны, против обожествления могил, в том числе и могилы пророка Мухаммеда.

Для понимания комплекса причин возникновения ваххабизма и его религиозной мотивации исследователи обращаются к конкретной исторической обстановке появления учения Абдель Ваххаба и оформления его идеологии в религиозно-политическое движение, постепенно превратившееся в доминирующую силу в Аравии. Причинами, приведшими Абдель Ваххаба на позиции крайнего радикализма, стали религиозное образование и ханбалитское воспитание в семье, местные и региональные вызовы того времени. Все это имеет значение при выяснении «внезапных» проявлений идеологии ваххабизма в современных реалиях. К их числу принято относить низкий уровень производительных сил в Неджде, преобладание родоплеменных отношений, непрерывные распри между племенами и обоюдные набеги с целью грабежа, разложение монотеизма, размыв ханбализма и проникновение маликитских и ханифитских шариатских представлений. Все это существовало на фоне усиливавшегося разрушения Османской империи, которая своей роскошью демонстрировала образ исламского отступника [4, 74].

В историческом контексте шейх Абдель Ваххаб выступил как «вероучитель», призванный не допустить дальнейшую «порчу» ислама, «консолидировать племена на базе единой исламской идеологии и тем самым упрочить свой потенциал для защиты совместных региональных интересов. В основу своих проповедей он заложил тезис «возврата к чистым истокам ислама» [4, 74]. На практике шейх достигал цели с упорством, особой агрессивностью и проявлениями крайнего радикализма.

Наследие Абдель Ваххаба осталось в виде писем, проповедей, договоров, книжных рукописей. Исследователи из числа противников ханбализма полагают, что некоторые документы не являются подлинными. Так или иначе, эти документы вкупе с практическими делами ваххабитов позволяют синтезировать основополагающие принципы мировоззрения Абдель Ваххаба по таким исламским проблемам, как «таухид» (единобожие), «тавасуль» (посредничество), «зиярат аль-кубур» (посещение могил), «такфир» (неверие), «бидда» (грехов-

ное нововведение), «иджитхад и таклид» (достижение высшей ступени знания и следование авторитету).

«Таухид» – центровой принцип ваххабитской доктрины. Его суть – религиозный монотеизм. Божественное единство раскрывается в трех ипостасях: Аллах есть Основатель, Кормилец и Распорядитель. Основополагающий столп ислама – «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Аллаха» – интерпретирован таким образом, что поклоняться нужно только Аллаху, но не Мухаммеду, который являлся его пророком в миру.

Шейх твердо выступал против посредничества («тавасуль») между Аллахом и верующим, которое осуществлялось через поклонение отдельным предметам и камням. Человек находится под прямой божьей протекцией. На все воля Аллаха, которая никому не подвластна, в том числе и пророку Мухаммеду.

Недопустимость посещения могил Мухаммеда и его сподвижников объясняется тем, что это ведет их к обожествлению и является прямым движением к многобожию.

Ваххабитский взгляд на «такфир» сводится к тому, что заявлений о приверженности исламу и отправления ежедневных молитв было недостаточно, чтобы предупредить многобожество. Человек, заявивший о себе как о мусульманине, не должен поклоняться другим богам, в противном случае его необходимо разоблачить и казнить. По мнению вероучителя, такой человек – «лицемер», он «намного хуже христиан и иудеев, поскольку последние не скрывают своего чужеродного лица». К числу политеистов были отнесены и шииты.

Абдель Ваххаб не допускал и «бидда», т.е. нововведений, выходящих за рамки Корана и сунны. Это считалось недопустимым грехом. Абдель Ваххаб запрещал празднование дня рождения пророка Мухаммеда, поскольку такая церемония, во-первых, не была определена ни Аллахом, ни самим Мухаммедом, а во-вторых, приведет к обожествлению пророка.

В вопросах «иджитхада» и «таклида» ваххабиты исходят из того, что «Коран и сунна являются высшей ступенью знаний. «Врата» для толкования исламских источников закрыты с тех пор, как оформился ханбализм. Однако, если будет доказано, что какая-то ханбалитская интерпретация не соответствует Корану или сунне, она должна быть запрещена» [5, ч. I, 82-83].

Среди исламских улемов различных толков популярно мнение, что Абдель Ваххаб и его последователи не внесли ничего нового в теологию. Шиитские улемы Персии, знакомя британского представителя сэра Бриджеса с различиями между суннитскими религиозно-правовыми школами, склонялись к тому, что ваххабизм не может быть отнесен к новому вероучению, поскольку в его своде нет ни одного нового предписания — «фактически это тот же возрожденный ханбализм».

Но если в богословии не было сказано ничего нового, то ваххабитская практика, хотя и имела шариатские основания, вытекая из фундаментальных источников, отличалась своей жесткостью даже по сравнению с ханбалитскими установками. Исходя из этого, видимо, можно утверждать, что ваххабитами были введены новые практические нормы. В этом смысле ваххабизм следует рассматривать как исламистско-фундаменталистское течение.

Для продолжения исследования необходимо определиться с терминологией. Фундаментализм – понятие сугубо религиозное. Этот термин означает несокрушимость религии, точное соблюдение фундаментальных источников ислама, скрупулезное исполнение всех предусмотренных шариатом практических норм. Исламизм принято относить к политической категории, означающей использование религиозного фундаментализма для достижения политических целей. Крайней формой исламизма является терроризм, имеющий религиозное прикрытие.

Ваххабизм может рассматриваться как родоначальник современного исламистского фундаментализма. При этом если сегодняшние экстремистские религиозно-политические течения сопряжены с негативом и регрессом, то роль ваххабизма в истории не может быть оценена однозначно. С одной стороны, ваххабизм стал катализатором в объединении ара-

вийских племен, явился объединяющим фактором при создании государства Саудидов, содержал эгалитаристские принципы, разделявшиеся беднейшими слоями населения. С другой стороны, ваххабизм направлен на подавление инакомыслия, поощряет политическую агрессивность и воинствующий фундаментализм, пропагандирует культ силы при достижении поставленных задач.

При рассмотрении политического характера Королевства Саудовская Аравия необходимо помнить, что его возникновению способствовала уния между одним из недждийских правителей Мухаммедом Ибн Саудом и шейхом Абдель Ваххабом. Исходя из этого соглашения Мухаммед Ибн Сауд должен был поддерживать фундаменталистскую линию шейха, а Абдель Ваххаб – укреплять власть правителя. В этом союзе обе персоналии являлись представителями религиозных кругов (правители мелких аравийских государственных образований обычно являлись улемами и местными исламскими авторитетами). В этой связи Ибн Сауд и впоследствии его династия наряду с религиозным представляли и светский компонент государственности, тогда как Абдель Ваххаб и его клан, носящий имя Аль Аш-Шейх, были олицетворением религиозности. Это объединение стало поистине историческим, поскольку лег в основу образования Королевства Саудовская Аравия в 1932 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. D. In the Path of God, islam and Political / D. Pipes – N.Y., 1983.
2. «Аль-Хадж». Ар-Рияд. Саудовская Аравия. 12.04.1958 (на арабск. яз.).
3. Malisie R. Islam in the World / R. Malisie – N.Y., 1984.
4. Васильев, А. М. История Саудовской Аравии / А. М. Васильев – М., 1982.
5. Ибн Башр Осман. Унван ал-мадж фи тарих Наджд / Осман Ибн Башр – Мекка, 1349х (на арабск. яз.). Перевод: «Блеск славы в истории Неджда».

Бахитов С. Б.

S. V. Bakhitov

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В США XIX ВЕКА

LABOUR ALIENATION AND THE DEVELOPMENT OF CAPITALISM IN USA IN XIX C.

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета (Россия, Сургут); 628406, Тюменская обл., г. Сургут, ул. 30 лет Победы, д. 60, кв. 185; 89678835024. E-mail: baxitova@mail.ru

Mr. Stanislav V. Bakhitov – PhD in History, Lecturer, Department of Social and Humanitarian Studies, city of Surgut State Pedagogical Institute, 60, Thirty Years of Victory Str., ap. 185; Surgut, 628406, Russia; phone: +79678835024. E-mail: baxitova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются марксистская и веберовская концепции отчуждения применительно к США XIX в. Если в марксистской концепции постулируется постоянный рост отчуждения в капиталистическом обществе, то у М. Вебера отчуждение постепенно ослабевает вместе с ростом квалификации работников. Важнейшим элементом формирования нового отношения к труду М. Вебер считал протестантскую трудовую этику, основанную на идее профессии-призвания. В случае с США центральной идеей новой трудовой этики становится не идея профессии-призвания, а идея использования благоприятных возможностей, которые возникают благодаря освоению новых земель и изменениям в профессиональной и образовательной сферах. Но проблема отчуждения остается, его основой на новом этапе становится консьюмеризм. Само ослабление отчуждения в США становится важным фактором исторического прогресса. Это показывает, что отчуждение является сложным историческим явлением, изучение которого именно в таком качестве могло бы способствовать сближению марксизма и истории ментальностей.

Summary. The paper considers Marx's and Weber's theory of alienation with regard to USA in XIX c. If Marxism posits that in a capitalist society alienation of labour is a constantly and increasingly developing process, in Weber's view alienation gradually fades away as the skill level and qualification of labour improve. For Weber, the crucial element of a new attitude to labour was the Protestant work ethics based on the idea of occupation-vocation/calling. In case of USA, the central idea of the new work ethics was not the occupation-vocation but that of exploiting favourable opportunities arising from the development of new territories and changes in the domains of education and job. However, the problem of labour alienation remains, at this stage based upon consumerism. The very weakening of alienation processes in the USA has become an important factor for the historic progress. This demonstrates to us that alienation is a complicated historical phenomenon that, if studied as such, could be conducive to the drawing together of Marxism and the history of mentalities.

Ключевые слова: отчуждение, образование, диверсификация возможностей, колонизация новых земель.

Key-words: alienation, education, diversified opportunities, settling new lands.

УДК 930.1.1

Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г.В.Ф. Гегелем, приобретает особое значение у молодого К. Маркса. В условиях капитализма деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоотчуждение [10, 91]. Важнейшим элементом отчуждения становится разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зави-

симость ... от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы» [10, 50]. Повышение зарплаты не снимает проблемы отчуждения: «Повышение заработной платы порождает в рабочем капиталистическую жажду обогащения, но утолить эту жажду он может лишь путем принесения в жертву своего духа и тела» [10, 51].

Данные цитаты из Парижских рукописей касаются в первую очередь промышленных рабочих. Но, по мысли К. Маркса, при капитализме представители духовного труда в сущности низводятся до уровня обычных работников по найму [9, 427].

Отечественный автор Е.Я. Режабек, анализируя трудовую концепцию К. Маркса, писал: «Если в рамках системы ее взаимовосполняющие члены испытывают перманентное состояние недовоспроизводства, самообеднения внутренних потенций, то тем самым подрывается и сила их объединения: иначе говоря, система начинает клониться к упадку, дисфункциональные расстройства в содержании системы угрожают ей катастрофой» [11, 57]. Таким образом, если на поверхностном уровне у неквалифицированных рабочих отчуждение выражается в низкой зарплате, то на сущностном оно проявляется в однобокой специализации, мешающей дальнейшему развитию.

Естественно, что поставленная К. Марксом проблема отчуждения труда не могла не вызвать критики. Одну из наиболее известных попыток позитивного преодоления марксизма в начале XX в. предпринял М. Вебер, для которого капитализм означал в первую очередь рационализацию. Не отрицая возникающего при этом отчуждения, М. Вебер считал, что на ранней стадии формирования капиталистического духа оно в значительной степени компенсировалось особым духом протестантизма [4, 64].

Капитализм, по М. Веберу, основан на принципиально новом отношении к труду, главной идеей которого является идея профессии-призвания. Наиболее чистое воплощение новый дух находит в кальвинизме, где формируется концепция неутомимой деятельности в рамках профессии как средства спасения, в результате чего возникает не только новый тип предпринимателя, но и новый тип рабочих, рассматривающих свою деятельность как угодную Богу цель жизни [4, 149-202].

На исследование специфики западной интеллигенции веберовские идеи были распространены западногерманским социологом К. Зейфартом. Согласно К. Зейфарту, специфика западных интеллектуальных слоев заключалась в соединении воспитания, господства и профессии. В образовании это выразилось в сочетании рационального обучения специальности с общим гуманистическим образованием, квалифицирующим человека «сословно». Результатом становилось соединение «формальной» и «материальной» рациональности в профессиональной деятельности, и, с другой стороны, все более углубляющаяся рационализация западного мира.

Впервые подобное соединение формально-рационального и иррационально-творческого, по К. Зейфарту, было отмечено М. Вебером при исследовании протестантской этики [12, 189-205]. В дальнейшем данный социокультурный тип западного интеллектуала начал разрушаться за счет выделения, с одной стороны, истолкователей духовного труда, а с другой – носителей формальной рациональности, занимающихся утилизацией результатов деятельности. Воспитание «спецов» становится все более «фабричнообразным», а их деятельность все более замыкается на повседневной рациональности, лишается творческого начала и личностного смысла [12, 205-211]. Несложно заметить, что в рассуждениях К. Зейфарта есть определенное сходство не только с веберовским, но и с марксистским подходом к проблеме отчуждения. Но, как отмечал Ю.Н. Давыдов, для К. Маркса носителем процесса «де-патриархализации», «де-сентиментализации», «де-романтизации», «де-мистификации» мира выступает буржуазия, а для М. Вебера и К. Зейфарта – интеллектуальные слои [11, 115]. Позиция К. Маркса в данном случае кажется нам более основательной.

По мнению итальянского марксиста А. Грамши, интеллигенция является социальной группой, постоянно создаваемой новым восходящим социальным классом [5, 169]. Одновременно А. Грамши отмечает, что всякая «основная» социальная группа возникает из исторически предшествующей и несет на себе её отпечаток. Для значительной части западной интеллигенции, выросшей из средневекового духовенства, это означало особое призвание [5, 169–170]. Поэтому, по мнению А. Грамши, среди интеллигенции можно выделить такие идеально-типические группы, как интеллигенция органическая и интеллигенция традиционная [5, 180]. В XIX в. наличие обеих групп было обусловлено исторически и функционально. Интеллигенция XIX в. должна была быть не только буржуазной, но и технической. Параллельно протекавшие процессы формирования национальных государств и национальных рынков делали её создательницей и носительницей основных идей своей нации. Отсюда и идея профессии-призвания. Однако в дальнейшем, по мысли А. Грамши, само развитие общества всё более подрывает веру в призвание. Массовое «производство» интеллигенции привело к стандартизации личности и в профессиональном, и в психологическом отношении и вызвало появление в среде интеллигенции тех же явлений, что и в других стандартизированных социальных группах: конкуренции, безработицы, перепроизводства специалистов, эмиграции и т. п. [5, 175].

Дальнейшее развитие тематики отчуждения применительно к различным странам можно связать с наметившимся синтезом марксизма и мир-системного анализа. Здесь отчуждение имеет классовое и историко-географическое измерение. Современный марксистский исследователь Б.Ю. Кагарлицкий, говоря о веберовской концепции протестантской этики, отмечает: «Практическое накопление капитала в XVI-м и начале XVII в. отнюдь не было подчинено логике рационального инвестирования, не было оно связано и с производством. Рациональное начало, столь высоко оцениваемое Вебером, проявлялось ... в правильной и деловой организации грабежа...» [7, 230]. По его мнению, протестантизм оказал идеологическое воздействие на развитие капитализма, но там, где уже назревала буржуазная революция. Важную роль он сыграл также в распространении грамотности и стандартизации языка [7, 231-237].

Что касается Северной Америки, то ее специфическое положение в колониальный период, по мысли Б. Ю. Кагарлицкого, объяснялось тем, что британское правительство не очень интересовалось своими североамериканскими колониями, отдавая предпочтение тропическим и субтропическим странам. Рост аболиционистских настроений в Англии, наложившийся на стремление британского правительства ограничить экспансию североамериканских колонистов на запад, привел к возникновению в Северной Америке широкого антианглийского блока [7, 485-493]. Позднее возник неизбежный конфликт между плантаторской элитой Юга и буржуазией Севера: «Правящие классы Юга объективно стремились к тому, чтобы превратить США в периферийную империю ... Дело не в том, что Юг отставал, а в том, что его ресурсы использовались напрямую для развития мировой экономики, и в первую очередь для английской промышленности, вместо того чтобы обслуживать индустриализацию Севера» [7, 539]. Развитие капитализма, а вместе с ним и отчуждения (капиталистического и рабовладельческого) напрямую связано с местом региона в мировой капиталистической системе. Размежевание Севера и Юга шло постепенно. Как отмечает американский историк Г. Зинн, еще в 1810 г. на Севере 30 тыс. чернокожих оставались рабами [6, 115].

Причины быстрого буржуазного развития Севера следует искать не только в относительной независимости от страны-гегемона капиталистической мир-системы (т. е. Англии), в огромных колонизационных возможностях нового континента, но и в более низком уровне отчуждения труда, приводившем как к поиску более дешевой рабочей силы в лице рабов-негров на Юге, так и к технологическому прогрессу на Севере. Наиболее значимой отраслью экономики по количеству занятых людей в странах Запада в первой половине XIX в. было

сельское хозяйство. Благодаря наличию огромного фонда «свободных» земель, которые приходилось силой отнимать у индейцев, в северных штатах создано множество мелких ферм с минимумом наемного труда и максимумом механизации [14, 209]. Более высокий уровень заработной платы в условиях текучки рабочей силы и высокой производительности труда стимулировал приток иммигрантов. Колонизация новых земель, развитие торговли, высокая по тем меркам зарплата и наплыв иммигрантов создавали огромный и весьма однородный внутренний рынок, что стимулировало технические изобретения и их внедрение [14, 248].

Новая система общественных отношений в условиях перманентной колонизации наложила свой отпечаток и на процесс формирования американской интеллигенции. По мнению Дэниэла Бурстина, некоторые специфические черты американской культуры начинают формироваться еще в колониальный период. Главной причиной были особые условия, связанные с колонизацией. Так, в американских колониях Англии значительно доступнее стало высшее образование. В Англии монополия на присвоение научных званий вплоть до 1827 г. находилась у Оксфордского и Кембриджского университетов. В Америке накануне Революции по крайней мере 9 созданных в колониях учебных заведений присуждали ученые степени. Сами американские колледжи были значительно менее изолированы от общества, находясь под контролем общин поселенцев. Преподаватели были моложе, чем в Англии. Средний возраст преподавателя Гарварда в 1650 г. составлял около 24 лет. Американский колледж стал тем местом, где больше заботились о распространении знаний, чем об их накоплении или сохранении. Борьба сект за влияние способствовала их активному участию в открытии и укреплении престижа «своих» колледжей. Недостаток абитуриентов приводил к созданию межсектантских советов управления и к религиозной терпимости. Первостепенной целью было не умножение числа образованных людей, а обеспечение региона знающими священниками, юристами, врачами, торговцами, политическими деятелями. Борьба за абитуриентов вела к снижению платы за обучение. И хотя колледж оставался заведением не для бедных (средняя плата за обучение была от 10 до 20 фунтов в год при среднегодовом заработке плотника в 50 фунтов, а преподавателя колледжа – около 100 фунтов), но в целом высшее образование было доступнее, чем в Англии, где его стоимость была не ниже 100 фунтов в год [1, 205-218].

Для ослабления отчуждения была важна не только большая доступность высшего образования, чем в Англии, в Северной Америке формировался совершенно иной идеал образованного человека, отличный от веберовского идеала профессии-призвания. Грани между профессиями размывались, а критерием оценки выступала успешная практика. Преуспевающий священник, например, должен был быть одновременно немного врачом, немного учителем, политиком и т. д. [1, 222]. Та же ситуация возникала и в ремесле. Конкуренция между ремесленниками снижала стоимость ученичества, делая его доступным для детей из бедных семей [1, 222-230].

Особенно явно эти новые качества американской культуры проявились в XIX в. в ходе земельной колонизации и промышленной революции. Развитие морской торговли обеспечивало приток капитала и рынок сбыта. Отсутствие ремесленных гильдий и наличие большого количества источников водной энергии облегчали организацию фабрик. Текучка кадров приводила к росту стоимости неквалифицированной рабочей силы, которая в 1820-х гг. была на треть выше, чем в Англии. В этих условиях формируется «система взаимозаменяемости» (унификации деталей), цель которой, как объяснял ее создатель – Илай Уитни, состояла в том, чтобы «заменить эффективной и точной работой машины ту квалификацию художника, что обретается лишь долгой практикой и большим опытом...» [2, 31-43]. Множество новых поселений стремились обосновать свою «городскую» сущность, влиявшую на стоимость захваченной земли, обзаведясь своими колледжами. Свою роль здесь играло и соперничество религиозных сект. Деньги на основание вуза собирались обычно среди жителей городка. Со второй половины XIX в. в США стали возникать так называемые «земельные

колледжи», получавшие для своего существования большие земельные участки от правительства, где обучали обычно практически важным для поселенцев предметам. К 1895 г. в них обучалось уже около 25 000 человек [3, 610-618].

Более широкий доступ к высшему образованию, а также большая полифункциональность и практичность американской интеллигенции способствовали ослаблению отчуждения в этой среде. Вариативность возможностей помогала активно включаться в процесс создания нового общества. Но интеллигенция США приняла незначительное участие в фундаментальной научной революции XIX в., занимаясь в основном техническими вопросами. Не было создано здесь и учений, легших в основу новой парадигмы социальных наук. Зато именно здесь возникает система тейлоризма, ставшая организационной основой для перехода к новому бюрократизированному, «одухотворенному» (по терминологии В. Зомбарта) капитализму. Неслучайно именно в США у Т. Веблена родилась теория «праздного класса», связанная с выявлением паразитизма американской интеллектуальной элиты [6, 491-492].

Таким образом, рассмотрев проблему отчуждения труда применительно к США XIX в., можно сказать, что отчуждение многолико, региональные варианты развития способа производства и социальных структур порождают и региональные варианты отчуждения. С эволюцией способа производства формы отчуждения также меняются, причем для различных социальных групп по-разному. Очевидно, что исследование этих вопросов могло бы способствовать сближению марксизма и истории ментальностей в процессе формирования новой парадигмы социальных наук. Что же касается заочного спора К. Маркса и М. Вебера, то очевидно, что на начальном этапе промышленной революции в той же Англии наблюдался резкий рост отчуждения, бывший своеобразной платой за резкий рост эффективности нового способа производства. Но к середине XIX в. у Британии появляется ряд конкурентов, среди которых наиболее динамичным оказался Север США. М. Вебер искал причины этого динамизма в протестантской этике. На самом же деле здесь видится целый клубок причин, в том числе и более низкий уровень отчуждения труда, связанный с текучкой рабочей силы.

Последнее постоянно порождало перед экономическими элитами США проблему: как подчинить себе рабочую силу? По большому счету вариантов ответа оказалось два: или платить больше и повышать доходность за счет технических и организационных модернизаций, или найти максимально дешевую рабочую силу, лишенную каких-либо прав (например, рабов-негров). Спецификой США стало географическое разделение этих вариантов: первый – для Севера, второй – для Юга. В результате Гражданской войны победа осталась за Севером, что дало новый импульс развитию США. Победы Юг, и он превратился бы в подобие Латинской Америки: в сырьевую периферию европейского капитализма.

Таким образом, отчуждение является важным фактором при выявлении специфики регионального развития и причин расширения или смещения центра мира-экономики. Для определения же уровня самого отчуждения важны такие показатели, как уровень заработной платы, специфика социальной организации, доступность образования и его характер, возможность смены сферы деятельности и социального статуса в ходе самореализации, ментальные особенности общества. Отчуждение труда, о котором писал К. Маркс, как мы видим, не является постоянной величиной, это явление историческое, изменяющееся и по уровню, и по содержанию вместе с развитием капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурстин, Д. Американцы: Колониальный опыт: пер. с англ. / под общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника; послеслов. В. П. Шестакова. – М.: Изд. группа «Прогресс» - «Литера», 1993. – 480 с.
2. Бурстин, Д. Американцы: Национальный опыт: пер. с англ.; авт. послеслов. В. П. Шестаков; коммент. П. В. Балдицына. – М.: Изд. группа «Прогресс» - «Литера», 1993. – 619 с.
3. Бурстин, Д. Американцы: Демократический опыт: пер. с англ. / под общ. ред. и с коммент. В. П. Олейника. – М.: Изд. группа «Прогресс» - «Литера», 1993. – 832 с.

4. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 805 с.
5. Грамши, А. Искусство и политика: В 2 т. Т.1 / пер. с итал. – М.: Искусство, 1991. – 432 с.
6. Зинн, Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2006. – 880 с.
7. Кагарлицкий, Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 676 с.
8. Кинелев, В. Г. Образование, воспитание, культура в истории цивилизаций / В. Г. Кинелев, В. Б. Миронов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 520 с.
9. Маркс, К. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. –2-е изд. Т. 4. – С. 419-459.
10. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. Т. 42. – С.41-174.
11. Режабек, Е. Я. Капитализм: проблема самоорганизации / Е.Я. Режабек. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – 320 с.
12. Токвиль А. де Демократия в Америке: пер. с франц. / А. де Токвиль; предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Изд. группа «Прогресс» - «Литера», 1994. – 554 с.
13. ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника – интеллектуалы – культура. – М.: Наука, 1989. – 343 с.
14. Хобсбаум, Э. Век революции. Европа 1789 – 1848 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Л. Д. Якуниной. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.
15. Seyfart K. Gesellschaftliche Rationalisierung und die Entwicklung der Intellektualenschichten: Zur Weiter-führung eines zentralen Themas Max Webers // Max Weber und die Rationalisierung sozialen Handelns / Hrsg. W. M. Sprondel, C.Seyfart. – Stuttgart, 1981. – S. 189-214.

Григорьев О.А

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1991-2000 гг.)

Григорьев О. А.

O. A. Grigoryev

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1991-2000 гг.)

LABOUR-MARKET DEVELOPMENT AND ACTIVITY IN THE KHABAROVSK REGION, IN THE CONTEXT OF ECONOMIC REFORMS (1991-2000)

Григорьев Олег Александрович – соискатель кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: oleg.grigorev.1951@mail.ru

Mr. Oleg A. Grigoryev – PhD Applicant, Department of History and Archival Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenina Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: oleg.grigorev.1951@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции и особенности формирования и функционирования регионального рынка труда в условиях социально-экономических изменений в период с 1991 по 2000 гг.

Summary. The paper considers trends and special features of the development and activity of the regional labour-market in the situation of social and economic change in the period from 1991 up to 2000.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, уровень безработицы, центр занятости, занятость.

Key-words: unemployment, labour-market, unemployment level, employment centre, employment.

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

УДК 331.5(571.62)

Проблема рынка труда, занятости и безработицы является одной из важнейших социально-экономических проблем постсоветской России. В недавнем прошлом считалось, что в нашей стране осуществлено всеобщее право на труд. Многие годы проблемы занятости и безработицы попросту не рассматривались. Занятость населения при социализме определялась как система отношений «...по планомерному обеспечению рабочими местами и всеобщему участию трудоспособных граждан в общественном труде в соответствии со способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей» [3, 18].

Социально-экономические изменения в России в начале 90-х гг. XX в. характеризовались снижением объемов промышленного производства, санацией экономики, приватизацией, изменением производственного профиля убыточных предприятий и, в конечном счете, ростом безработицы. Происходило формирование рынка труда как естественной составляющей любой нетоталитарной экономики [см. прим. 2].

В тот период Россия вместе с другими изменяющимися экономиками формировала стандартный набор институтов, действующих в сфере занятости: «...был введен законодательный минимум заработной платы, создана система страхования по безработице, легализована забастовочная деятельность, сформирована сложная многоступенчатая схема коллективных переговоров, установлены налоги на фонд оплаты труда, внедрена политика налого-

вого ограничения доходов, предпринимались попытки индексации заработной платы и т. д.» [2, 84].

В этих шагах не было ничего нестандартного. Подобное происходило в переходных экономиках ГДР, Венгрии, Чехии и т.д. Тем не менее в России формировалась специфическая модель рынка труда. Эта специфика в полной мере проявилась и в формировании рынка труда Хабаровского края.

Дальний Восток многие десятилетия развивался на основе приоритетов геополитического и ресурсного характера. Существующая структура хозяйства и занятости региона была обусловлена прежними неэкономическими решениями (охрана государственной границы и заселение территорий). При переходе к рыночным отношениям здесь неизбежны большие сложности «...из-за меньшей готовности хозяйства к введению рыночной системы» [7, 49].

Хабаровский край всегда относился к трудонедостаточным территориям. К началу 1993 г. в нем проживало 1621 тыс. человек, что составляло немногим более 1 % населения России и 20 % населения Дальнего Востока. Ситуация осложнилась в 1992 г., когда из края выбыло на 11 тыс. человек больше, чем прибыло. В первую очередь население теряла зона Ближнего Севера – Верхнебуреинский и Солнечный районы, г. Комсомольск-на-Амуре [5, 15]. Начиная с 1990 г. спад производства, его структурная перестройка, финансовые затруднения привели к высвобождению рабочей силы, и безработица стала реальностью.

На первом этапе формирования дальневосточного рынка труда произошла легализация безработицы. Она стала зарегистрированным явлением общественной жизни, которое подлежит измерению и оценке. Для этой стадии характерен переход от дефицита кадров к появлению безработицы как фактору рынка труда, когда часть рабочей силы не занята в производстве товаров и услуг. «Фактически произошла регистрация через центры занятости некоторой части работников, занимавшихся ранее свободным поиском работы» [10, 41]. Приватизация предприятий в 1991 – 1993 гг. не оказала решающего влияния на занятость населения. Темпы сокращения объемов производства значительно опережали темпы сокращения численности занятых. Отмеченные процессы не были синхронизированы, и именно в этом заключалась главная особенность формирующегося рынка труда.

Этот период характеризуется низким уровнем квалификации безработных граждан. По состоянию на 01.01.92 в Хабаровском крае официально было зарегистрировано в качестве безработных всего 1,3 тыс. человек. Уровень безработицы составил 0,2 % [5, 56]. Впрочем, данные регистрируемой безработицы камуфлировали истинную социальную цену происходивших реформ. Фактический уровень безработицы был значительно выше. По данным Краевого комитета государственной статистики безработными считались 46,7 тыс. человек. Уровень безработицы в Хабаровском крае на 01.01.92 составлял 5,8 % [5, 56]. Это расхождение было связано и с непривычностью только что появившейся службы занятости, и с морально-психологической неготовностью граждан, оказавшихся без работы, обращаться в центры занятости населения. В разряд безработных попадали в основном женщины, имеющие неконкурентоспособные профессии или воспитывающие малолетних детей; выпускники высших и средних специальных учебных заведений, не имеющие практического опыта или получившие невостребованные на рынке труда профессии; лица предпенсионного возраста, попавшие под возрастные ограничения.

Рассматривать формирование рынка труда невозможно в отрыве от деятельности службы занятости. Современная служба занятости создавалась в период, предшествующий распаду СССР. Противоречия между Указами президента СССР и деятельностью республиканской власти, так называемая «война законов», не могли способствовать развитию нормального законотворческого процесса. В РСФСР, формально ещё находившейся в составе СССР, происходили социально-экономические изменения, которые не были просто реформами. Это была смена формации, государственного строя, основ бытия. В этих условиях,

Григорьев О.А

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1991-2000 гг.)

19 апреля 1991 г. в соответствии с Законом РФ «О занятости населения в РФ» была создана Федеральная государственная служба занятости населения.

Хабаровская краевая служба занятости была образована приказом председателя Комитета по труду и занятости населения крайисполкома В.В. Хрычева от 15.04.91 № 16 [см. прим. 1].

В приказе говорилось о решении исполнительного комитета краевого Совета народных депутатов от 12.04.91 № 81 образовать при комитете по труду и занятости населения крайисполкома краевой центр занятости на базе существующего краевого центра по трудоустройству, переобучению и профориентации населения. Первым директором краевого центра занятости населения был назначен деятельный и опытный управленец Ю.А. Котельников. Ему поручалось в срок до 01.05.91 утвердить во Всероссийском центре занятости штатное расписание и смету на содержание государственной службы занятости населения края на 1991 г. и произвести назначение руководителей центров и бюро занятости в городах и районах края, закончить формирование служб занятости в срок до 01.08.91.

Возродившаяся после более чем шестидесятилетнего периода «всеобщей занятости» служба на основании закона о занятости приступила к осуществлению политики содействия занятости населения, к обеспечению гарантий государства по реализации конституционных прав жителей Хабаровского края на труд и социальную защиту от безработицы.

Период 1991 – 1995 гг. характеризовался бурным развитием краевой службы занятости населения. «Реальная перспектива массовой безработицы и отсутствие специализированной государственной структуры обусловили повышенное внимание власти к созданию новых институтов рынка труда» [1, 18]. После принятия закона о занятости учредился внебюджетный Государственный фонд занятости, выстроилась вертикаль федеральной службы. Во всех городах и районах Хабаровского края в 1991 г. были образованы центры и бюро занятости населения, сформированы трудовые коллективы и материальная база подразделений краевой службы занятости, нарабатывалась правоприменительная практика закона о занятости. «Быстрому становлению ГСЗ способствовало не только наличие значительных финансовых ресурсов в образованном ГФЗ, но и получение кредитов международных финансовых институтов (прежде всего Всемирного банка). Средства направлялись на техническое оснащение структур службы занятости, наем персонала, его обучение современным методам обслуживания безработных, на адаптацию соответствующего западного опыта к российским условиям» [1, 19]. К середине 90-х гг. удалось полностью компьютеризировать краевую службу занятости населения, которая стала единственной социальной службой, использующей прогрессивные технологии. Ведущую роль в разработке и освоении новых технологий в тот период играл Комсомольский-на-Амуре городской центр занятости населения. Его специалисты смогли создать ряд пилотных проектов в области программного обеспечения и технологии приема населения. Например, компьютерная программа «Биржа труда» успешно работала в Амурской области, Якутии, Красноярском крае в течение 15 лет до перевода всех подразделений на общероссийский программный комплекс «Катарсис».

Обострение ситуации на контролируемом рынке труда произошло в 1994 – 1996 гг., когда случилось «...значительное сокращение работающих в наукоемких и социально-ориентированных отраслях промышленности...» [10, 41]. В Хабаровском крае уровень регистрируемой безработицы на конец июня 1996 г. составил 6,3 % и превысил среднероссийский показатель в 2 раза. В 8 районах из 12 уровень безработицы более чем в 2 раза превысил средний показатель по краю и составил в Тугуро-Чумиканском районе 29,9 %, в Нанайском – 23,2 %, им. Полины Осипенко – 17,9 %, Вяземском – 16,2 %, им. Лазо – 16,2 %, Ульчском – 15,4 %, Бикинском – 14,2 %. Общее количество зарегистрированных безработных в Хабаровском крае на 01.07.96 составило 47 тыс. человек [6, 1].

Резко увеличилась скрытая безработица – работа неполный день, вынужденные отпуска, простои. Численность работников промышленности, работающих неполное рабочее время, в 1996 г. составила 52,8 %. В течение первого полугодия 1996 г. 12 % всех занятых в экономике края находилось в вынужденных отпусках [6, 1].

Значительно увеличился период поиска работы. В конце июня 1996 г. средняя продолжительность текущей безработицы в крае составила 6,6 месяцев. Удельный вес безработных, не имеющих работы более года, составил 18,8 %.

Таблица 1

Распределение численности безработных по продолжительности поиска работы
(по данным обследований; в процентах) [9, 31]

Год	Всего безработных	В том числе ищут работу				Среднее время поиска работы
		до 2 месяцев	от 2 до 6 месяцев	от 6 до 12 месяцев	более года	
Безработные всего						
1993	100	34,0	32,4	14,9	18,7	5,9
1994	100	30,0	34,7	16,5	18,8	6,0
1995	100	17,1	38,0	20,9	24,0	7,1
1996	100	12,6	28,9	25,9	32,6	8,5
Мужчины						
1993	100	38,0	33,1	17,6	11,3	5,1
1994	100	34,5	36,3	17,2	12,0	5,1
1995	100	15,3	40,0	20,1	24,6	7,3
1996	100	16,1	29,4	28,0	26,5	7,8
Женщины						
1993	100	30,6	31,8	12,7	24,9	6,5
1994	100	25,4	33,0	15,8	25,8	6,9
1995	100	18,8	35,9	21,9	23,4	7,0
1996	100	9,0	28,4	23,8	38,8	9,2

Принципиально изменилась социальная структура безработных по сравнению с периодом легализации рынка труда. На 1 июля 1996 г. в составе безработных было 25,4 % лиц с высшим и средним специальным образованием, 59,9 % женщин, 34,1 % составляла молодежь в возрасте от 16 до 29 лет.

Деятельность краевой службы занятости в тех условиях оказалась реальным фактором минимизации негативных процессов на рынке труда и снижения социальной напряженности. За первое полугодие 1996 г. 14 предприятий с общей численностью работающих 26 296 чел. подали сведения о массовом высвобождении на 3273 работника. Основная масса высвобожденных 2714 чел. обратилась в центры занятости населения на местах. Было трудоустроено на этих же предприятиях 385 чел., на других предприятиях 161 чел., отправлено на досрочную пенсию 183 чел. [6, 13].

Рынок труда в период обострения ситуации формировался под влиянием множества экономических и социальных факторов, основными из которых являлись спад объемов промышленного производства, рост неплатежей, ухудшение финансового состояния предприятий. «В целом же второй этап – это адаптация населения к безработице, развитие структурно-регрессионной составляющей безработицы, ее локализация по территориям Дальнего Востока, зарождение стагнационных процессов в сфере занятости» [10, 42].

Григорьев О.А

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1991-2000 гг.)

Начало этапа перехода к массовой безработице с известной долей условности можно отнести к концу 1996 г. Ситуация на контролируемом рынке труда в этот период определялась многократным превышением предложения рабочей силы над спросом на нее. По состоянию на 01.01.1999 в краевой службе занятости насчитывалось 3,1 тыс. вакансий, на которые приходилось 34,3 тыс. зарегистрированных безработных граждан. Это соотношение было неравномерно распределено по районам и городам края. Если в Ульчском районе на одну вакансию приходилось 1705 (!) безработных, то в Охотском районе 4 человека. В Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре на одно рабочее место претендовало 3 и 8 безработных соответственно [4, 9].

Долгосрочная безработица в 1997 – 1998 гг. переросла в «профессиональную». В 5 сельских районах края (Бикинском, Вяземском, Нанайском, Ульчском и им. П. Осипенко) безработные, состоящие на учете более года, составляли от 38 до 60 % [4, 9]. Пособие по безработице в этих районах края становилось едва ли не единственным источником денежных доходов. Именно в это время произошел процесс деградации и депрофессионализации кадрового состава рабочих и служащих всех уровней и всех отраслей хозяйства.

В рассматриваемый период происходило активное вытеснение региона с внутреннего рынка России. Усилился миграционный отток населения. Если с 1970 по 1989 гг. миграция обеспечивала ежегодный прирост населения в среднем на 38,7 тыс. чел., то уже с 1992 г. в крае имело место отрицательное сальдо миграции, причем в основном выезжало население трудоспособного возраста [8, 54].

Тем не менее к началу 2001 г. в сфере организации занятости населения Хабаровского края наметились позитивные перемены. Начала сокращаться численность уволенных по сокращению штатов, органами статистики была зафиксирована положительная тенденция в движении рабочей силы между предприятиями, были приостановлены темпы снижения численности занятых в экономике края. Под воздействием таких факторов наметились едва заметные признаки будущей стабилизации на рынке труда в регионе.

С 1991 по 2001 гг. в Хабаровском крае произошло формирование рынка труда, становление органов службы занятости, наработана правоприменительная практика Закона РФ «О занятости в РФ», были апробированы зарубежные и отечественные методики работы с населением, работодателями, властными структурами, учебными заведениями, появился опыт работы в условиях критической ситуации на рынке труда. Логика развития рынка труда вызвала к жизни активные формы содействия занятости населения (общественные работы, профессиональное обучение, создание и сохранение рабочих мест, поддержка самостоятельной занятости). Привычным явлением общественной жизни края стало проведение ярмарок рабочих мест.

Вместе с тем в указанный период отчетливо проявилась разбалансированность регионального рынка труда по качественным критериям спроса и предложения рабочей силы. Потеря престижа ряда профессий привела к деквалификации рабочей силы и снижению стимулов к овладению профессиональным мастерством, что создало угрозу экономическому и трудовому потенциалу края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева, Л. Ф. Роль службы занятости в инфраструктуре российского рынка труда / Л. Ф. Голубева. – Тамбов, 2004. – 249 с.
2. Капелюшников, Р. Российская модель рынка труда: что впереди? / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2003. – № 4. – С. 83-100.
3. Занятость населения: изучение и регулирование / И. Н. Котляр, И. Н. Кирпа, В. В. Трубин [и др.]. – М.: Финансы и статистика, 1993. – 130 с.

4. Отчет о деятельности Департамента Федеральной государственной службы занятости по Хабаровскому краю за 1998 г. – Хабаровск, 1999. – 64 с.
5. Паспорт Хабаровского края 1990-1999 годы / Госкомстат России. Хабаровский краевой комитет государственной статистики. – Хабаровск, 2000. – 83 с.
6. Рынок труда Хабаровского края и основные показатели деятельности службы занятости по выполнению закона Хабаровского края «Содействие занятости населения Хабаровского края на 1996 год». – Хабаровск, 1996. – 24 с.
7. Телушкина, Е. Проблемы занятости населения / Е. Телушкина // Международная жизнь. – 1993. – № 8. – С. 48-51.
8. Топчий, А. В. Трансформационные процессы на рынке труда Дальневосточного федерального округа / А. В. Топчий. – Владивосток, 2011. – 170 с.
9. Труд и занятость в Хабаровском крае за 1992-1996 гг. / Госкомстат Российской Федерации. Хабаровский краевой комитет государственной статистики. – Хабаровск, 1997. – 56 с.
10. Шкуркин, А. М. Рынок труда и занятости на российском Дальнем Востоке / А. М. Шкуркин // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. Вып. 2. – 1999. – С. 40-44.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хабаровский государственный краевой архив Ф.Р-553. Оп. 1. Ед. хр.394. Л.23.
2. В рамках данной статьи будет уместным определение понятия «рынок труда» близкое к тому, что применялось в 1990-е гг. в статистике занятости Министерства труда и социального развития Российской Федерации. Необходимо отметить, что в терминологии ведомства использовалось понятие «рынок рабочей силы». Таким образом, рынок труда - система социально-экономических отношений, норм и институтов, обеспечивающих непрерывный процесс воспроизводства, использования и свободного перемещения рабочей силы.

Бакшеева Е. Б.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ КУРС СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР 1958 – 1964 гг.)

Бакшеева Е. Б.

E. V. Baksheeva

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ КУРС СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР 1958 – 1964 гг.)

ANTIRELIGIOUS COURSE OF THE SOVIET STATE (IN PERIODICALS WITH THE FAR EAST OF THE RSFSR 1958 – 1964)

Бакшеева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права» (г. Хабаровск). E-mail: elena_baksheeva.ksael@mail.ru

Baksheeva Elena Borisovna, candidate of history, associate professor of the social-humanities (sub)department of Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Khabarovsk). E-mail: elena_baksheeva.ksael@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные направления государственной политики в отношении Русской православной церкви на Дальнем Востоке РСФСР в период «хрущёвской оттепели». Показана роль периодической печати региона, поддержавшей антирелигиозный курс советского государства и способствовавшей активизации наступления на религию и религиозные пережитки советских граждан.

Summary. The article deals with the analysis of basic directions of a state policy in relation to the Russian Orthodox Church in the Far East of RSFSR at the period of «Khrushchov's political thaw». There is shown the role of the periodicals which supported an antireligious course of the Soviet state and promoted activization of pressure to the religion and religious vestiges of the Soviet citizens.

Ключевые слова: государство, Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, уполномоченный Совета, Русская православная церковь, верующие, публикации, периодическая печать.

Key words: state, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR, authorized representative of Council, Russian Orthodox Church, believers, publications, periodicals.

УДК 261.7

Государственная политика России/СССР в отношении Русской православной церкви всегда имела неоднозначный характер, являясь, по сути, специфическим отражением внутренней и внешней политики руководства страны. Современный период нашей истории не является исключением. При этом совершенно очевидно, что понимание истоков и проблематики нынешних отношений власти, церкви и общества сокрыто в прошлом. Это во многом предопределяет научный и практический интерес к историческому анализу отношений церкви и государства в советский период, особенно в такие его ключевые моменты, как Великая отечественная война, послевоенный период [1; 2] и, как в данной статье, время хрущёвской «оттепели». Население Дальнего Востока России также было вовлечено в этот процесс, который имел здесь определённую специфику. Исторический анализ такой специфики и стал предметом нашего исследования.

В послевоенный период государственно-церковные отношения в СССР развивались достаточно противоречиво: внешняя лояльность сменялась рецидивами воинствующего безбожия, попытками вытеснить Русскую православную церковь на периферию общественной жизни. Новая атака на религиозные пережитки в стране была предпринята после выхода 4 октября 1958 г. секретного Постановления ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [4, с. 120]. Вопреки надеждам верующих граждан на расширение их прав, Н. С.

Хрущёв перешёл к политике ужесточения антирелигиозных мер, вылившейся в 1958 – 1963 гг. в т. н. «хрущёвские гонения». Причина заключалась в том, что лояльное отношение к православной церкви, способствовавшее укреплению и росту её авторитета в обществе, рассматривалось руководством страны как нарушение ленинских принципов в религиозном вопросе, одно из проявлений сталинизма, с последствиями которого началась упорная борьба. Наступление на религию логично вписывалась в контекст решения глобальной партийно-государственной задачи – строительства коммунизма, предполагавшего освобождение сознания людей от религиозных предрассудков и суеверий [29, с. 145].

Формированием нужной власти общественного мнения занялась пресса, развязавшая бурную антирелигиозную кампанию. Авторы статей выступали за высокий моральный уровень трудящихся, призывали «на пороге коммунизма» «освободиться от удушливого церковного дурмана», предпринять «окончательное наступление на религию» [13, л. 2]. По мере усиления антирелигиозных мер, атеистическая пропаганда становилась всё более агрессивной. В газетных и журнальных публикациях чаще стали встречаться нападки на православную церковь, высших иерархов, духовенство и верующих, назывались имена «опорочивших высокий сан» церковников [13, л. 11]. В оскорбительном для Московской патриархии тоне представлялась информация о религиозных святынях, например, Троице-Сергиевой лавре, Сергии Радонежском, к гробу которого прикладывались тысячи верующих, в т. ч. иностранные граждане, специально приезжавшие для этого в СССР [14, л. 40].

Новый поход против Церкви, поддержанный прессой, получил не только поддержку, но и осуждение у части населения страны, а также за границей, где началась кампания по защите советского духовенства от нападок государства [14, л. 40]. Со своей стороны, председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов обратился к редакторам журналов и газет с требованием не допускать высмеивания церковных святынь, упоминаний в оскорбительном тоне имён патриарха и других иерархов [14, л. 125]. Однако поток таких публикаций все ширился и имел настолько сильный резонанс, что высшее духовенство даже было вынуждено отказаться от посещений дипломатических приёмов, т. к. присутствовавшие, как им казалось, видели в них «взяточников, обирающих верующих граждан» [12, л. 5].

Статьи антирелигиозного содержания появились и в дальневосточных газетах: «Тихоокеанской звезде», «Амурской правде», «Красном знамени» и др. Только в 1958 г. в печати Приморского края было опубликовано свыше 30 статей, «разоблачавших несостоятельность религиозных верований, невежество, шарлатанство церковников и сектантов» [9, л. 64]. Амурское книжное издательство в рамках антирелигиозной кампании выпустило сборник публикаций из областных и районных газет с говорящим за себя названием «Мракобесы без маски» [19, с. 3]. Одновременно из книоторгов и библиотек изымались издания, «не отражавшие требований времени по борьбе с религией». В частности, в 1962 г. так поступили с брошюрой «Правда об амурских сектантах» [27], автор которой, по мнению цензоров, слишком «поверхностно» показал роль марксистско-ленинской идеологии, «обошёл вниманием партийные организации и общественность», «слабо раскрыл антинаучную, реакционную сущность и идейный вред сектантства». Вопрос о брошюре обсуждался в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР, на заседании коллегии Министерства культуры РСФСР, бюро Амурского обкома партии, признавшего её выпуск «грубой ошибкой Амурского книжного издательства» [26, л. 45 – 47].

Амурский облисполком подверг резкой критике статью «Документ огромного значения», в которой давались «неправильные» разъяснения положений ленинского декрета от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Вопреки курсу на закрытие действовавших культовых зданий, утверждалось, что каждой религиозной группе, имевшей не менее 20 чел., органы власти обязаны выдавать разрешения на открытия молитвенных домов. Утверждалось, что публикация статьи привела к активизации деятельности религиозных объединений из г. Белогорска и Свободного: верующие стали

Бакшеева Е. Б.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ КУРС СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР 1958 – 1964 гг.)

обращаться в органы власти с требованием «создать им условия для молений» и, не дожидаясь принятия решений, начали заключать договоры об аренде зданий, избирать руководящие органы и открыто исполнять религиозные обряды [8, л. 7].

Поддержку партийных и советских органов получал лишь материал, нацеливавший советских людей на отрыв от религии, например, т.н. «открытые письма» лиц, «порвавших с церковью» [20, с. 4]. Бывшие служители культа и бывшие верующие ругали в них Московскую патриархию, возмущались лицемерием, карьеризмом и пьянством духовенства [19, с. 4]. Ссылаясь на свой опыт, пытались убеждать читателей, что с помощью «тайнств» происходило «массовое одурачивание людей», а крещения, исповеди и прочие «номера» церковной программы исполнялись тем усерднее, чем больше за них платили [3, с. 4]. Статьи, как правило, завершались призывами «прекратить верить попам» [25, с. 4].

Пропагандистский эффект публикаций усилился после того, как 12 апреля 1961 г. впервые в истории человечества с космодрома Байконур стартовал пилотируемый космический корабль «Восток» с Ю. А. Гагариным на борту. «В моих преклонных годах не престало находиться в размышлении: есть ли Бог и где он? А меня размышления не покидают, начиная с 12 апреля, – писала в редакцию 23 мая 1961 г. одна пожилая женщина. – Выходит, правильно поступили бывшие попы, которые отреклись от Церкви? Выходит, в самом деле, нет Бога? До последних космических событий я была честной верующей. Вдруг слышу по радио позывные: человек в космосе! Как же человек может летать и не заденет ни за Илью Пророка, ни за одного из божьих апостолов? Как же Бог, если он всемогущий, может допустить подрыв своего авторитета? Вдруг он накажет за дерзости? Но по радио передали: приземлился. Теперь я убедилась, что Бог – это наука, это человек. Юрий Гагарин победил в моей душе всякую веру в небесные силы, он сам – небожитель, нет в небе никого сильнее его. Слава тебе, советский человек, победитель неба!» [5, л. 2, 3]. Такие публикации, рассчитанные на широкую аудиторию и написанные, как правило, ненаучным языком от имени «простых граждан», «работали» там, где не могли добиться нужного власти эффекта лекторы и пропагандисты, прямолинейно навязывавшие свои антирелигиозные взгляды.

Сильный резонанс у дальневосточной общественности получили статьи о священниках, которые в годы Великой Отечественной войны оказались на временно оккупированных территориях. Открыто публикуя их фамилии, авторы утверждали, что «отцы благочинные» пресмыкались перед фашистскими оккупантами и украинскими националистами [17; 22; 24]. Мнения верующих, как правило, не были однозначными. Одни выступали на стороне «своих» служителей культа, другие, возмущаясь вскрывшимися фактами, утверждали, что «в церквях служат матёрые бандиты и предатели советского народа», которые «используют религию в личных интересах, обворовывают верующих и за счёт этого непомерно жиреют» [7, л. 12, 12об]. Поднятая в «Амурской правде» волна негодования по поводу сотрудничества с оккупационными властями представителей духовенства из храма г. Благовещенска явилась причиной созыва 6 октября 1959 г. совещания в горисполкоме, где обвиняемые были вынуждены объяснять, что искупили свою вину, реабилитированы и получили право жить «на любой территории СССР». Один из священников доказывал в свое оправдание, что внёс посильную лепту в борьбу с фашистскими оккупантами: в 1944 – 1945 гг. при его участии в лазарет г. Луцка (Украинская ССР) было передано 136 тыс. руб., 24 тонны зерна, более 10 тыс. яиц [7, л. 17 – 20, 27]. «Разоблачения», как правило, заканчивались снятием священнослужителей с регистрации, а также высылкой из дальневосточного региона [16, л. 12, 13].

Поддержала пресса требование государства, адресованное Московской Патриархии, о неукоснительном исполнении постановлений ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» и Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Курс на передачу права учёта и расходования церковных средств исполнительным органам общин, принятый на основании этих документов, также сопровождался

«разоблачениями» финансовых махинаций священников. В газетах появились статьи о необходимости восстановления социалистической законности, отстранения духовенства от финансово-хозяйственных дел приходом [12, л. 1 – 3]. В публикациях рассказывалось о причтах Благовещенска, Белогорска Амурской области, «обиравших церкви и верующих», осуждалась алчность духовенства храма г. Владивостока. Утверждалось, что материальное благополучие священнослужителей создавалось исключительно за счёт невежества прихожан, незаконного расходования денег, собранных на нужды церковей и молитвенных домов [18; 23, 28]. При этом факты, которые приводились в статьях, зачастую имели место, но несправедливые нападки на духовенство в целом, конечно, были недопустимы и вызывали болезненную реакцию у верующих.

Представители советских и партийных органов при опоре на общественное мнение, сформированное публикациями антирелигиозного характера, активизировали деятельность по закрытию церковей. Основанием для принятия таких решений чаще всего было отсутствие в приходских служителях, чему способствовали сами власти. В 1960 и 1961 гг., например, под предлогом «нарушения законодательства о культах» были сняты с регистрации три священника в г. Хабаровске [15, л. 19]. В Приморском крае в течение 1962 и 1963 гг. отклонены восемь кандидатур священнослужителей [10, л. 72], острую потребность в которых испытывал Свято-Никольский храм г. Владивостока [11, л. 19]. Отказы и снятия с регистрации имели целью сначала парализовать, а затем закрыть религиозные общины как «прекратившие деятельность». Объектом пристального внимания становились священники, «интересно совершавшие богослужения», создававшие в храмах благоприятную для религиозного человека атмосферу. Так, если в начале 1960-х гг. Свято-Никольскую церковь г. Свободного Амурской области посещали 100 – 150 чел., то с осени 1963 г. стало приходиться вдвое больше. Только в январе 1964 г. здесь было окрещено 18 % всех родившихся, тогда как ранее ежегодно крестилось до 15 % всех новорожденных. Причина заключалась в том, что назначенный в приход молодой священник очень интересно совершал богослужения. Даже архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий), приезжавший с инспекцией в начале февраля 1964 г., отметил его «плодотворную работу» [6, л. 112, 113]. С появлением нового служителя изменилась ситуация и в церкви им. Александра Невского в г. Хабаровске. Если в 1961 г. культовое здание посещала лишь небольшая группа прихожан (10 – 15 чел.), и к концу года положение общины стало критическим, что, как посчитали в крайисполкоме, было удобным для её роспуска, то назначение священника, обладавшего хорошими организаторскими способностями и знанием обрядов, существенно изменило ситуацию. Как следствие, деятельность пастыря, способствовавшая росту религиозных настроений населения, была вскоре пресечена. Уже в 1962 г. его вместе с членами исполнительного органа Александровской церкви сняли с регистрации «за проведение религиозной пропаганды» и направили в прокуратуру «дело о взятке» якобы за предложение «преподнести подарок» уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Хабаровском крайисполкоме. С целью создания вокруг следствия и суда соответствующего общественного мнения было принято решение опубликовать статью, разоблачавшую «противоправную деятельность духовенства». В итоге принятых властью мер вновь были созданы условия для закрытия этой церкви [16, л. 12 – 14].

Общественное мнение, формировавшееся с помощью печати, выступало на стороне подобных инициатив. Публикации, подававшие компрометирующий материал, служили основанием для реализации антирелигиозных мер, которые в первую очередь применялись в отношении служителей культа, имевших авторитет у верующих. В то же время результатом грубого администрирования, подержанного прессой, стало усиление религиозного фанатизма и подрыв авторитета советского законодательства о культах [13, л. 16, 12].

Изменение политического климата в стране, начавшееся после смерти И. В. Сталина, вошло в историю под названием «хрущёвской оттепели». Однако вопреки надеждам верующих, «оттепель» не распространилась на православную церковь и религию, в целом.

Бакшеева Е. Б.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ КУРС СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР 1958 – 1964 гг.)

Более того, они стали рассматриваться как институты, враждебные и идеологически чуждые социалистическому обществу, сплочённому в едином порыве строительства коммунизма.

Ведущая роль в реализации такой политики принадлежала ЦК КПСС, Совету по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и в немалой степени центральной и местной периодической печати, которая использовалась для нанесения решающего удара по позициям Русской православной церкви во всех регионах страны. Дальний Восток РСФСР в этом плане не стал исключением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакшеева Е. Б. Из истории реализации государственной политики в отношении Русской православной церкви в Приморском и Хабаровском краях (1943 – 1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7. История. Вып. 49. С. 106 – 114.
2. Бакшеева Е. Б. Налоговая политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1941 – 1953 гг. (на примере юга Дальнего Востока РСФСР) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 1 (37). С. 153 – 159.
3. В религии я вижу обман // Красное знамя. 1959. 28 июня.
4. Гераськин, Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (к. 30-х — 70-е гг. XX в.) / Ю. В. Гераськин. – Рязань: РГУ, 2007.
5. Государственный архив Амурской области (ГААО). П-1. Оп. 25. Д. 292.
6. ГААО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 162.
7. ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 1044.
8. ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 1605.
9. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812.
10. ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 3.
11. ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 40.
12. ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 44.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 254.
14. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255.
15. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 20.
16. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 21.
17. Грибов, Я. Изверг в духовном сане (о священнике г. Свободного) / Я. Грибов // Знамя коммуны. 1961. 21 января.
18. Земные деяния Петра Распевина // Красное знамя. 1959. 29 ноября.
19. Мракобесы без маски. Правда о религиозных организациях, действующих в Амурской области. – Благовещенск, 1960. – 78 с.
20. Не хочу больше обманывать // Путь Ильича. 1959. 26 июля.
21. Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 171 с.
22. Петроченко, П. Что скрывается за «святой маской» (о священнике Благовещенской церкви) / П. Петроченко // Амурская правда. 1960. 27 марта.
23. Под сенью божьего храма // Амурская правда. 1959. 20 июня.
24. Подлинное лицо отцов благочинных // Амурская правда. 1959. 15 августа.
25. Почему я порвал с религией // Амурская правда. 1959. 25 апреля.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П-556. Оп. 15. Д. 111.
27. Соснина, И. В. Правда об амурских сектантах / И. В. Соснина. – Благовещенск, 1962. – 31 с.
28. Туняядцы у амвона // Красное знамя. 1962. 26 сентября.
29. Чумаченко, Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция / Т. А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2008. № 15. С. 138 – 149.

Наливайко Т. Е., Гранина Н. М
T. E. Nalivayko, N. M. Granina

**ИНФОРМАЦИОННО-НАСЫЩЕННАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ**

**INFORMATION-RICH EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT A COL-
LEGE/UNIVERSITY AS A FACTOR OF STUDENTS' UNFORMATION LITERACY DE-
VELOPMENT**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Education, Professor, Provost for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013; phone: +74217539825. E-mail: tenal@knastu.ru.

Гранина Наталья Михайловна – главный библиотекарь, аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681032, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д.70, кв. 55; 89142193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Ms. Natalia M. Granina – Chief Librarian, PhD Candidate, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 70, Vokzalnaya Str., apt. 55, Komsomolsk-on-Amur, 681032, Russia; phone: +79142193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается влияние информационно-насыщенной образовательной среды вуза на развитие информационной культуры личности студентов. Приведена структурная схема информационно-насыщенной среды вуза. Проведен анализ использования студентами и преподавателями информационных ресурсов вуза.

Summary. The paper explores the impact of information-rich learning environment existent at a college/university upon the development of personal information literacy of students. A block diagram of the information-rich environment at a higher education institution is provided. Also analyzed is how students and the faculty of a university use available information resources of the institution.

Ключевые слова: информационная культура, информационно-насыщенная образовательная среда, информационные ресурсы, педагогические условия.

Key-words: information literacy, information-rich learning environment, information resources, pedagogical conditions.

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

УДК 378.1:004

На сегодняшний день общество находится в состоянии перехода от индустриальной стадии развития к информационной, которая характеризуется внедрением информационных технологий во все сферы человеческой деятельности. В новых условиях требуется человек, способный использовать, обрабатывать и пропускать через себя информационные потоки, а

также преобразовывать и генерировать новую информацию за определенное время. Актуальными становятся аналитический склад ума, креативное мышление, творческие способности (см. прим. 1). Становится закономерным и появление нового типа культуры – информационной культуры, которая представляет собой совокупность новых информационных ценностей и образцов поведения, мышления, которые помогают человеку ориентироваться в новом информационном пространстве, системно мыслить, а также формировать информационные потребности и находить наиболее оптимальные средства для их удовлетворения (см. прим. 2).

Развитие информационной культуры будущих специалистов требует создания определенных педагогических условий, одним из которых является включенность студентов в информационно-насыщенную образовательную среду вуза.

Образовательная среда вуза представляет собой совокупность факторов, определяющих обучение и развитие личности, социокультурные и экономические условия общества, влияющие на образование, характер информационных и межличностных отношений, взаимодействия с социальной средой. В эпоху информатизации информационный характер современной образовательной среды – одно из важнейших ее свойств.

Информационно-насыщенная образовательная среда – это целенаправленно создаваемая образовательная среда, адекватная современному уровню развития информационных ресурсов и информационных технологий, служащая удовлетворению информационных потребностей участников образовательного процесса. Насыщение информацией должно обеспечить целостность образовательной среды (см. прим. 2).

Проанализировав исследования ряда авторов (О.В. Артюшкин, В.А. Новикова, Н.А. Лавриненко, Е.А. Масяйкина и др.) по данной проблематике, мы пришли к выводу, что информационно-насыщенная образовательная среда вуза включает в себя следующие компоненты (см. рис. 1): содержательный, технический, коммуникационный, ресурсный, технологический и организационно-целевой.

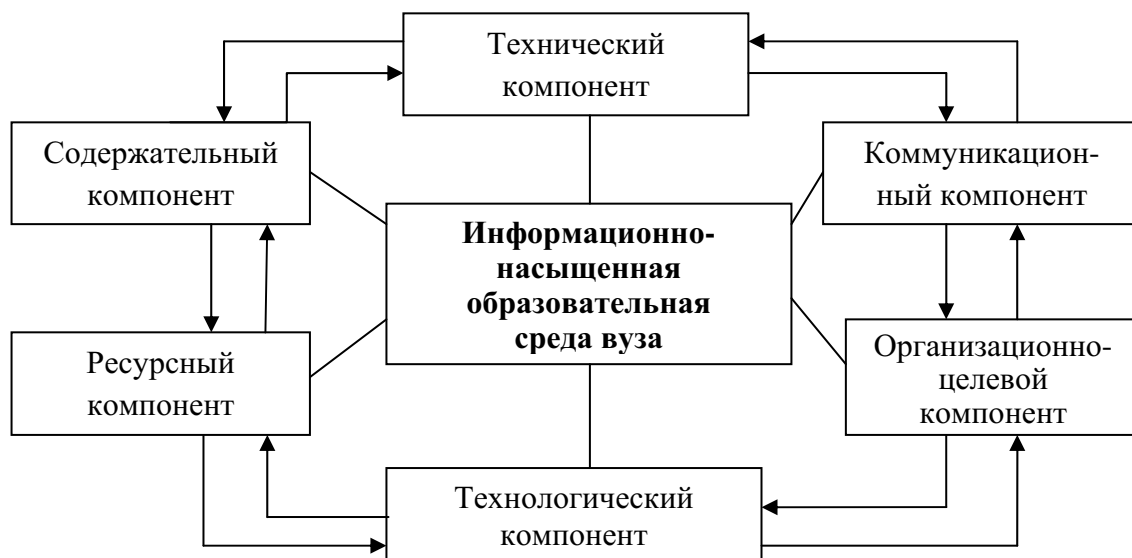

Рис. 1. Компоненты информационно-насыщенной образовательной среды вуза

Содержательный компонент представляет собой предметную подготовку (образовательные и учебные программы, учебный план дисциплин, учебно-методические комплексы дисциплин). Технический компонент включает в себя программно-аппаратные средства и технические устройства, функционирующие на базе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Они подразделяются на средства ИКТ, интегрированные в учебный процесс (оснащение учебных аудиторий, лабораторий), и средства ИКТ, занимающие по отно-

шению к учебному процессу внешнюю позицию (техническое оснащение библиотеки вуза, позволяющее участникам образовательного процесса осуществлять поиск информации на основе применения новых информационных технологий и получать доступ к удаленным источникам информации, а также устройства, обеспечивающие функционирование локальной внутривузовской сети и выход в Интернет).

Коммуникационный компонент предполагает взаимодействие участников образовательного процесса, которое может быть реализовано как в реальных условиях (информационный обмен на учебных занятиях и во внеучебное время), так и в виртуальном пространстве, с помощью применения ИКТ (на форумах, чатах, с помощью электронной почты, в локальной сети университета).

Ресурсный компонент предполагает наличие в образовательной среде вуза информационных образовательных ресурсов, несущих как вербальную, так и невербальную информацию, которые можно классифицировать:

- по видам представления информации: печатные издания (учебного и научного назначения – книги и периодические издания) и электронные издания (электронные учебники, обучающие курсы, компьютерные тренажеры и т.д.).
- по месту хранения информации: библиотеки вуза, методические кабинеты факультетов, кафедральные библиотеки, электронные библиотеки, виртуальные лаборатории и лаборатории с удаленным доступом, Интернет-ресурсы.

На сегодняшний день ресурсный компонент используется участниками образовательного процесса не в полном объеме. Согласно опросу, в котором участвовали 55 студентов и 20 преподавателей, печатные издания (книги, журналы) из фонда библиотеки вуза в своей учебной деятельности используют 45 % студентов (см. рис. 2) и используют в своей профессиональной деятельности 65 % преподавателей (см. рис. 3), используют крайне редко или не используют – 55 % студентов и 35 % преподавателей. Электронными учебными изданиями пользуются 84 % студентов и 70 % преподавателей, пользуются крайне редко или не пользуются совсем – 16 % студентов и 30 % преподавателей. И, как отметили все студенты, в своей учебной деятельности они используют ресурсы сети Интернет (100 %). Среди преподавателей, согласно опросу, 90 % используют ресурсы сети Интернет в своей профессиональной деятельности и 10 % используют крайне редко.

Рис. 2. Использование студентами информационных образовательных ресурсов в учебной деятельности

Анализ обращений участников образовательного процесса к источникам информации по месту хранения показал, что библиотеку вуза как источник информации рассматривают 16 % студентов (см. рис. 4) и 60 % преподавателей (см. рис. 5), обращаются к методическим кабинетам факультетов также 16 % студентов и 30 % преподавателей. Личную библиотеку в своей учебной деятельности используют 24 % опрошенных студентов и в своей профессиональной деятельности 50 % преподавателей, библиотеки города используют 2 % студентов, преподаватели данную категорию источника информации не отметили. Ресурсы сети Интернет как источник информации выделили 100 % опрошенных студентов и 90 % преподавателей.

Рис. 3. Использование преподавателями вуза информационных ресурсов в своей профессиональной деятельности

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс использования ресурсного компонента требует корректировки. Поэтому, чтобы привлечь участников образовательного процесса к использованию ресурсного компонента информационно-насыщенной среды вуза, необходимо создать определенные условия. Прямые условия:

1) предварительный анализ содержания информационных образовательных ресурсов преподавателями с целью их дальнейшего использования в образовательном процессе. Преподаватель, активно использующий тот или иной информационный ресурс, привлекает к его использованию обучаемых студентов;

2) проведение для участников образовательного процесса обучающих тренингов по работе с информационными ресурсами.

Косвенные условия – в стимулировании активности студентов и преподавателей по обращению к информационным ресурсам: активизация деятельности библиотек и центров аккумуляции информационных ресурсов по их продвижению (создание выставок, каталогов полезных интернет-ссылок, поддержание в актуальном и регулярно обновляемом состоянии соответствующих интернет-страниц на сайте университета, а также узлов локальной сети университета, систематическое информирование пользователей, подготовка мультимедийных лекций, индивидуальные и групповые консультации, создание методических и справочных материалов).

Технологический компонент представляет собой методы и формы организации образовательного процесса. Согласно ФГОС ВПО, реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерные симуляции, ролевые игры, деловые игры, семинары, конференции, диспуты, проблемное обучение, самостоятельная работа, доклады; тестирование, исследовательская работа и др.), которые в сочетании с внеаудиторной работой способствуют формированию профессиональных навыков обучающихся, а также развитию их информационной культуры.

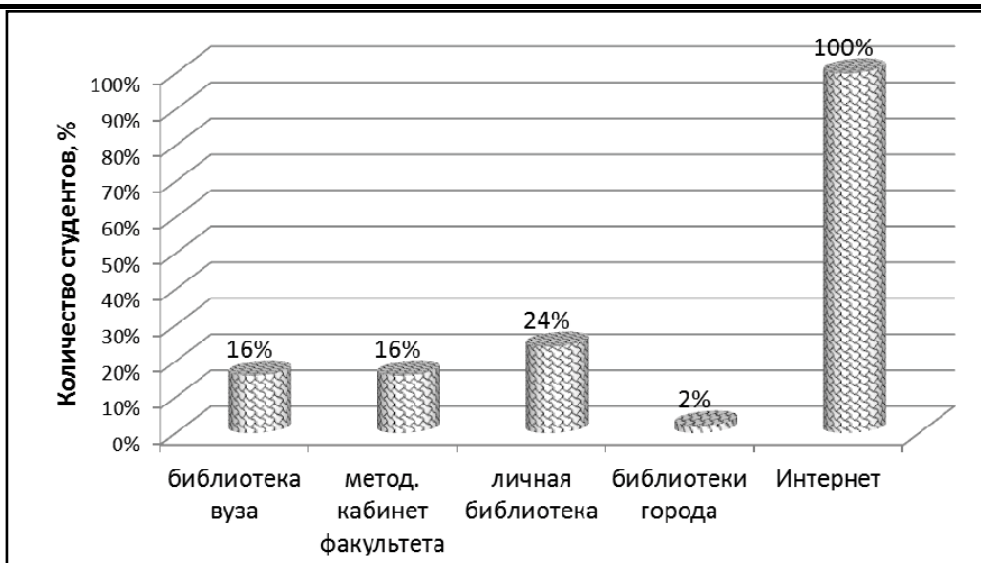

Рис. 4. Обращение студентов к источникам информации

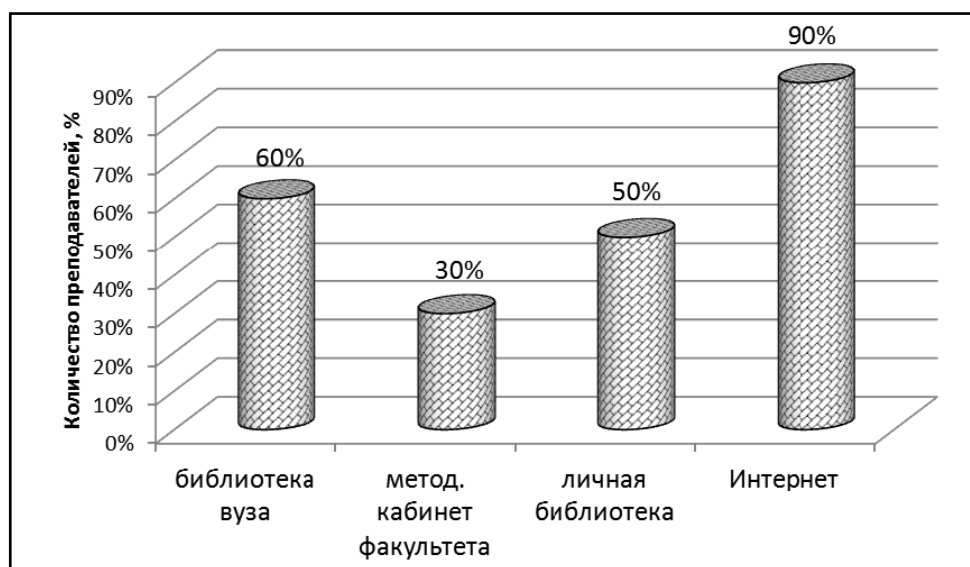

Рис. 5. Обращение преподавателей к источникам информации

Организационно-целевой компонент осуществляет организацию взаимодействия всех компонентов таким образом, чтобы были созданы условия для личностного саморазвития всех субъектов образовательного процесса, определяет структуру образовательной среды, обеспечивает возможность диагностики результата, а также возможность корректировки и контроля. При таком подходе информационно-насыщенная образовательная среда вуза может рассматриваться как фактор развития информационной культуры студентов вуза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пронина, Л. А. Информационная культура как фактор преодоления информационных проблем современности / Л. А. Пронина // Вестник ТГУ, 2013, выпуск 3 (119). С.272-278. URL: www.elibrary.ru (дата обращения: 17.06.2013).
2. Лавриненко, Н. А. Педагогический потенциал курса «Информационная культура» и условия повышения его эффективности: дис. ... канд. пед. наук / Н. А. Лавриненко. – Краснодар, 2004. URL: <http://www.diss.rsl.ru> (дата обращения: 19.11.2010).

Блинов Л.В., Недорезова В.Л.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Блинов Л. В., Недорезова В. Л.

L. V. Blinov, V. L. Nedorezova

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

THE ETHNIC BACKGROUND OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

Блинов Леонид Викторович – доктор педагогических наук, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Льва Толстого 15; 8-4212-76-20-53. E-mail: astrax@list.ru

Mr. Leonid V. Blinov – Doctor of Education, Professor, the Far-Eastern State University of Humanities, 15, Lev Tolstoy Str., city of Khabarovsk, 680000, Russia; phone: +74212762053. E-mail: astrax@list.ru

Недорезова Виктория Леонидовна – кандидат педагогических наук доцент кафедры второго иностранного языка факультета восточных языков Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Льва Толстого 15; 8-4212-73-86-77. E-mail: i-victori@mail.ru

Ms. Victoria L. Nedorezova – PhD in Education, Associate Professor, Department of the Second Foreign Language, Faculty of Oriental Languages, , the Far-Eastern State University of Humanities, 15, Lev Tolstoy Str., city of Khabarovsk, 680000, Russia; phone: +74212738677. E-mail: i-victori@mail.ru

Аннотация. В статье описаны условия межкультурных взаимодействий, при которых сохраняется национальная идентичность и укрепляются позиции толерантности личности. Показано, что процесс освоения людьми новых территорий связан с поиском оптимальных механизмов межкультурного взаимодействия, формированием определенных моделей жизнедеятельности, имеющих целью ликвидировать или свести до минимума психологический дисбаланс между человеком и миром.

Summary. The paper describes conditions under which cross-cultural interaction takes place, with national identity being kept and personal tolerance strengthening itself. It is demonstrated that the process of settling new lands is linked to a search for fully satisfactory cross-cultural interaction mechanisms and to development of certain life models with the goal of eliminating or minimizing the psychological misbalance between the man and the world.

Ключевые слова: архетип, межкультурное взаимодействие, этнос, ментальность, локальные культуры.

Key-words: archetype, cross-cultural interaction, ethnos, mentality, local cultures.

УДК 39:008.009

Каждая культурная система представляет собой, с одной стороны, свод завершенных действий и, с другой стороны, предоставляет основу действий на будущее. [7, 161]. В данном аспекте культура является сложным феноменом, который включает отдельные представления о материальных и социальных явлениях, а также различные формы индивидуального поведения и организованной деятельности. «Культура это не только абстрактное определение, сущность которого помогает человеку понять, почему он делает то, что делает, но и объяснить различия в поведении представителей различных культур» [4, 91-114]. Она не сумма определенных актов жизнедеятельности людей, ибо ядром культуры является набор «правил игры», выработанных в процессе коллективного существования определенного сообщества.

Таким образом, несмотря на свою очевидную реальность, культура предстает неким абстрактным выражением, потому что в действительности она существует только в виде множества виртуальных и реальных культур прошлого и настоящего, пришедших из разных эпох и регионов. Внутри этих эпох – в виде культур отдельных общностей – существуют обособленные субкультуры, которые еще принято называть локальными культурами [1].

Создавая свой особый комфортный, «адаптированный» образ реальности, каждая культура нормирует поведение человека, предлагая ему определенные заданные формы поведения. Любая социальная общность является лишь ограниченным и односторонним раскрытием человеческого идеала, воплощенного в общечеловеческих ценностях, индивидуальная интерпретация которых составляет суть и основу стабильного существования этнических групп и народностей. Естественно, что речь идет только об определенной однородности, выраженной в инвариантном способе восприятия жизненного мира, поведенческого реагирования в отношении к нему, объединяющем народ или другую определенную общность в определенных территориальных границах их жизнедеятельности, об общих психических особенностях людей, которые создают уникальную жизненную реальность в ее специфических для данного социума чертах. Это стабилизирующее влияние окружения является объективным фактором, оказывающим влияние на организацию жизни, поведение, формы и нормы реакций большинства людей, несмотря на их индивидуальные особенности. Интегральный тип социума проявляется в форме совокупного субъекта – носителя универсальных конструктов каждой индивидуальности, реальность которого явно обнаруживает себя в условиях иного ментального пространства [5, 73].

В социальном выражении культура морфологически обозначается в виде сложного образования: национальная, этническая, сословно-классовая, профессиональная, конфессиональная, семейная, а также иные субкультуры, создаваемые различными субъектами социальной деятельности или социальными стратами. В результате культура морфологически представляет собой неким образом организованную систему многообразных субкультур социальных страт и групп (в разных исторических условиях организованную, возможно, иерархически или как комплекс однопорядковых явлений) с общими «корневыми основаниями» (вероятно, уходящими в архетипические слои сознания) и базирующимися на них групповыми ценностными «ответвлениями». Взаимодействуя между собой, эти различные субкультуры, ее групповые пласты создают живой, изменчивый облик культуры в социальном ее выражении [6, 19-34].

Существование любой культуры определяется совокупностью локальных культур, которые являются закономерной ее стержневой формой. При их взаимодействии возникает множественное разнообразие систем общения, поощряются и нормируются типы и стили поведения, вырабатывается общность ценностных ориентаций при сохранении самобытности. Характер данного взаимодействия определяется широким диапазоном взаимоотношений от позитивного принятия партнеров по общению к откровенной конфронтации или полному принятию ценностей, составляющих культурное своеобразие соседей. Чем ближе ценностные основы взаимодействующих культур, тем больше вероятности установления позитивных контактов каждой из сторон порой до полной их ассимиляции. Соответственно характер межкультурного взаимодействия обуславливается степенью близости или родства контактирующих культур, так как генетически многие культуры имеют общую ценностную базу, определяющую их возникновение и функционирование.

Ряд культур имеют настолько существенные коренные отличия, что их сосуществование сопряжено с рядом непреодолимых трудностей, но, несмотря на бесконечное разнообразие существующих локальных культур, каждая содержит в себе те рациональные элементы социальных практик, которые поддерживают и делают устойчивым выраженный в специфическом социальном опыте неповторимый колорит конкретного исторического или временного определившегося локального сообщества. Именно этот опыт делает автономную культуру неповторимой, определяет особый колорит уникального своеобразия [3, 61-74].

Жизнедеятельность любого человеческого сообщества осуществляется в границах предопределенной среды. Совокупность символических значений среды имманентно задает вектор процессу формирования осознанного отношения человека к себе самому и окружающему миру. Культура в данном аспекте является той социальной средой, в которую человек оказывается включенным с момента рождения. Она предоставляет ему в разнообразном выражении предметный мир, содержащий в себе опыт предшествующих поколений, выраженный в характерной совокупности символов, знаков, а также способов действий с ними. Так, скрытый

в предметах культурный опыт предопределяет заданную перспективу этнического развития. Данная позиция отражена в исследованиях В. С. Библера, где он утверждает, что:

- «культура - это форма одновременного бытия и общения людей различных культур прошлого, настоящего и будущего. Время общения – настоящее. Смысл культуры в жизни человека, при таком понимании, проявляется на грани различных культур, в момент их взаимоперехода, благодаря чему культура определяет саму себя;

- культура – это форма самодетерминации индивида, в его движении к личности, то есть культура – это форма свободного решения человеком своей судьбы в контексте ответственности;

- культура – это изобретение «мира впервые», что позволяет как бы заново порождать мир, бытие как предметов, так и свое собственное бытие. Это создаваемый мир воспринимается как независимо существующий от человека и только угадываемый им» [2, 69].

Очевидно, что любая культура представляется сретеньем локальных культур, взаимодействуя с которыми индивид обретает самость и смысл своего социального существования. Это организованная система многообразных субкультур или автономных культур с общими базовыми основаниями ценностных ориентаций. Взаимодействуя между собой, они создают обобщенный облик культуры в социальном ее измерении. А сам процесс вхождения в новую культуру связан с использованием инвариантных сценариев межкультурного взаимодействия, формированием определенных моделей-сценариев социального взаимодействия, которые позволяют свести до минимума риск дисбаланса между новой культурной средой и человеком.

Равновесность и благоприятное сосуществование этнического сообщества определяется межкультурным взаимодействием, успешность которого определяется отработанными на протяжении веков сценариями социального действия. Они нормируют участие социальных субъектов (индивидов, групп, сообществ) в определении собственного статуса в процессе установления связей, своей социокультурной роли и социальных отношений на основе выявления общих символов и значений, определяющих согласованность социального взаимодействия. Любая локальная культура, к которой относится и этнос, самосохраняется благодаря многочисленным контактам, которые создают условия для взаимообмена значениями, отражающими легитимность присутствия индивида в этой культуре и его принадлежность к ней.

Этнос как продукт межкультурного взаимодействия является интегративным образованием, которое формируется в результате ответных реакций человека на поведенческие реакции окружающих людей, при этом отрабатываются собственные нормы поведения, проявляется социальная компетентность в рамках той культуры, в которую личность включена. Эффективность данного взаимодействия и определяет архетипическую сущность этноса человека. Он включает систему знаний об социокультурных основах общества, самом себе и своей роли в социальном мире, компетентность поведения в социальной действительности. Этнос представляет собой интегрированную систему отношений аффективного, конативного, когнитивного опыта, выраженного в мотивах, ценностях и личностных качествах человека, которые позволяют эффективно мобилизовать все имеющиеся ресурсы для достижения социально значимых целей адаптации в постоянно меняющихся условиях социокультурного взаимодействия. Все это позволяет найти оптимальные соответствия сосуществования личности и социума.

Существование и эволюционное развития этноса определяется средой, которая одновременно составляет отдельную часть окружающего пространства и одновременно содержит в себе уникальные значения собственной социокультурной автономии, которые имманентно должны обеспечить успешность становления и реализации собственного «Я» личности в заданном социокультурном ракурсе, «оснастить» набором прообразов, необходимых материнской культуре для рационального бытия и ее развития. Этносреда представляется средством трансляции культуры, овладевая которой человек обретает тот инструмент, благодаря которому он не только адаптируется к условиям постоянно изменяющегося социума, но и находит нестандартные решения неадаптивной активности, дающей возможности выходить за пределы заданного, развивать собственную этносоциальную уникальность.

Каждая культура, являясь продуктом коллективного сознания, создаёт свой особый алгоритм декодирования окружающей действительности, и опыт человека как бы вписывается в определенные парадигматические формы коллективного бытия. Любая социальная общность является лишь ограниченным и односторонним раскрытием человеческого идеала, воплощенного в общечеловеческих ценностях, индивидуальная интерпретация которых составляет суть и основу стабильного существования этнических групп и народностей. Естественно, что речь идет об определенной однородности, выраженной в инвариантном способе восприятия жизненного мира, поведенческого реагирования по отношению к нему, объединяющем народ или другую определенную общность в определенных территориальных границах их жизнедеятельности, об общих психических особенностях людей, которые создают уникальную жизненную реальность в ее специфических для данного социума чертах. Это стабилизирующее влияние окружения является объективным фактором, оказывающим влияние на организацию жизни, поведение, формы и нормы реакций большинства людей, несмотря на их индивидуальные особенности. Интегральный тип социума проявляется в форме совокупного субъекта - носителя универсальных конструкторов каждой индивидуальности, реальность которого явно обнаруживает себя в условиях иного ментального пространства.

Соответственно, процесс освоения новых территорий всегда связан с поиском людьми рациональных способов межкультурного взаимодействия, формированием собственных социальных сценариев жизнедеятельности, дающих возможность свести до минимума рассогласованность взаимодействия между индивидом и социальным миром, сделать в целом «Жизненный Мир» более комфортным. Благодаря этим социальным сценариям, опираясь на ценностные значения, люди получают возможность рационального объяснения своего существования в иных социокультурных условиях. Между тем при установлении межкультурных контактов относительно просто заимствуются внешние проявления культуры, идеология, ценности и даже язык. Те глубинные архетипы сознания, которые связаны не с идеологемами, а с бессознательными комплексами, характеризующими способ и нрав активности индивида в мире, не подвержены культурным влияниям. Они способствуют возникновению защитного механизма противодействия влиянию окультуривания личности в условиях иной жизнедеятельности. Тем самым архетипическая уникальность личности является, с одной стороны, основой внутриэтнического конфликта, а, с другой, – стержнем интегративных процессов в этносе при любых видимых чертах дезинтеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов, Л. В. Социально-профессиональная компетентность личности – продукт межкультурного взаимодействия / Л. В. Блинов, В. Л. Недорезова // Педагогическое образование и наука. – 2008. – № 1. – С. 52-56.
2. Библер, В.С. На гранях логики культуры: Кн. избр. очерков / В. С. Библер: – М, 1997. – 440 с.
3. Волков, Г. Н. Этнопедагогика: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Академия, 1999. – 168 с.
4. Кафанья, А. К. Формальный анализ определений понятия «культура» / А. К. Кафанья // Антология исследований культур. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – С. 91-114.
5. Флиер, А. Я. Культурогенез / А. Я. Флиер. – М., 1995. – Гл. 2. – С. 74-117.
6. Флиер, А. Я. Культура и история: потребность в переживании социального опыта или основания исторической культурологии / А. Я. Флиер // Культурология для культурологов. – М., 2000.
7. Kroeber A.L., Kluckhohn, C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. New York: Vintage Book, 1952, 242 p. 18.

Горобец О. Б., Кизиль А. А.
O. B. Gorobets, A. A. Kizil

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ – УЧАСТНИК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО «ГСС»)

A 'TRANSNATIONAL PROJECT PARTICIPANT' AS A COMMUNICATIVE PERSONALITY (AS EXEMPLIFIED BY THE PERSONNEL OF CJSC 'SUKHOI CIVIL AIRCRAFT', KOMSOMOLSK-ON-AMUR, RUSSIA)

Горобец Ольга Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: olborgor@yandex.ru.

Ms. Olga B. Gorobets – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenin Pr., 681013, Komsomolsk-on-Amur, Russia. E-mail: olborgor@yandex.ru

Кизиль Анастасия Александровна – студентка 5-го курса специальности теория и практика межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: anastasiia1508@gmail.com.

Ms. Anastasiya A. Kizil – fifth-year student majoring in the "Theory and Practice of Cross-Cultural Communication", Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenin Pr., 681013, Komsomolsk-on-Amur, Russia. E-mail: anastasiia1508@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки выделения новой коммуникативной личности «участник транснационального проекта», её основные характеристики и отличительные коммуникативные качества, а также предлагаются меры повышения эффективности коммуникации при реализации международных бизнес-проектов.

Summary. The paper deals with the issue of defining a new type of communicative personality – 'a transnational project participant' – its key characteristic and distinctive communicative aspects. Also suggested are certain measures to be taken in order to improve the effectiveness of communication during international business projects' implementation.

Ключевые слова: глобализация, коммуникативная личность, межкультурная личность, коммуникативные характеристики, эффективность коммуникации.

Key-words: globalization, communicative personality, multicultural personality, communicative characteristics, communication effectiveness.

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

УДК 008:009:338

Город Комсомольск-на-Амуре постепенно интегрируется в мировое глобальное пространство. Этот процесс начался относительно недавно, поскольку долгое время Дальний Восток был зоной, закрытой от иностранного влияния. Однако с 90-х гг. город постепенно открывается для инокультурных визитов и оказывается вовлеченным в процесс глобализации. Одним из характерных признаков вхождения нашего города в мировое экономическое

сообщество является транснациональный проект «Суперджет-100», реализуемый в Комсомольском-на-Амуре филиале ЗАО «Гражданские самолеты Сухого».

Организация в городе Комсомольске-на-Амуре транснациональной корпорации (ТНК), повлекшая за собой приезд в город на длительные сроки иностранных граждан, привлекла внимание сотрудников кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации гуманитарного факультета «КНАГТУ», которые изучили различные аспекты коммуникативного поведения иностранцев, особенности их адаптации и интеграции в коммуникативное пространство нашего города [1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9]. В ходе этого исследования было также высказано предположение о том, что участники проекта «Суперджет-100» представляют собой пример новой коммуникативной личности, отличающейся особыми характеристиками [6].

Выделению основных коммуникативных характеристик этой личности и было посвящено наше исследование, которое проводилось на базе результатов анкетирования участников проекта «Суперджет-100». В анкетировании приняло участие 15 русскоязычных респондентов и 15 иноязычных респондентов.

В ходе работы были выявлены наиболее яркие и контрастные характеристики и тех, и других коммуникантов (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристика русскоязычных и иноязычных респондентов

Особенность коммуникативного поведения	Русские коммуниканты	Инокоммуниканты
Участие респондентов в других транснациональных проектах	Не имели опыта участия в ТНК (имело лишь 6 %)	Более половины имело опыт участия в других ТНК (60 %)
Уровень владения английским языком	<i>Низкий</i> уровень владения английским (у 66 % базовый уровень, лишь 1 % хорошо владеет языком)	<i>Хорошее</i> владение английским (62 % свободно владеет, у 38 % хорошее знание языка)
Знание других иностранных языков	Отметили только французский язык (базовый- 20 %, свободный- 47 %, хорошие знания – 33 %)	Был отмечен итальянский язык (12 % – хорошо владеют), немецкий язык (по 12 % хорошо владеют, говорят свободно и имеют базовые знания), испанский язык (12 % – хорошее владение), русский язык (75 % владеет базовыми знаниями)
Необходимость в едином языке общения для участников ТНК	Более 80 % респондентов считает необходимым установление <i>английского языка</i> в качестве единого средства общения для участников ТНК	
Осведомленность о стране/городе, родных для иностранного партнера	Знают историю – 61 % Климат – 80 % 11 % не знают никакой информации	Знали историю, экономику, климат г. Комсомольска-на-Амуре – более 60 % (до приезда)
Трудности в коммуникации с иностранными партнерами	Имеют трудности – 84 % Не имеют – 16 %	Имеют трудности – 55 % Не имеют – 45 %
Характер трудностей	Более 50 % респондентов не устраивает ведение отчетности, отношения начальник/подчиненный, разница во времени	

Кроме того, указанный иностранцами спектр изучаемых иностранных языков значительно шире. Они указали итальянский, испанский, немецкий, русский языки. Русские ре-

Горобец О.Б., Кизиль А.А.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ «УЧАСТНИК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА» (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО «ГСС»)

спонденты, кроме английского, отметили лишь французский. Осведомленность о инокультурной среде, присущей своему иностранному партнеру, также разная. Русские, в основном, интересуются климатом и историей. Немногочисленные опрошенные не знают вообще никакой информации о родных для инокоммуникантов странах. Иностранцы, напротив, демонстрируют высокий уровень осведомленности. До приезда в Россию все опрошенные изучили экономическую ситуацию, историю и климат города, небольшое число респондентов даже интересовалось кухней и возможностями для занятий спортом.

Как мы видим из таблицы, значительное количество русских опрошенных имеет трудности в коммуникации со своими иноязычными коллегами (84 %). Половина иностранцев никогда не имела подобных трудностей. Характер этих трудностей разный: для русских коллег наибольшей проблемой является то, что их не понимают иностранные представители. Иноязычные коммуниканты в большинстве своем отметили ситуацию «ложного» взаимопонимания, когда в начале коммуникации участники приходят к видимому согласию, но в конце коммуникации – к непониманию и провалу, поскольку, как выясняется позже, в ходе общения стороны по-разному интерпретировали одни и те же события.

К другим причинам, затрудняющим общение, русские отнесли следующее: иностранцы навязывают свои правила в организации трудовой деятельности и не знают русского языка. Инокоммуниканты же, в свою очередь, посчитали осложняющими факторами то, что, во-первых, русские не знают английского, во-вторых, часто опаздывают, и, в третьих, предлагают низкий уровень сервиса.

Все участники анкетирования признались в том, что в ходе инокультурного контакта позаимствовали некоторые инокультурные нормы и традиции. Например, гастрономические предпочтения, а также некоторые правила повседневного общения. При этом иностранцы демонстрируют более высокий уровень ассимиляции, поскольку среди них процент ответивших на этот вопрос положительно оказался значительно выше. Если русские с готовностью переняли западную манеру обращаться к начальнику на «ты», то иностранцы научились заговаривать с незнакомыми людьми на улице и танцевать в ресторанах. Обе стороны положительно оценивают оптимистичный настрой и быстроту вступления в коммуникацию.

Часто и те, и другие респонденты ценят одни и те же качества, которые они считают важными для работы: например, желание конкурировать. Однако иностранцы считают, что русским не свойственно это качество и расценивают данный факт негативно. Русскоязычные респонденты способность к конкуренции считают типичной чертой иноязычных респондентов и относятся к этому положительно.

Полярно разными оказались мнения участников опроса по отношению к правилам, требованиям и регламенту. Иностранцы отмечают то, что им чрезвычайно не нравится в русских коллегах их стремление работать в авральном режиме и заканчивать работу в последний момент, когда срок выполнения уже почти истек. Русскоязычным респондентам импонирует стремление иностранцев подчиняться правилам и уставам.

Иноязычные представители выделяют несколько коммуникативных черт своих русских коллег, которые они считают недопустимыми. К ним относятся: незнание русскими английского языка, частые опоздания русскоязычных коллег, низкий уровень сервиса. Все перечисленные недостатки влияют на качество выполняемой работы. Большинство респондентов отметили, что не приемлют пессимизм и склонность к депрессиям (опять же, замечая, что они негативно сказываются на выполнении должностных обязанностей). Неодобрение вызывает допускаемое русскими предпочтение личностных качеств профессиональным, а также частое пьянство и готовность делать исключения из правил. При этом инокоммуниканты отметили лишь те черты своих русскоязычных коллег, которые характеризуют последних с профессионально-деловой точки зрения. Иностранцы практически не выделяют персональные личностные качества характера русских, тогда как русские, напротив, охотно обращают внимание на те качества, которые не имеют прямого отношения к производству: прагматичность и рационализм, вежливое обращение к незнакомым людям, поиск компромисса и избегание конфликтов, отзывчивость, любопытство, серьезность.

Таким образом, отличительная особенность иноязычных коммуникантов заключается в том, что дружеские отношения для них стоят на втором месте, а на первом – работа, четкое исполнение должностных инструкций, бизнес, приносящий прибыль. Русские же коммуниканты склонны вносить личное отношение в производственную сферу.

Не смотря на то, что русские и иностранные коммуниканты по-разному оценивают друг друга, они объединены общим делом и обладают некоторыми схожими чертами как участники единого транснационального проекта.

Мы выделили несколько черт, присущих как русскоязычным, так и иноязычным участникам транснационального проекта:

1. Готовность изучать язык своих партнеров (более 50 % опрошенных с каждой стороны считает необходимым повышать свой уровень в этой области). Достижения в изучении иностранного языка при этом практически одинаковые. Обе стороны понимают язык, но не говорят на нем (так ответило 50 % респондентов).

2. Абсолютное большинство (около 81 % с каждой стороны) считает необходимым установить английский в качестве единого языка общения для всех участников транснациональных проектов.

3. Обе стороны расценивают оптимизм и быстроту вступления в коммуникацию, как факторы, способствующие продуктивному рабочему процессу.

4. Обе стороны готовы передавать свой профессиональный опыт коллегам, поскольку считают, что это послужит на благо общему делу.

Тип коммуникативной личности «участник транснационального проекта» схож с межкультурной личностью и может являться её частью. Как в процессе формирования межкультурной личности в целом, так и в процессе формирования личности «участник транснационального проекта» приобретаются разнообразные коммуникативные навыки, воспитывается толерантность, формируются адаптационные навыки, которые помогут такой личности влиться в иную среду. В то же самое время эта личность не оторвана от родной культуры, осознает свою принадлежность к ней, хотя и находится на границе культурных сред.

При этом, как показывает наш анализ, главной отличительной чертой коммуникативной личности «участник транснационального проекта» является то, что представители данного коммуникативного типа имеют устойчивый опыт работы за рубежом (как, например, все иностранные участники проекта «Суперджет-100») и обладают достаточной межкультурной компетенцией: они подолгу жили за границей и, тем самым, сформировались как мультикультурные личности. Про русских же участников проекта такого сказать нельзя: для них «Суперджет-100» – первый транснациональный проект, поэтому они еще находятся на стадии формирования межкультурного типа личности.

Очевидно также и то, что коммуникативная личность «участник транснационального проекта» является носителем американского типа бизнес-культуры. В сознании такой личности прочно укрепилось представление об организации бизнеса согласно американскому образцу, который представляется ей единственно верным и правильным.

На основании проведенного исследования можно дать некоторые рекомендации по повышению эффективности межличностной коммуникации среди коммуникантов.

Во-первых, английский язык является языком международного бизнес-общения и всем участникам транснационального проекта (в особенности русским) необходимо повышать свои навыки владения английским языком.

Во-вторых, следует организовывать курсы преподавания основ межкультурного общения для участников транснациональных проектов и для горожан, которые задействованы в международных контактах.

В-третьих, для обеспечения более комфортного существования в городе, иностранцам также необходимо преподавать русский язык и русскую повседневную культуру. На наш взгляд, нужно расширять преподавание русского как иностранного в среде иноязычных представителей.

Горобец О.Б., Кизиль А.А.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ «УЧАСТНИК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА» (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО «ГСС»)

В-четвёртых, нужно создавать общественные организации, которые положительно повлияют на процесс социокультурной адаптации иностранцев и на ускорение их интеграции в коммуникативное пространство города. Например, открыть «Дом дружбы», где могут проводиться мероприятия для сближения русских коммуникантов и инокоммуникантов.

В-пятых, полезно было бы следовать международным стандартам в городской топонимике: дублировать вывески, названия улиц на латинице; шире употреблять английский язык в общественных заведениях: в ресторанах, гостиницах и т.п.

И наконец, в-шестых, для всех участников транснациональных проектов и прочих заинтересованных лиц полезно было бы пройти специализированные тренинги, посвященные вопросам глобальной бизнес-культуры, решению межкультурных конфликтов и недоразумений и другим актуальным вопросам межкультурной коммуникации.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что организация рабочего процесса на транснациональном предприятии очень специфична, ведь в ней успешно сотрудничают представители самых различных культур, вынужденных длительное время проживать в неродной стране. Мы считаем, что участники транснационального проекта образуют новый тип коммуникативной личности, который строится на базе межкультурной личности, обладает ее характеристиками и одновременно приобретает свои собственные. Наше исследование позволило выявить следующие главные черты этого типа личности: хорошее владение английским языком; умение приспосабливаться и адаптироваться в инокультурной среде; стремление узнать как можно больше новой информации о новой среде обитания; владение американским типом бизнес-культуры. И самое главное – умение расставлять приоритеты следующим образом: качество работы является основополагающей целью, межличностные отношения отходят на второй план.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова, Е. С. Особенности инокультурной оценки коммуникативного поведения (на материале анкетирования русских, американских и итальянских сотрудников Комсомольского-на-Амуре филиала ЗАО «Гражданские самолёты Сухого») / Е. С. Анисимова // Ученые записки КнАГТУ. – № III-2(7). – 2011. – С. 39-45.
2. Анисимова, Е. С. Коммуникативный портрет жителя Комсомольска-на-Амуре глазами иностранцев / Е. С. Анисимова // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2011 г.) / редкол.: И. И. Докучаев (отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 438-441.
3. Горобец, О. Б. Кросскультурное взаимодействие русских и французов (на материале анкетирования сотрудников филиала ЗАО «Гражданские самолёты Сухого») / О. Б. Горобец // Ученые записки КнАГТУ. – № IV-2 (8). – 2011. – С. 26-31.
4. Горобец, О. Б. Недоразумения и конфликты в межкультурной коммуникации: франко-российские контакты на современном Дальнем Востоке / О. Б. Горобец // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2011 г.) / редкол.: И. И. Докучаев (отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 470-473.
5. Горобец, О. Б. Межкультурные и межличностные особенности современной франко-российской коммуникации / О. Б. Горобец // Вопросы культурологии. – № 12. – 2011. – С. 33-39.
6. Горобец, О. Б. Участники транснациональных проектов как коммуникативные партнеры / О. Б. Горобец // Плюрилингвизм и мультилингвизм: проблемы и перспективы развития: материалы международного научного семинара / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Н. Белозеровой. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – С. 110-119.
7. Горобец, О. Б. Коммуникативное пространство регионального города в глобальном мире / О. Б. Горобец // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – №1 (37). – С. 21-27.
8. Гуськов, А. В. Устройство быта иностранных специалистов как фактор создания привлекательности региона (на примере Комсомольска-на-Амуре) / А. В. Гуськов // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2011 г.) / редкол.: И. И. Докучаев (отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 26-29.
9. Шушарина, Г. А. Отражение процессов глобализации в языковом и социокультурном пространстве города Комсомольска-на-Амуре / Г. А. Шушарина // Ученые записки КнАГТУ. – № II-2(10). – 2012. – С. 61-65.

Мальшева Н. В.
N. V. Malysheva

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

PSYCHOLINGUISTIC STUDY OF EXPRESSIVE AND EMOTIONAL CONNOTATIONS IN PHRASEOLOGICAL UNITS HAVING A SOMATIC COMPONENT, IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND JAPANESE LANGUAGES

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв. 72, 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru.

Natalia V. Malysheva – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 14 Partisanskaya St., ap. 72, 681000, Komsomolsk-on-Amur, Russia; phone: + 79098293767. E-mail: natasha@knastu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению межъязыковой специфики номинирования эмоций во фразеологизмах с соматическим компонентом. Наименования частей тела при этом рассматриваются как вместилища чувств (эмоций). Фразеологические единицы русского, английского и японского языка трактуются с позиций теории символизма. В результате психолингвистического эксперимента с носителями русского, английского и японского языков получены данные, доказывающие закрепленность эмоционально-экспрессивной оценки за всем фразеологическим комплексом.

Summary: The paper focuses on the identification of cross-language peculiarities pertaining to the nomination of emotions in phraseological units having a somatic component. Names of parts of body are viewed here as locations of feelings (emotions). Phraseological units of the Russian, English and Japanese languages are analyzed in terms of the symbolization theory. By way of psycholinguistic experiment involving native speakers of Russian, English and Japanese, relevant data have been obtained proving that expressive and emotional connotations are assigned to the whole phraseological unit.

Ключевые слова: соматизм, фразеологическая единица, коннотативная составляющая, эмоционально-экспрессивная окраска, образность, эмоция, носители, английский язык, русский язык, японский язык.

Key-words: somatism, phraseological unit, connotation, emotive charge, idiomaticity, emotion, native speakers, language, Russian language, Japanese language.

УДК 81-111.4

Исследования эмоциональной составляющей фразеологических единиц в последнее время проводятся достаточно активно в силу антропоцентрической направленности современной лингвистической науки. Так, в работах описывают отдельные соматизмы (У.А. Магомедова, 2011 [9], Ю.А. Башкатова, 2012 [1]) и соматические лингвокультурные парадигмы (А.Д. Козеренко, Г.Е. Крейдлин, 1999 [6]; В.В. Красных, 2001 [7]; С.Г. Букаренко, 2006 [2]); соматические коды на материале одного языка (Д.Б. Гудков, 2007 [4]; М.Г. Букулова, 2007 [3]; Л.А. Сайфи, 2008 [13, 14]; Н.Р. Ойноткинова, 2011 [10]) и в сопоставительных исследованиях на базе двух и более языков (А.Э. Чумакаев, 2002 [17]; Е.В. Тютнешева, 2006 [15]; Н.В. Дмитрюк, 2009 [5]). Взаимосвязь соматических единиц и эмоций исследуется в (Л.И. Петрова, 2007 [11]; Н.А. Преснякова, 2009 [12]).

Малышева Н.В.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Однако, несмотря на очевидность необходимости привлечения носителей языка для изучения соматической кодовой системы, в целом, и в номинировании эмоций, в частности, когнитивные и психолингвистические методы мало используются исследователями. Можно привести только единичные работы, выполненные с применением данного метода, например: статью Н.В. Дмитриюка «Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса» [5]. Этот факт, на наш взгляд, объясняется спецификой методов, связанных со сложностью сбора валидного количества информантов и последующей корректной обработкой полученных данных.

Как подчеркивается в когнитивных исследованиях языковых процессов, метонимические и метафорические концепты мотивируются нашим практическим опытом. «Метафоры, структурирующие не только язык, но и восприятие человеком действительности, мышление и деятельность, позволяют нам понимать и переживать сущность одного вида в терминах другого» [8, 31]. Л.А. Сайфи отмечает, что общий принцип метафоризации, заключающийся в уподоблении менее конкретных и неопределенных концептов более конкретным и привычным понятиям, срабатывает в процессе метафоризации соматизмов, когда эмоции, нечетко определенные в нашем опыте, начинают осмысляться с точки зрения особенностей телесности, связанных с ними и выражающих их [14, 71].

Соматический код предопределяет многие коды культуры. Соматические концепты относятся к классу космических (биологических) концептов, при этом часть структуры этих концептов представляет их в иерархии концептов внутреннего мира [1, 116]. Эмоции человека сопровождаются выразительными движениями – мимикой, жестами, телодвижениями. У людей, принадлежащих к разным языковым коллективам, они большей частью сходны. «Оба участника ситуации, независимо от того, в каком языковом социуме они живут, обладают знаниями о возможностях своего организма, то есть владеют определённой символикой», – отмечает Т.З. Черданцева [16, 88]. В связи с чем соматизмы активно используются в качестве образных оснований идиоматических единиц и основы для внутренней формы [1, 116].

Исходя из вышеперечисленных положений, мы выдвинули гипотезу – соматический компонент определяет эмоционально-оценочную коннотацию фразеологической единицы в целом. Эта коннотация соотносится с лингвокультурологическим опытом индивидуума как представителя/носителя культуры.

В метафорах используются названия частей тела, обладающие разной степенью продуктивности. Так, некоторые применяются очень редко: *плечо, бедра*, а другие, напротив, очень часто: *голова, лицо, сердце, грудь, живот, печень, глаз, уши, нос, рот, язык, рука, нога*. Наиболее продуктивные из них Т.Н. Чайко называет словами с «широким смыслом», способными передавать многочисленные значения [33]. Наиболее употребляемыми являются те соматизмы, функции которых в организме человека ясны. От важности и значения функций тех или иных органов или частей тела зависит количество и тематическое многообразие групп ФЕ, включающих в себя соответствующие соматизмы. Совпадение образности соматических фразеологизмов в разных языках объясняется зачастую общностью психических процессов и основных функций частей тела. Таким образом, многие соматические ФЕ самых разных народов имеют точки соприкосновения. Например: *kokoroo hiraku* – «раскрыть (распахнуть) сердце» – *раскрыть души*. Однако существуют многочисленные выражения, характерные только для одного языка, например: *腹を痛める (子)* – *harao itameru ko* – «ребёнок, от которого болит в животе» – *родной ребенок*.

Каждый из представленных соматизмов, наряду со своей языковой семантикой, характеризуется дополнительной национально-культурной коннотацией, то есть наделен определённой символической значимостью, утвердившейся в мировой культуре и имеющей свое преломление в представлениях национально-культурных общностей исследуемых языков. Так, ФЕ, включающие в свой состав соматизм «уши», в первую очередь, характеризуют слух, будь то восприятие информации извне, или музыкальные способности человека (в трех языках). Однако в русском и английском, в отличие от японского, фразеологизмы с данным

компонентом могут выражать и значение «наказание»: «to give smb. a thick ear» – «оттаскать за уши» (рус.), которое появилось в силу различия в подходах к воспитанию детей.

Для верификации нашей гипотезы методом сплошной выборки были отобраны фразеологизмы с компонентом-соматизмом из словарей: «Большой англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина (2), «Oxford Dictionary of Idioms» (6), «Longman Idioms Dictionary» (5), «Фразеологический словарь русского языка» И.В. Федосова (3), «Cambridge Idioms Dictionary» (4), «Японско-русский фразеологический словарь» С.А. Быковой (1), а также из электронного словаря «Lingvo» (7). Общее количество исследуемых единиц составило 935 фразеологизмов.

В данном массиве ФЕ были выявлены и описаны конгруэнтные фразеологизмы, в которых переосмысление основывается на прямом значении соматизма и совпадает в трех языках. Например, соматизм «рука» играет практически универсальную роль во фразеологических системах трех языков. Наиболее частотными значениями ФЕ, содержащих данный соматизм, являются: трудолюбие, умение, мастерство, сотрудничество: «to turn one's hand to smth» – взяться приняться за что-л., «to be an old hand» – мастер своего дела, «not to lift a hand» – и пальцем не пошевелить, «to join hands» – объединить усилия, «золотые руки», «из рук вон плохо», «не покладая рук», «сидеть, сложа руки», «рука об руку», «подать руку помощи», «иметь сильную руку» – пользоваться влиятельной поддержкой кого-либо, «手が上がる – tega agaru – «руки поднимаются» – повысить мастерство, «手がかかる – tega kakaru – «требуются руки» – требовать труда, «手に付けない – teni tsukenai – «не прикрепляется к рукам» – работа из рук валится, «手を切る – teo kiru – «отрезать руку» – порвать (связь) с кем-либо, прекратить иметь дело (с кем-либо), «手を束ねて – teo tabanete – «связав руки в пучок» – сложа руки, бездействуя, «手が出ない – tega denai – «руки не выходят» – руки не доходят, руки не поднимаются, «手を借りる – teo kariru – «взять руки в долг» – воспользоваться помощью.

В большинстве же случаев семантическое значение соматических единиц имеет специфическое преломление в представлениях национально-культурных общностей и, соответственно, далеко не всегда можно выявить корреляты в других языках. Так, например, соматизм «печень» играет важную роль в японской лингвокультуре, что принципиально отличает его от русского и английского аналогов, которые не обладают значительной продуктивностью. Это произошло в силу того, что в сознании японцев печень, как и сердце, и живот, является средоточием духовных сил человека: «肝の小さい – kimono tiisai – «печень маленькая» - малодушный, робкий; в то время как для русскоговорящих она несет ярко выраженную отрицательную коннотацию: «сидеть в печенках», а в восприятии англоговорящих печень соотносится с физическим состоянием человека, которое связано с его образом жизни: «free liver» – гуляка, «loose liver» – распушенный человек.

Далее отобранные из трех языков фразеологизмы мы соотнесли друг с другом и классифицировали по степени эквивалентности для выявления межъязыковых коррелятов. Возможность распределения языкового материала в соответствии с данной классификацией мы посчитали корректным в рамках данного исследования, поскольку основными критериями сопоставления фразеологизмов являются: общность компонентного состава, совпадение образной и коннотативной составляющих.

Нами было выделено пять групп межъязыковых соответствий: полные и частичные эквиваленты, два подтипа аналогов, псевдоэквиваленты и безэквивалентные ФЕ. Наименьшие в количественном соотношении группы – это группы полных эквивалентов (43 пары англо-русских соответствий, 3 пары русско-японских и 4 пары англо-японских) и псевдоэквивалентов (21 пара соответствий, 4 – по трем языкам). Частичные эквиваленты (120 соответствий, 18 из них – случаи совпадения по трем языкам) и аналоги (165 соответствий, 20 из них – совпадения в трех языках) достаточно многочисленны. Группа безэквивалентных фра-

Малышева Н.В.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ
зеологических соответствий является наиболее многочисленной, здесь зафиксировано 115 единиц английского языка, 87 – русского и 131 – японского.

Для психолингвистического исследования из каждой группы было отобрано по три выражения из разных языков, которые и составили анкету для информантов (всего 15 единиц). Анкета составлялась на английском, русском и японском языках, фразеологизмы имели подстрочный перевод в зависимости от языка информантов.

В эксперименте приняли участие 90 реципиентов: 30 русскоговорящих, 30 англоговорящих и 30 носителей японского языка в возрасте 20 – 26 лет. Обязательным условием отбора было владение одним (родным) языком. Это позволило, на наш взгляд, исключить возможную интерференцию фоновых знаний о культуре двух других стран, что неизбежно происходит при изучении иностранных языков.

Носителям русского языка, не владеющим английским и японским, были предложены 15 соматических ФЕ. Все выражения были переведены дословно на русский, английский и японский языки. Испытуемым было необходимо: во-первых, догадаться о значении выражения, во-вторых, найти соответствующее выражение в родном языке (если возможно), в-третьих, определить, с какой эмоцией у них ассоциируется то или иное выражение, и, в-четвертых, определить, из какого языка оно было взято. По той же схеме был проведен опрос с носителями английского языка, не владеющими русским и японским языками, и японского, не владеющими английским и русским.

Первое и второе задания были введены в анкету, чтобы убедиться в правильности интерпретации фразеологической единицы. Четвертое задание имело задачей определить, насколько ощущается инородность устойчивого выражения.

Полученные в ходе эксперимента результаты были разделены на четыре категории: верный ответ, частично верный ответ, неверный ответ и нулевой ответ. Верные и частично верные ответы были объединены в одну группу, неверные и нулевые также были сгруппированы вместе. К частично верным мы отнесли ответы, имеющие схожее семантическое значение, но не совпадающее в оттенках значения: его экспрессивности, направленности действия и других. Также нами были зафиксированы самые распространенные аналоги из родного языка, указанные респондентами; эмоции, с которыми они ассоциируют данные им выражения; и язык, из которого они были взяты.

При анализе реакций мы выяснили, что самый высокий процент опознавания фразеологизмов (более 80 %) среди полных и частичных эквивалентов. Самый низкий процент узнавания был выделен среди псевдоэквивалентных и безэквивалентных выражений. При определении значения псевдоэквивалентных ФЕ респонденты опирались на значения соматизмов, характерных для их родного языка. Процент верных и частично верных ответов при интерпретации безэквивалентных единиц не превышает 8 %.

Опишем результаты эксперимента:

«Раздавить печень» – «to crush one's liver» – «肝をつぶす – kimoo tsubusu». Фразеологизм японского происхождения, имеющий значение – *быть ошеломленным (огорошенным), быть очень испуганным*, является аналогом русского выражения «душа в пятки ушла» и английского «one's heart is in one's mouth». Процент опознавания данной ФЕ носителями русского и английского языков очень низок: 100 % англоговорящих респондентов и 97 % русскоговорящих неверно определили ее значение. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что одно и то же значение в трех языках основано на совершенно разных образах. В ответах русскоговорящих и англоговорящих опрошенных наблюдается две тенденции: одна связана с разгульным образом жизни, употреблением алкоголя и их последствиями: «допить до чертиков», «перепить», «пить как рыба», «опьянеть», а другая с причинением моральной боли другому человеку: «плюнуть в душу», «разбить сердце», «ранить кого-либо». Первая тенденция, с нашей точки зрения, связана с восприятием субстантивного элемента выражения – соматизма «печень», а вторая основывается на значении глагольного компонента – «раздавить», который ассоциируется с болью и принесением вреда другому человеку. 3 % русских

опрошенных дали верные ответы: «напугаться до смерти». Подобные немногочисленные реакции можно объяснить личным опытом и ассоциациями респондентов. 87 % японских реципиентов правильно определили смысл выражения. А 13 % дали частично верные ответы: «сильно напугать кого-либо» – хотя этот вариант очень близок к правильному, мы отнесли его к частично верным, так как в нем не совпадает направленность действия – здесь оно направленно на кого-то, в то время как в исходном варианте действие обращено на себя.

У всех опрошенных данное выражение вызвало отрицательные эмоции, хотя и различного характера. Японские респонденты связали его с чувствами страха, незащищенности и дискомфорта. В соответствии с первой тенденцией в ответах русские и английские указали: «презрение», «иронию», «раздражение», а со второй – «боль», «страдание», «сострадание» и «желание отомстить».

Русские и английские респонденты почувствовали инородность данного выражения и примерно в одинаковом количестве указали английский (47 %) и японский (53 %), русский (40 %) и японский (60 %) соответственно.

«Сидеть в печенках» – «to sit in smb.'s liver» – «肝に座る – kimo ni suwaru». Значение – *очень сильно надоест*. Является безэквивалентной русской ФЕ. 100 % русскоговорящих респондентов верно определили ее значение. Все же опрошенные носители английского и японского языков дали неверные варианты ответов. В ответах англоговорящих респондентов наблюдаются две тенденции. Во-первых, в восприятии англоговорящих печень соотносится с физическим состоянием человека, которое связано с его образом жизни, а в частности с употреблением алкоголя: «пить не останавливаясь», «пить как рыба», «быть пьяным» и т.д. А во-вторых, респонденты связали «печень» с важной внутренней составляющей человека, что выразилось в таких реакциях, как: «контролировать кого-л.», «знать все о ком-л.» Японские респонденты давали следующие варианты ответов: «спрятаться от страха», «быть трусом», «малодушный», «думать о ком-либо все время», «держат в сердце» и др. Подобные варианты ответа обоснованы тем, что в сознании японцев печень ассоциируется с душой человека, с его духовной составляющей, которая отвечает за храбрость.

Все русскоговорящие и англоговорящие респонденты связали данное выражение с отрицательными эмоциями, однако, несколько разного спектра. Так, русские испытуемые ассоциируют его с такими эмоциями, как: раздражение, досада, усталость и гнев, а англоговорящие респонденты связывают его с отвращением и раздражением. Мнения японских респондентов разошлись: те, кто дал такие варианты ответа, как «держат в сердце», связывают данный фразеологизм с положительными эмоциями, с любовью, нежностью, а для тех, кто предположил, что данное выражение связано с трусостью и малодушием, оно ассоциируется с отрицательными эмоциями, гневом, раздражением.

Все русские респонденты опознали данную фразеологическую как принадлежащую системе родного языка. Английские испытуемые в большинстве своем, 24 человека, также предположили, что данное выражение пришло из русского. А японские реципиенты разделились во мнениях примерно пополам: на английское и русское происхождение выражения.

«Большой живот» – «a big stomach» – «腹が大きい – haraga ookii». Значение – *великодушный человек*. Выражение является безэквивалентной японской ФЕ. 100 % японских респондентов правильно опознали его значение. 6 % англоговорящих респондентов также верно определили смысл фразеологизма. По нашему мнению, подобную реакцию можно объяснить индивидуальными ассоциациями респондентов и стереотипом, что полные люди – добряки. 100 % русских опрошенных дали неверные ответы. В их реакциях наблюдается две тенденции: часть опрошенных предположили, что выражение означает «человека, живущего в достатке», «богача», «большую шишку», «авторитета», а часть связала значение с большим потреблением еды: «обжора», «толстяк». 94 % англоговорящих респондентов дали ответы, совпадающие со второй тенденцией в ответах русских испытуемых.

Малышева Н.В.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

100 % японских испытуемых признали, что анализируемый фразеологизм вызывает у них положительные эмоции, среди которых: уважение, спокойствие, хорошее настроение. 77 % русскоговорящих и 93 % англоговорящих респондентов ассоциируют его с негативными эмоциями, такими как: неприязнь, неуверенность, ирония. 23 %, однако, указали такие положительные эмоции, как: уверенность, спокойствие, удовлетворение от «жизни в достатке».

Все японские респонденты отнесли данное выражение к системе своего родного языка. Английские испытуемые в качестве языка-источника выбрали японский и русский, по 47 и 53 % соответственно. 67 % русских опрошенных указали японский язык и 33 % английский.

Вывод: самый высокий процент опознавания наблюдается в группах полных и частичных эквивалентов. Так, процент верных и частично верных ответов в группе полных эквивалентов составляет не менее 86 %. Значение ФЕ, принадлежащих к группе частичных эквивалентов, верно или частично верно определили свыше 80% всех респондентов. Подобную статистику можно объяснить тем, что к группам полных и частичных соответствий принадлежат ФЕ, компонентный состав и фразеологические образы которых либо совпадают, либо очень близки. Соответственно определение значения данных выражений не вызывало труда у испытуемых.

Процент опознавания фразеологизмов, принадлежащих к группе аналогов, также достаточно высок. Количество верных ответов в первой подгруппе аналогов, которые характеризуются разным компонентным составом и близостью фразеологических образов больше (63 % – 73 %), чем во второй (до 33 %), единицы которой отличаются также разным компонентным составом, но различием фразеологических образов. Это позволяет нам сделать вывод, что на правильное определение значения в большей мере влияет схожесть и мотивированность фразеологических образов, лежащих в основе образного переосмысления значения выражений, чем их компонентный состав.

Самый низкий процент опознавания наблюдается среди фразеологизмов, принадлежащих группам псевдоэквивалентов и безэквивалентов. При определении значения псевдоэквивалентных ФЕ, респонденты основывали свои ответы на том значении, которое присуще им в их родном языке. Таким образом, в ситуации реального общения может возникнуть непонимание из-за неверной интерпретации значения. Процент верных и частично верных ответов в группе безэквивалентных единиц не превышает 8 %.

Итак, наличие соматического компонента определяет эмоционально-экспрессивную окраску фразеологизмов и согласуется с соматическим кодом, принятым в каждой конкретной лингвокультуре.

Рассмотрение символической ценности названий частей тела для носителей трех языков позволило раскрыть некоторые особенности культуры данных народов, выявить культурную информацию, закодированную в компонентах фразеологизмов. Некоторые компоненты имеют сходное значение, что объясняется универсальностью данных слов-символов, общностью ассоциативно-образного мышления и наличием общих логико-фразеологических моделей у носителей как западной, так и восточной культур. Однако прослеживается и национально-культурное своеобразие употребления данных соматизмов в сфере выражения эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкатова, Ю. А. Сопоставительный анализ соматических концептов «рот» и «mouth» в этнокультурном аспекте / Ю. А. Башкатова // Вестник КемГУ. – 2012. – №1 (49). – С. 116-119.
2. Букаренко, С. Г. Стереотипы языковой картины мира (Фрагмент «Части тела») / С. Г. Букаренко. – Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Серия: Общественные науки, 2006 – С. 17-20.

3. Букулова, М. Г. Соматическая фразеология как отражение национально-культурной специфики языкового сознания: автореф. дис. ... канд. фил. наук / М. Г. Букулова. – Алматы, 2007.
4. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М., 2007.
5. Дмитриук, Н. В. Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса / Н. В. Дмитриук // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №10. – С. 30-33.
6. Козеренко, А. Д. Тело как объект природы и тело как объект культуры / А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
7. Красных, В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М.: 2001. Вып. 19. – С. 5-19.
8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с пред. А.Н. Баранова; пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 254 с.
9. Магомедова, У. А. Фразеологические единицы с соматизмом «рука» в языках различных типологий / У. А. Магомедова // Филология и журналистика. – Дагестанский государственный педагогический университет. – 2011. – № 3. – С. 104-106.
10. Ойноткинова, Н. Р. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев / Н. Р. Ойноткинова // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 5-14.
11. Петрова, Л.И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии / Л. И. Петрова, // Вестник псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – Псковский государственный университет, 2007, №1 – С. 133-144.
12. Преснякова, Н. А. Вместилища чувств: соматические метафоры в русском и английском языках / Н. А. Преснякова // Вестник новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2009. – № 52. – С. 62-64.
13. Сайфи, Л. А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2008.
14. Сайфи, Л. А. Соматическое пространство языка / Л. А. Сайфи // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – №1. – С. 69-72
15. Тюттешева, Е.В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского) / Е. В. Тюттешева. – Новосибирск, 2006.
16. Черданцева, Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах / Т. З. Черданцева // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 78-92.
17. Чумакаев, А.Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русскими / А. Э. Чумакаев. – Новосибирск, 2002.

СЛОВАРИ

1. Быкова, С. А. Японско-русский фразеологический словарь / С. А. Быкова. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. – 272 с.
2. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
3. Федосов, И. В. Фразеологический словарь русского языка / И. В. Федосов, А. Н. Липицкий. – М.: ЮНВЕС. – 2003. – 608 с.
4. Cambridge Idioms Dictionary. – 2nd edition. – С.: Cambridge UP, 2004. – 506 с.
5. Longman Idioms Dictionary. – Addison: Wesley Longman Ltd., 1998. – 401 с.
6. Oxford Dictionary of Idioms. – 2nd edition. – NY.: Oxford University Press Inc., 2004. – 340 p.
7. АВВУ Lingvox5 [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. (237 Мб). Систем. требования: ПК 486 или выше; 8 Мб ОЗУ; Windows Professional; SVGA 32768 и более цв.; 640x480; 16-бит. зв. карта; мышь.

Иванова К.А.

ВОЗРАСТ КОММУНИКАНТОВ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОДЕРЖАНИЕ ПРИВЕТСТВИЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Иванова К. А.

К. А. Ivanova

ВОЗРАСТ КОММУНИКАНТОВ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОДЕРЖАНИЕ ПРИВЕТСВИЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

THE AGE OF SPEECH PARTNERS AS A FACTOR WICH INFLUENCE ON THE GREETINGS OF MODERN CHINESE LANGUAGE

Иванова Ксения Александровна – ассистент кафедры восточных языков факультета иностранных языков Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии (Россия, Биробиджан); 679000, Биробиджан, ул. Дзержинского д. 9, кв. 73; 8-924-647-63-73. E-mail: bai_ling@mail.ru

Ivanova Kseniya A. – assistant of the oriental languages department of foreign languages faculty, Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies (Russia, Birobidzhan); 679000, Birobidzhan, 9 Dzerzhinskogo St., flat 73; 8-924-647-63-73. E-mail: bai_ling@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления китайских приветствий в зависимости от возрастных характеристик коммуникантов.

Summary. In the article is presented peculiarities Chinese greetings' usage according to age of speech partners.

Ключевые слова: речевой этикет, китайский язык, приветствия, возраст коммуникантов.

Key words: speech etiquette, Chinese language, greetings, speech partners' age.

УДК 81.401.2-22+81.711-22

Неотъемлемой частью речевого общения на любом языке является приветствие, выполняющее не только этикетную функцию, но и функцию вхождения в речевой контакт и привлечения внимания собеседника. Приветствие, как и другие этикетные средства, подвергается влиянию различных экстралингвистических факторов.

Факторы, определяющие содержание общения, в том числе выбор этикетных средств в разных языках мира уже привлекали внимание отечественных и зарубежных, в том числе китайских исследователей [1 – 10; 12; 13; 15]. Однако своеобразие приветствий современного китайского языка, а также влияние различных коммуникативных условий на их выбор и содержание недостаточно описаны российскими лингвистами.

Целью данной статьи является выявление особенностей употребления приветствий китайского языка в зависимости от возрастных характеристик коммуникантов. В содержании работы будут использованы этикетные формулы (не обозначенные ссылками на источник), полученные в результате языкового эксперимента предметом которого стали приветствия, используемые носителями китайского языка – преподавателями и студентами, работающими и обучающимися в Дальневосточном федеральном университете.

Возрастная асимметричность в процессе общения на китайском языке, в первую очередь, выражается через употребление личных местоимений и разного рода обращений.

В китайском языке не существует строгих норм использования местоимений второго лица 你 nǐ «ты» и 您 nín «вы». Так, при явном возрастном неравенстве может использоваться 你 nǐ «ты», а в адрес близких родственников более уважительное 您 nín «вы». Например:

李 老师, 你好! Lǐ laoshi, nǐ hao! Учитель Ли, здравствуй!

爸, 您洗脸了? Bā, nín xǐliǎn le? Папа, вы умылись? [14, с. 2]

Национально-специфическим средством маркирования возрастного неравенства являются китайские обращения, содержащие специальные аффиксы 老 *lǎo* «старый, уважаемый» и 小 *xiǎo* «маленький, самый младший». Например:

小明, 吃饭了吗? *Xiao Ming, chifan le ma?* Молодой Мин, уже поел? [16, с. 12]

老刘, 你好! *Lǎo Liú, nǐ hǎo!* Уважаемый Лю, здравствуй!

Основным маркером возрастного неравенства при обмене китайскими приветствиями считаются родственные наименования (адресованные родственникам и не родственникам). Сами по себе родственные наименования не являются «вежливыми», но содержат определенную степень уважения и считаются важным регулятором социально-речевого взаимодействия. Например:

奶奶! 您好点儿吗? ¹*Nainai! Nin hao dianr ma?* Бабушка! Вам получше? [14, с. 27]

胡阿姨! ²*Hu ayi! Tētushka Xu!* [17, с. 65]

Речевая манера и специфика употребления языковых средств являются особенностью, характерной для представителей конкретной возрастной группы. Так, приветствия, встречающиеся в речи молодежи, могут отсутствовать в речи пожилых людей. По результатам проведённого нами анкетирования, участниками которого стали китайские студенты, изучающие русский язык, они активно используют:

- заимствованные из английского языка формулы 嗨 *Hāi (Hi)*, 哈喽 *Hālou (Hello)* – «привет», а также русскоязычное «привет»;

- заимствованные англоязычные обращения типа: 亲亲 *qīnqīn*, 亲爱(的) *qīn'ài (de)* – «милый, дорогой», 宝贝儿 *bǎobèr* «детка», honey «сладкий (ая)»;

- фамильярные, жаргонные обращения 哥们儿 *gēmenr* «братан, кореш, друг», 姐们儿 *jiěmenr* «сестрёнка», 兄弟姐妹 *xiōngdì jiěmèi* «братья и сёстры», демонстрирующие дружеские отношения.

В речи представителей старшего поколения встречаются не только общеупотребительные приветствия, типа 你(您)好 *Ni(n) hao* «Здравствуй (те), 早上好 *Zaoshang hao* «Доброе утро», но и этикетные формулы, представляющие собой более сложные обороты и синтаксические конструкции, в состав которых входят архаизмы, слова, пришедшие в современный китайский из древнего языка *вэньянь*. Например:

嘿, 老哥, 还没去八宝山呀? *Hei, laoge, hai mei qu Babaoshan?*

Эй, дружище, ты ещё не побывал на горе Бабао?³ [11, с.104]

В процессе общения имеет значение возраст всех участников контакта. Соотношение возрастов коммуникантов способно определить и содержание этикетного диалога.

¹ Приветствие, адресованное родной бабушке или хорошей знакомой пожилого возраста.

² Приветствие, адресованное знакомой старшего возраста.

³ Образное выражение 去八宝山 *qu Babaoshan* «уйти на гору Бабао» используется в значении «умереть; отойти на тот свет».

Иванова К.А.

ВОЗРАСТ КОММУНИКАНТОВ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОДЕРЖАНИЕ ПРИВЕТСТВИЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В китайской языковой культуре инициатором приветствия чаще всего выступает младший (независимо, представителем какого поколения он является). По этой причине ответственность по выбору наиболее подходящей этикетной формулы тоже лежит на нём.

Результаты анкетирования показали, что достаточно распространёнными приветствиями при встрече с представителем старшего поколения (родственником и не родственником) являются общеупотребительные формулы 您好 Nin hao «Здравствуйте», 早上好 Zao shanghao «Доброе утро», как правило, сопровождаемые родственным наименованием адресата. Например:

奶奶⁴, 您好啊! Nainai, nin hao a! Бабушка, здравствуйте!

刘老爷, 早上好. Liu laoye, zaoshang hao. Дедушка Лю, доброе утро.

Стоит отметить, что приветствия, адресованные старшим родственникам, могут маркироваться вариативными местоимениями – нейтральным 你 ni «ты» и более уважительным 您 nin «вы», в зависимости от речевой привычки и степени близости общающихся. Например:

姥姥⁵, 我来看你了. Laolao, wo lai kan ni le.

Бабушка, я пришла тебя проведать.

姨奶奶⁶, 我来看您来了. Yinainai, wo lai kan nin laile.

Бабушка, я пришла вас проведать.

Приветствия, используемые опрошенными студентами в адрес представителей старшего поколения, очень часто содержат расспросы о самочувствии, наставления по поводу здоровья. Подобного рода вопросы используются самостоятельно и одновременно с основным приветствием, с обращением или без него. Например:

奶奶, 您身体还好吗? Nainai, nin shenti hai hao ma?

Бабушка, как ваше здоровье, в порядке?

呀! 这不是张奶奶吗? 最近身体还好吧? Ya! Zhe bu shi Zhang nainai ma? Zuijin shenti hai hao ba? O! Неужели это бабушка Чжан? Как здоровье в последнее время?

Почтительное отношение, внимание к собеседнику проявляется и при помощи других разнообразных выражений вежливости, демонстрирующих заботу о собеседнике старшего (пожилого) возраста. Например:

张大妈! 昨天晚上睡好了吧? Zhang dama! Zuo wan shang shuihao le ba?

Матушка Чжан! Как вам вчера спалось? [14, с. 4]

Китайские приветствия, не содержащие обращение или местоимение второго лица, сами по себе не маркируют тип взаимоотношений партнёров, могут использоваться независимо от соотношения их возрастов (статусов).

身体怎么样? Shenti zen meyang? Как здоровье?

睡得怎么样? Shui de zenmeyang? Как спалось?

Таким образом, можно говорить о безусловном влиянии возраста адресата и соотношения возрастов всех участников речевого контакта на выбор приветствий китайского языка. Форму и содержание этикетных единиц определяет возрастное равенство или неравенство партнёров по взаимодействию.

Для общения молодых людей характерны активное употребление заимствованных, фамильярных обращений и некоторые формы приветствий, не свойственные людям среднего и старшего поколения. Стоит отметить, что при заполнении анкеты представители китайской молодёжи чаще использовали стандартные приветствия. Мы полагаем, что письменная

⁴ 奶奶 nainai «бабушка; обращение к пожилой женщине».

⁵ 姥姥 laolao «бабушка со стороны матери».

⁶ 姨奶奶 yinainai «одна из сестёр родной бабушки».

форма опроса дисциплинирует студенческую аудиторию, поэтому для выявления истинной картины этикетного речевого общения, стоит сосредоточиться на данных живой разговорной речи, собранной методом скрытого наблюдения.

Приветствия, адресованные старшим, отличаются широким разнообразием, но всегда носят уважительный характер. Этикетные формулы могут быть лаконично-нейтральными, содержать расспросы о самочувствии, наставления по поводу здоровья, другие выражения, демонстрирующие заботу о собеседнике старшего возраста. Сами же носители китайского языка, относящиеся к старшей возрастной группе, в качестве приветствий используют нейтральные выражения и сложные синтаксические конструкции.

В китайском языке личные местоимения второго лица не являются абсолютными маркерами возрастного неравенства. В адрес человека старшего поколения может использоваться и местоимение 您 nín «вы» и местоимение 你 nǐ «ты».

Основным средством маркирования возрастного неравенства при обмене приветствиями в китайском языке считаются родственные наименования, (адресованные родственникам и не родственникам), а также обращения, содержащие специальные аффиксы 老 lǎo «старый, уважаемый» и 小 xiǎo «маленький, самый младший», которые отличаются национально-культурной спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршавская, Е. А. Речевой этикет современных американцев США (на примере приветствий) / Е. А. Аршавская // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 268-276.
2. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / А. Г. Балакай. – Новокузнецк, 2002. – 345 с. / [Электронный ресурс]: [База диссертаций РГБ]
3. Курилова, К. А. Особенности приветствий в речевом этикете современных китайцев / К.А. Курилова // Китайское языкознание: материалы восьмой международной конференции. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С 89-93.
4. Лендель, Ж. Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров / Ж. Лендель // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 193-218.
5. Мейрманова, Г. А. Культура общения у казахов: этикет приветствия и прощания / Г. А. Мейрманова // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 6. – С. 105-115.
6. Неверов, С. В. Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев / С. В. Неверов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 320-338.
7. Пшеничникова, А. Б. Гендерные особенности вербализации речевого акта просьбы в бытовом дискурсе / А. Б. Пшеничникова // Россия – Восток – Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: сб. научных статей. В 2 ч. Ч. 1. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 49-53.
8. Рабенко, Т. Г. Жанры приветствия и прощания в речи студентов / Т. Г. Рабенко, В. Е. Черепанова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 174-179.
9. Саркар, М. Обращение в этикете приветствия и прощания в Индии / М. Саркар // Журналистика и культура русской речи. – 2007. – № 3. – С. 43-51.
10. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М.: Высш. шк., 1989. – 159 с.
11. 傅民. 口语在丰富多变的语境中 / 傅民 // 语言文字应用 = Фу Минь. Разговорный язык в многообразных, меняющихся языковых условиях / Фу Минь // Прикладная лингвистика. – 1993. – № 7. – С. 103-108.
12. 耿有权. 影响语言礼貌性的语用因素 / 耿有权 // 世界汉语教学 = Гэн Юцюань. Влияние прагматических факторов на вежливость речи / Гэн Юцюань // Преподавание китайского языка. – 1998. – № 2. – С. 35-42.
13. 顾曰国. 礼貌, 语用与文化 / 顾曰国 // 文化与交际 =

Иванова К.А.

ВОЗРАСТ КОММУНИКАНТОВ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОДЕРЖАНИЕ ПРИВЕТСТВИЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Гу Жиго. Этикет, использование языка и культура / Гу Жиго // Культура и общение. – Пекин, 1994. – С. 496-511.

14. 胡明扬. 汉语礼仪用语及其文化内涵 = Ху Мин'ян. Вежливые слова в китайском языке и их культурная коннотация / Ху Мин'ян. – Шанхай, 2003. – 91 с.

15. 黄河. 汉语日常口语中打招呼的限制因素 / 黄河 // 汉语学习 =

Хуан Хэ. Факторы, ограничивающие приветствия повседневного разговорного китайского языка / Хуан Хэ // Изучение китайского языка. – 2003. – № 3. – С. 56-59.

16. 卫志强. 称呼的类型及其语用特点 / 卫志强 // 世界汉语教学 =

Вэй Чжицян. Типы обращений и особенности их использования / Вэй Чжицян. – 1994. – № 2. – С. 10-15.

17. 中国礼仪全书. 现代礼仪 = Свод китайского этикета. Современный этикет. Т. 2. – Хэйфэй, 2005.

Иванов А. А.
A. A. Ivanov

**ДИОНИСИЙСКОЕ ТЕЛО В ЭСТЕТИКЕ ВЯЧ. ИВАНОВА:
МЕЖДУ АНТИЧНЫМ МИФОМ И ХРИСТИАНСКОЙ МЕТАФИЗИКОЙ**

**THE DIONYSIAN BODY IN VYACHESLAV IVANOV'S ESTHETIC VIEWS: BETWEEN
THE ANCIENT MYTH AND CHRISTIAN METAPHYSICS**

Иванов Антон Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681026, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 81/4, кв. 49; 8-924-227-12-66. E-mail: humungus72@mail.ru.

Mr. Anton A. Ivanov – PhD in Culturology, Senior Lecturer at the Department of Culture Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 81/4 Lenina St., flat 49, 681026, Komsomolsk-on-Amur, Russia; phone: +79242271266. E-mail: humungus72@mail .ru.

Аннотация. В статье рассматриваются соматические аспекты дионисийской религии в теории Вяч. Иванова. В контексте постмодернистских исследований телесности предложена концепция аполлонического и дионисийского соматических образов. Раскрывается половая символика и неохристианская метафизическая семантика дионисийского экстаза в интерпретации русского мыслителя. Делается вывод о преимущественно отвлеченно философском, а не мифологическом характере дионисийской эстетики Иванова.

Summary. The paper explores the corporal aspects of the Dionysus cult in Vyacheslav Ivanov's theory. The concepts of the Apollonian and Dionysian corporal imagery are considered in terms of post modernistic research of embodiment. Sexual symbolism and new Christian semantics of the Dionysian ecstasy in the Russian philosopher's interpretation are revealed. The following conclusion is made: the Dionysian aesthetics offered by Ivanov demonstrates its speculative philosophical rather than mythological nature.

Ключевые слова и фразы: символизм, телесность, аполлоническое, дионисийское, трансгрессия.

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

Key-words: symbolism, embodiment, Apollonian, Dionysian, transgression.

УДК 008.001(07)

Трудно говорить о таком известном деятеле культуры Серебряного века, как Вяч. Иванов, не избежав общих мест и банальностей: «центральная фигура того времени», «теоретик символизма», «поэтический мэтр», идеолог «мистического анархизма», «глашатай Диониса» и т.д. Однако теория дионисизма Вяч. Иванова в современной гуманитаристике отнюдь не исчерпана. В контексте современных культурологических исследований телесности и актуальной для Серебряного века темы «плоти» научный интерес представляет соматический аспект духовно-теоретических изысканий Вяч. Иванова.

Русский философ, поэт и филолог Вячеслав Иванов в наибольшей степени в среде представителей культуры начала века испытал влияние ницшевской дихотомии аполлонийского и дионисийского. Как пишет исследователь И. Тюрина, «практически любая сторона его деятельности была связана в большей или меньшей степени с мифом о Дионисе» [9, 24]. Учитывая направленность религиозных и эстетических концепций Серебряного века на преобразование жизни, на «жизнетворчество», привлекательно вычленил телесный аспект выстраиваемого Ивановым мифа. Ведь миф не столько мыслится его носителями, сколько переживается в синкретическом единстве духовного и соматического. В случае с Вяч. Ивано-

вым, с его пристрастием к античной культуре мы имеем дело с сознательным выстраиванием мифа как инструмента преобразования действительности.

Дионисийский экстаз в «Рождении трагедии» Ф. Ницше – это переживание эллином ужаса бытия, его трагизма не на рационально-теоретическом уровне, а на уровне художественного инстинкта. Трагический миф как миро- и самоощущение древнего грека в его «эстетизированной гармонии дионисийского и аполлонического начал» [3, 5], как пишет К. Курлени, «демонстративно дорационален»: «Его смысл – не в овладении диалектической круговертью понятий и логикой причинности, а в *гипнотическом очаровании*, возникшем в ходе *созерцания* вечного противоборства стихий» [3, 5]. Аполлонийское начало символизирует все сознательное, этически окрашенное, стремящееся к порядку, к мере, равновесию и статике. Противоположное ему дионисийское начало воплощает бессознательное, спонтанное, стремящееся к дисгармонии, к чрезмерности, неустойчивости и динамике. Ницше подчеркивает взаимодополняемость полюсов дихотомии. Дионисийское, энергетическое начало рождает из себя аполлонийский образ, «разрешаясь» в нем, а аполлонийское всегда имеет своим фоном дионисийскую стихию, отчуждаясь от нее и индивидуализируясь.

Тело и разнообразие телесных практик в нашем исследовании логично осмыслить в ракурсе данной дихотомии как универсальных метафизических начал культуры. Таким образом, можно обозначить постоянные характеристики аполлонийского тела и дионисийского тела и соответствующих телесных практик как в художественной, эстетической, так и повседневной сферах культуры. При формулировке характеристик аполлонийского и дионисийского телесных образов мы обратимся к более поздним, постмодернистским исследованиям проблематики телесности в работах Ж. Бодрийяра, М. Фуко, Ж. Делеза, Р. Гваттари, а также М. Бахтина и В. Подороги.

Аполлонийское тело – продукт субъективирующих процедур, оно предполагает личностное сознание в качестве властной инстанции. Субъективирующие «техники себя» создают индивида и его индивидуальное тело, Ницше в характеристике аполлонийского начала использует шопенгауэровский термин «принцип индивидуации». Это тело-лицо, тело личности, семиотически освоенное и художественно упорядоченное телесное пространство. Это идеальное «тело-канон» или преобразованное социокультурными практиками «тело-норма».

Дионисийское тело избегает логической определенности. Рассмотрим различные интерпретативные фигуры, позволяющие описать и выявить формы кодификации дионисийского тела в поле культуры. Встроенное в культурное пространство как безличное, доиндивидуальное поле, оно находит формы выражения в архаических пластах культуры. В рамках постмодернистской «аксиологии» оно коррелятивно архаическому сознанию. Как полагает В. Савчук, это «топологически иное по отношению к прямой линии рефлексии», так как «оно вытеснено из пределов разума» [5, 19]. Как архаическая форма пребывания тела в культуре дионисийское тело непосредственно граничит с пространством вне культуры, с «иррефлексивным» животным состоянием. В телесном аспекте дионисизм, по-видимому, воспроизводит телесное бессознательное как один из первичных уровней согласования тела и психики. Телесное бессознательное, пользуясь формулировкой Лавровой О.В., мы обозначаем как «некоторую совокупность реальных телесно-чувственных событий, которые не распознаются сознанием или не могут быть оформлены в доступные сознанию образы и слова» [4].

Если аполлонийское тело – это тело индивида, то дионисийское тело – носитель родовых характеристик. Дионисийское тело как родовой феномен есть первичная семиотическая конструкция. Экстатическое тело было инструментом, с помощью которого род творил вокруг себя символическое пространство. Такое тело маркировалось знаками неантропоморфных или доантропоморфных качеств (зооморфности, орнитоморфности, терратоморфности и т.д.), оно является имитативной фигурой Другого (бога, тотемного животного, духа местности).

В силу имитативной природы дионисийское тело существует за пределами статичных смыслов, производя и изменяя их в потоке становления. Таковым является, например, «перверсивное тело» в исследованиях А. Арто, Ж. Делеза, Р. Гваттари и в работах В. Подороги. Перверсивное тело существует в лиминальном (пороговом) пространстве и содержит в себе «негативные» смыслы, часто отождествляясь с бесчеловечным и бессмысленным. Для дио-

нисийского тела важен эффект трансгрессии, выхода за пределы запретов и нормативов поведения. Вяч. Иванов и Ж. Батай отмечали релятивистскую природу экстатических практик: не локализуясь в пределах общественных норм, они вместе с тем маркированы их границей, предписывая культурный норматив антиповедения: «Запрет принуждает к нарушению запрета, к его преодолению, к трансгрессии, без чего бы запрещаемое действие утратило бы свой зловещий и обольстительный облик» [7, 295].

Автономия дионисийского тела обеспечивается его процессуальностью. Подробно этот аспект был разработан Ж. Делезом и Р. Гваттари в работе «Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип», где ими предложена концепция «тела без органов». В концепции Делеза и Гваттари «тело без органов» противопоставляется организму как стабильной системе органов с устойчиво дифференцированными функциями. Тело без органов противостоит не столько органам, сколько той организации органов, которую называют организмом. «Нестационарность» экстатического тела приводит к ее репрезентации как множества телесных состояний и переживаний, сменяющихся и противоборствующих. Такими характеристиками обладает, к примеру, гротескно-карнавальное тело в концепции М. Бахтина. Оно не готово, и не завершено, «всегда строится, творится, и само строит и творит другое тело» [1, 351]. Похожими признаками обладает конвульсивное тело одержимой монахини в работах М. Фуко: «Тело одержимой – это множественное тело, которое, в некотором смысле, рассеивается, рассыпается на множество противоборствующих способностей, сил, ощущений» [11, 267]; «разорванное тело, охваченное постоянным возбуждением и дрожью, тело, в котором прослеживаются различные эпизоды битвы, тело, которое проглатывает и выплевывает, которое принимает и отторгает, своего рода физиологический и теологический театр» [11, 272].

Дионисийский экстаз воплощает символический опыт смерти, забвения человеком «себя» как личности. В социокультурном пространстве такой танатологический смысл оформляется в ритуальные сюжеты жертвоприношения, оборотничества, одержимости, трагедии как смены полов.

При таких предварительных характеристиках аполлонийского и дионисийского телесных образов попробуем выявить соматический аспект теории Вяч. Иванова. Из всех обильных рассуждений мыслителя о дионисизме нам представляется важным рассмотреть следующие четыре момента:

1. Ядром эстетической программы Вячеслава Иванова является мифологическая парадигма «смерть – воскрешение», реализуемая в мифе об умирающем и воскресающем боге. Уже в ней Иванов выстраивает христологическую редакцию Диониса. В. Топоров считает данный сюжет первоэлементом эстетики Иванова, так это комментируя в статье «Миф о Тантале»: «В 1902-1903 годах Вяч. Иванов почувствовал, что многие существенно важные идеи, мысли и образы, разрозненно возникавшие у него ранее, суть отражения некоего единого целого, представление о котором можно получить по истории Осириса и особенно Диониса-Загрея... Ядро этого единого целого составляет тема необходимой связи смерти и вечной жизни, «истощения и воскресения как «восстания» к вечной жизни». На этом пути идея потери себя, расставания-разлучения с самим собой, смерти как условия воскресения к вечной жизни – в отличие от Ницше – ... ищет своего воплощения в образе Христа, а мысль об «облечении во Христа» оказывается неотделимой от идеи сораспятия с ним, неизбежности жертвы самым дорогим для человека» [9, 76].

2. Русский мыслитель акцентирует в оргиастических культах *танатологическое* начало, в отличие от Ницше, увидев в Дионисе, прежде всего, «страдающего бога». В порядке перечисления его атрибутов «жизнь там, внизу» иерархически предшествует «жизни здесь, на земле»: «Он (Дионис) был благовестием радостной смерти, таящей в себе обеты иной жизни там, внизу и обновленных упоений жизни здесь, на земле» [2, 30].

Дионисийский экстаз, как считает мыслитель, дает возможность человеку обрести потерянную связь с космическим универсумом, найти в субъекте «общее начало» с внесубъективным, с «не-Я». Приобщение к этой внесубъективности предполагает разрушение границ личности. «Поскольку Дионис есть божественное всеединство в его жертвенном разлучении и страдальном пресуществлении во Всевеликое» [цит. по: 10, 26], личность подобно боже-

ству должна пожертвовать собой, отказаться от своего «Я» во имя перерождения этого «Я» во всеедином начале.

В мифе о растерзании бога Иванов видит «метафизическое отображение начала индивидуации», удаления от «начала Вселенского» [2, 93]. Несмотря на отсылки к архаическому мифу с его брутальным изображением телесной смерти божества, у Иванова за античными реминисценциями скрывается философско-метафизическое содержание, подчас слишком отвлеченное от конкретной телесности. Телесные страдания Диониса – символ или след душевных мук – мук разорванности, разъединенности когда-то целого, непрерывного.

3. Для концепции жертвенной самоотдачи, символической смерти субъекта важен применяемый мыслителем концепт «истощение» (*кенозис*). «Истощение внешнего человека» значит для автора освобождение «внутренней личности» от детерминированности эмпирическим миром. Истощение тождественно у Иванова «саморазрушению», что представляет собой путь обретения «себя самого», «спасения» собственной души. Дионисийский экстаз, как пишет мыслитель, «истощает внешнего человека и раздаривает его добро» [2, 84]. Это можно рассматривать, с одной стороны, как противоречие концепции мыслителя о ритуальном самозаклании личности. С другой стороны, можно предположить, что желаемый отказ от субъективности подразумевал нейтрализацию внешнего, социального псевдо-Я и актуализацию некоей внутренней обновленной мистической Самости.

4. Миф об Эросе, ставший у философа существенным дополнением к мифу о Дионисе, проясняет картину дионисийского экстаза. Здесь Иванов следует общему увлечению художественной интеллигенции рубежа веков философией В. Соловьева. В неохристианской риторике мыслителя Дионис предстает «Эросом соборности». Сущность дионисийского переживания заключается в мистическом «соитии» с Богом и в Боге со всем космосом и человеческим родом.

Хаос оргиастического исступления преобразован у Иванова в расщепление биполярной структуры личности на женскую и мужскую половины. Мужественность есть начало «богоборствующее», «самоутверждающееся»; женственность, равнозначная софийности, как полагает мыслитель, есть «открытость Земли Небу, покорность божественному» [2, 88]. Переживания экстатического характера есть переживания женственной части «Я» – «Психеи», которая высвобождается из-под власти сознательного мужского начала и «ищет своего Эроса». Видимо, это есть нейтрализация («угашение» или «истощение») внешнего социального псевдо-Я: Психея «самопроизвольно и насильственно» умерщвляет его, «внутренне воспроизводя собою ... тип Менады – жрицы и мужеубийцы» [2, 92]. Женское начало в поисках потерянного «Жениха» «блуждает по периферии сознания». Психика человека уподобляется пространству, структурированному «мужским» центром и «женской» экстатической пороговой зоной. Эта пороговая зона без сомнений представляет собой бессознательное, в котором пассивное женское начало наполняется новой, уже мистической идентичностью. Именно в этой зоне Психея находит «своего Эроса» в виде воскресшего «сына – новорожденного младенца Диониса»: «слияние Психеи с преображенным Дионисом венчает цикл вакхического безумия; таким образом восстанавливается осознание личности, уже «очищенной» и «освященной» [2, 93].

Итак, природа религиозного экстаза трактуется в пафосе эротико-мистического соития и одержимости: «Религия начинается в мистическом переживании ... в момент дифференциации этого переживания, предстающей его сознанию как «одержание», то есть исполнение души божеством, в него вселяющимся и ею овладевающим» [2, 91]. Весьма показательны в размышлениях мыслителя именно гендерные, а не физиологические качества мужского и женского начал. Тело скрывается за метафизическими ассоциациями. Миф о растерзании, непосредственно воплощенный в жестоком архаическом ритуале, уходит в область поэтических формул, означаемыми которых выступают уже отвлеченные от телесности, упорядоченные духовные категории. Их порядок имеет форму кругового пространства с центростремительным движением «на грань» сознания и обретением в нем обновленного, уже мистического центра.

Дионисийский экстаз упорядочен диалектической борьбой полов. Телесные страдания и смерть Диониса, столь убедительные в своей брутальности в архаическом ритуале и грече-

ском мифе, у Иванова функционируют как носители метафизического содержания. Аллегоричность телесных страданий Диониса-Христа доказывает преимущественно аполлонийский или даже сократический характер заключений и выводов Иванова. Эстетика дионисизма у Иванова представляет собой больше теоретическое построение, результат длительных рефлексий, чем спонтанное выражение мироощущения. Самохвалова В.И. полагает, что в своих отношениях с дионисийством он «не выходил за пределы достаточно теоретичной игры» [6, 74] в отличие от дионисизма Ницше, с действительным телесным страданием автора и трагическим, но логичным безумием.

Основными причинами спасительного отказа от ницшеанского принципа философствования и построения своеобразной религиозной трактовки мне видится отождествление Диониса с Христом, попытка соединить идеи Ницше с его принципиальным оппонентом – христианством. Отсюда – принятие соловьевской метафизики с ее «сократическим» противопоставлением мира материального и идеального, телесного и духовного. Такое теоретическое сближение дионисизма с христианством обусловлено и эволюцией собственных взглядов, и социальным окружением мыслителя в начале XX в.

Вячеслав Иванов стал в среде младосимволистов выразителем ощущений, до него не обретавших стройного концептуального оформления. В противовес утверждению Самохваловой В.И. можно сказать, что столь убедительная для современников концепция дионисийской религии не могла являться предметом только академического интереса. Академизм теоретических работ мыслителя, по мнению современников, уравновешивался его подлинно поэтическим чутьем, схватывающим важные свойства мироощущения эпохи. Это подтверждается словами С.Н. Булгакова в статье «Сны Геи»: «Иванов находится под наитием праматери Геи... *видит вещи сны...* Друзья В. Иванова знают, сколь немного отражается в его книгах из того, что можно *через* него узнать» (Курсивом выделено мною, А.И.) [цит. по 8, 90].

Популярность в среде художественной интеллигенции концепции дионисийского жертвенного отказа от собственного «Я» ради обретения соборной мистической самости демонстрирует психологическую готовность или предрасположенность к практикам измененного сознания. Реставрация темы дионисийского оргиазма и «плоти» породила стремление модернисткой интеллигенции к пограничным, трансгрессивным формам психофизического опыта. Связано это было с процессами дезинтеграции устоявшихся форм личностной идентичности и с актуализацией алогичных форм мировосприятия и иррефлексивных уровней психики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1990. – 543 с.
2. Иванов, В. Родное и вселенское / В. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
3. Курлениа, К. Культурологические идеи Ф. Ницше и их отражение в отечественном культурном сознании / К. Курлениа // Вопросы культурологии. – 2007. – №12. – С. 4-7.
4. Лаврова, О. В. Концепция телесности в интегративной психотерапии / О. В. Лаврова / «Журнал практического психолога», 2006. авторский сайт Оксаны Лавровой <http://www.adhoccoaching.spb.ru/>
5. Савчук, В. Пространство архаического: границы рефлексии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. Савчук. – СПб., 1996. – 24с.
6. Самохвалова, В. И. Вяч. Иванов и русский постмодернизм / В. И. Самохвалова // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 66-77.
7. Танатография Эроса: Ж. Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Нифрил, 1994. – 346с.
8. Топоров В.Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. / Топоров В.Н. – М.: ОГИ, 2004. – 264с.
9. Топоров В. Миф о Тантале (об одной поздней версии – трагедия Вяч. Иванова) // Палеобалканистика и античность / Институт славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1989. – С. 75-109.
10. Тюрина, И. Дионисизм в русском эстетическом сознании (к постановке проблемы) / И. Тюрина // Вестник ТГПУ: Филология. – 1999. – Вып. 6. – С. 22-26.
11. Фуко, М. Ненормальные. Курс лекций / К. Г. Юнг, М. Фуко // Матрица безумия. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. – 384 с.

Пантюхина Т.В.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Пантюхина Т. В.

T. V. Pantyukhina

**СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**THE SOCIAL STATUS OF WOMEN IN THE AMERICAN SOCIETY: ITS PAST AND
PRESENT**

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (Россия, Ставрополь); 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; 8 928 634 4309. E-mail: Pantyukhina@rambler.ru.

Ms. Tatiana V. Pantyukhina – PhD in History, Associate Professor, Department of Archaeology and World History, the North Caucasus Federal University. 1 Pushkin str., city of Stavropol, Russia, 355009; phone: +7 928 634 4309. E-mail: Pantyukhina@rambler.ru.

Аннотация. В статье анализируется положение женщин в американском обществе в исторической ретроспективе. Во второй половине XX – нач. XXI вв. произошло радикальное изменение общественного статуса женщины. В результате современные американки занимают позиции, принципиально недоступные им еще полвека назад в ключевых сферах: образование, работа, бизнес, политика. Современная американка, в отличие от женщин предшествующих поколений, ставит перед собой следующие приоритеты: образование, карьера, профессиональная самореализация. Однако проблема гендерного неравенства еще далека от разрешения в США. В вопросах оплаты труда и продвижения по служебной лестнице гендерный разрыв пока не преодолен.

Summary. The paper deals with the status of women in the American society in historical retrospective. In the second half of the XX– early XXI centuries the social status of women changed dramatically. As a result, now contemporary American women hold positions which were completely out of reach half a century ago in major areas such as education, employment, business and politics. Unlike past generations, a contemporary American woman sets for herself the following priorities: higher education, successful career, job satisfaction. Nevertheless, the problem of gender inequality in the USA is far from being solved. In terms of salary and career ladder promotion, the gender gap has not been closed yet.

Ключевые слова: американки, положение женщин, гендерное неравенство, феминистское движение, профессиональные сферы, образование, политика, «стеклянный потолок».

Key words: American women, status of women, gender inequality, feminist movement, job areas, education, politics, “glass ceiling”.

УДК 94(7)

Во второй половине XX в. произошло радикальное изменение положения американских женщин в обществе. Современные американки занимают социальные, экономические и политические позиции, принципиально недоступные женщинам еще 40-50 лет назад. Разительные изменения общественного статуса женщины произошли на протяжении жизни одного поколения. Биография госсекретаря США Хиллари Клинтон – красноречивое тому подтверждение. Выступая в 1998 году на конференции по случаю 150-летнего юбилея феминистского движения в США, Х. Клинтон отметила этот факт. «В 50-60-е гг. XX в. – годы моего детства и юности – существовали те же барьеры, что и 150 лет назад. Это были стипендии, на которые я не могла претендовать, учебные заведения и факультеты, куда я не имела права поступать, профессиональные сферы, доступ в которые был для меня закрыт. Всё это было недоступно для меня только по одной причине – принадлежность к женскому полу» [2, 199].

Примерно до 70-х гг. XX в. в США существовал жесткий стереотип роли женщины в семье и обществе, господствующий в общественном и индивидуальном сознании таким образом, что отклонение от него воспринималось как аномалия. Согласно этому стереотипу, высшие ценности для женщины – это семья и брак; женщины лишены профессиональных и социальных интересов. Работа женщины, как правило, оправдывалась только экономической нуждой и рассматривалась самими женщинами и их социальным окружением как вторичное, вынужденное занятие. Однако в середине 60-х гг. XX в. Америку захлестнула волна феминистского движения. «Неблагополучие благополучных домохозяек», которого американское общество предпочитало не замечать, приобрело форму социального протеста. Толчком к этому послужила общая атмосфера 60-х гг. – радикализация всего политического климата в США, антивоенные, студенческие, молодежные движения, негритянская революция.

Немалую роль в пробуждении и развитии самосознания американских женщин сыграла книга Бетти Фридан «Загадка женственности» [1]. Фридан обнародовала тот факт, что общество, провозглашающее себя демократическим, подвергает половину своих сограждан сегрегации и дискриминации, отказывая женщинам в праве на полноценную жизнь и рассматривая их в основном как семейную прислугу.

Книга Б. Фридан вызвала большой резонанс в американском обществе. Как справедливо отметила газета «Нью Йорк Таймс», «Это был тот редкий случай в истории, когда книга вызвала глубокую и длительную социальную трансформацию», а ее автор стала «одним из главных архитекторов женского освободительного движения» [5].

В 1966 г. в США была создана Национальная организация женщин (НОЖ), президентом которой стала Б. Фридан. Члены НОЖ начали борьбу за ликвидацию неравенства полов в семейной и профессиональной сферах. Им удалось добиться радикальных изменений в области нормативных актов, ликвидирующих дискриминацию в экономической сфере. Закон о равной оплате 1963 г. запретил дифференциацию по признаку пола при оплате труда. Закон о гражданских правах 1964 г., раздел VII, запрещал дискриминацию в сфере занятости на основании пола, так же как и расы. Четко определялись все аспекты трудовой деятельности: прием на работу, продвижение по службе, профессиональное обучение, увольнение. Для проведения закона в жизнь была создана Федеральная комиссия равных возможностей в сфере занятости, которая стала одним из главных механизмов по реальному преодолению дискриминации по признаку пола в экономической сфере.

Законы о равенстве в жилищном строительстве (1968 г.), о равных возможностях при кредитовании (1975 г.), о равенстве женщин в образовании (1974 г.), поправки к законам о профессиональном образовании и образовании взрослых (1986 г.) запрещали использовать половой признак в качестве основания для ущемления или ограничения прав в любой сфере деятельности. Эти законы были дополнены решениями Верховного суда [9, 154-162]. Для контроля за исполнением принятых законодательных решений создавались организационные структуры на уровне штатов.

Официальная статистика подтверждает тот факт, что с каждым годом американские женщины играют все более значимую роль во всех сферах жизни общества. Ежегодно Бюро статистики департамента торговли США публикует данные, характеризующие положение женщин. Эта публикация обычно бывает приурочена к общенациональному мероприятию, которое называется «Месяц женской истории» и приходится на весенний месяц март. В отличие от России и других стран, где женщин чествуют один день в году – 8 марта, американское правительство отмечает это событие с гораздо большим размахом, хотя начиналось все довольно скромно. В 1909 г. в США начали отмечать международный женский день 8 марта. Затем в 1981 г. решением конгресса США была учреждена «Неделя женской истории» – вторая неделя марта. В 1987 г. конгресс США расширил временные рамки чествования женщин до одного месяца, так что с 1987 г. ежегодно март объявляется «Месяцем женской истории», о чем каждый год извещает специальная резолюция конгресса и указ президента.

Из пресс-релиза Бюро статистики «Неделя женской истории. Март 2010» мы узнаем, что в настоящее время женщины численно преобладают в составе населения США. На 1 октября 2009 г. в стране насчитывалось 155.8 млн женщин, а мужчин – на 4 млн меньше [11]. Что касается семейного положения, то 64.5 млн американок в возрасте 18 лет и старше состоят или состояли в браке (данные на 2008 г.). 82.8 млн американок всех возрастов имеют детей, хотя количество детей в семьях разных этно-расовых групп различно. Известно, что в семьях белых американок обычно детей меньше, чем в афро-американских или испаноязычных семьях. Среднестатистическая американская женщина в возрасте от 40 до 44 лет имеет 1.9 ребенка (данные 2006 г.). Эта цифра намного ниже соответствующего показателя для предшествующего поколения: в 1976 г. среднестатистическая американка 40-44 лет имела 3.1 ребенка [4]. Как видим, еще одно-два поколения назад американская семья была многодетной. Современная американка, в отличие от своей матери или бабушки, ставит перед собой другие приоритеты: образование, карьера, профессиональная самореализация. Однако немало современных американок выбирают для себя традиционную карьеру «full-time mother» – неработающей домохозяйки с детьми. В 2008 г. 5.3 млн женщин полностью посвящали себя воспитанию детей [4].

Если обратиться к сфере образования, то здесь женщины стремительно преодолевают гендерный разрыв. Более того, они опережают мужчин по ряду ключевых показателей. Так, в 2008-2009 учебном году больше половины студенческого контингента колледжей и университетов составляли женщины (55 %) [10]. О том, что женщины лучше образованны, говорят и другие цифры. 29.4 млн женщин в возрасте от 25 лет имеют высшее образование. В процентном выражении это – немалая доля от общей численности женщин старше 25 лет: 29 %. В этом отношении женщины обогнали мужчин: американок с высшим образованием в стране на 1 млн больше, чем американцев. Однако среди обладателей ученых степеней и званий мужчин больше, чем женщин [10].

Все более уверенно женщины чувствуют себя в традиционно мужской сфере деятельности – бизнесе. К сожалению, пока еще нет статистики за последние годы, но в 2002 г. почти 6.5 млн женщин имели свой собственный бизнес. Каков удельный вес женщин в предпринимательстве? Если взять все сферы экономики, исключая сельское хозяйство, то 28 % всех частных фирм принадлежат женщинам [11].

Что представляет собой частная фирма, которой владеет женщина? В основном это предприятия малого и среднего бизнеса. Крупных фирм с миллионными оборотами среди них не так много. Из общего числа 6.5 млн только 116 985 фирм имеют обороты свыше 1 млн. долларов [11].

Какие сферы деятельности американские бизнес-леди считают наиболее привлекательными? Примерно треть женских фирм связана со здравоохранением и социальным обеспечением. Остальные работают в сфере услуг, ремонта, технической эксплуатации и торговли.

Как уже отмечалось, подавляющее число американок ориентировано на образование, работу, карьеру. Это подтверждается статистическими данными. В настоящее время 59 % американок в возрасте от 16 лет имеют работу. В общей сложности это – 72 млн чел. (данные 2008 г.). Как распределены женщины по сферам деятельности? 38 % работающих американок заняты в менеджменте, юриспруденции, медицине, образовании. Для сравнения: 32 % работающих мужчин трудятся в вышеназванных сферах [11].

Современные американки решительно разрушают стереотипные представления о «мужских» и «женских» профессиях. Сегодня никого не удивляет женщина в полицейской или военной форме. В 2008 г. 99 000 женщин служили в полиции, а 14 000 американок несли службу в не менее опасной сфере – пожарной охране. Женщины также прочно утвердились в авиации: 36 тыс. женщин-летчиц насчитывается в США (данные 2007 г.) [12].

Численность женщин-докторов в Америке, возможно, мало впечатляет, поскольку в России медицина традиционно считалась женской сферой деятельности, требующей – опять

же согласно стереотипным представлениям – истинно женских качеств, таких как: терпение, милосердие и сострадание. В США, напротив, медицина, начиная с колониальных времен и вплоть до 60-х гг. XX в. – считалась исключительно мужским занятием, требующим решительности, твердости и аналитического мышления. Считалось, что женщины лишены этих качеств. Стереотипы были настолько живучи, что до 60-х гг. XX в. женщинам был ограничен доступ на медицинские факультеты университетов. В настоящее время в США насчитывается 267 000 женщин терапевтов и хирургов, что свидетельствует об успехах американок в преодолении гендерного неравенства.

Американские феминистки могут гордиться тем, что они взяли еще один бастион, считавшийся исключительно мужским: армия. В настоящее время 197 900 женщин служат в американской армии, что составляет 14 % от общей ее численности. Из них 34 300 чел. занимают офицерские должности, остальные 163 600 женщин-военнослужащих являются рядовыми. Это официальные данные министерства обороны США на 2008 г. [13]. Газета «Нью Йорк Таймс» приводит другие цифры: 365 000 женщин служат в американской армии (16 % от общей ее численности) [6].

По закону женщины не имеют права принимать непосредственное участие в сражениях на поле боя в качестве рядовых в таких родах войск, как пехота, бронетанковые войска, полевая артиллерия и спецназ, хотя в этих родах войск есть женщины, командующие подразделениями солдат. Помимо этого единственного условия, к женщинам на войне нет снисходительного отношения. Они воюют наравне с мужчинами. В Афганистане и Ираке из 2 млн американских военнослужащих, участвовавших в этих войнах с 2001 г., женщины составляли 220 000 чел. (11 % от общей численности контингента) [6]. Женщины-военнослужащие командуют мужскими подразделениями, управляют боевыми вертолетами, патрулируют улицы, обезвреживают взрывные устройства, дежурят на блок-постах. Для последней задачи в морской пехоте было создано специальное женское подразделение, названное «Морские львицы».

За годы войны в Афганистане и Ираке женщины доказали, что могут воевать и командовать солдатами не хуже мужчин. По признанию помощника главнокомандующего американскими войсками в Ираке П. Мансура, женщины «заслужили доверие и уважение своих коллег-мужчин» [6].

Как результат, женщин стали активнее продвигать по служебной лестнице. И хотя на высших командных постах в армии и флоте США сейчас не более 6 % должностей занято женщинами, все же прогресс по сравнению с предшествующим десятилетием весьма заметен. В 2008 г. 57 женщин имели звание генералов и адмиралов. Это почти вдвое больше, чем 10 лет назад. Две женщины имеют высшую воинскую награду США – Серебряную звезду. [6].

О том, насколько распространенной стала профессия военного для женщины, говорят данные о численности ветеранов вооруженных сил. 1.7 млн женщин-ветеранов насчитывается в США в настоящее время. [14].

Несмотря на зримые успехи и победы американских женщин в борьбе за равенство прав, многие проблемы еще остаются нерешенными. Так, по уровню оплаты труда женщины отстают от мужчин. По официальным данным заработная плата женщины составляет 80,2 % от заработной платы мужчины [8]. Еще одной нерешенной проблемой работающей женщины остается сложность продвижения по служебной лестнице, наличие так называемого «стеклянного потолка». Невелика доля женщин на руководящих постах крупных фирм, в ранге президента или вице-президента компании.

Как видим, проблема гендерного неравенства еще далека от разрешения в США, однако нет сомнения, что усилия в этом направлении будут продолжены. Администрация Б. Обамы провозгласила задачу ликвидации гендерного неравенства приоритетной. Как заявила в интервью газете «Нью Йорк Таймс» госсекретарь США Х. Клинтон, «так называемый женский вопрос – это вопрос стабильности, безопасности и справедливости. Многие аналитики, включая аналитиков Всемирного банка, убедительно доказали: там, где женщины

подвергаются дискриминации, где им отказано в равных с мужчинами правах, вы найдете нестабильность, которая зачастую служит питательной почвой для экстремизма» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фридан, Б. Загадка женственности / Б. Фридан; пер. с англ. О. Ворониной. – М.: Прогресс, 1993. – 496 с.
2. Clinton, H. R. Remarks at the 150th Anniversary of the First Women’s Rights Convention // Speaking of Hillary. Ed. By S.K.Flinn. Ashland, Oregon: White Cloud Press. – 2000. – 311 p.
3. Educational Attainment in the United States: 2008 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/newsroom/releases/archives/education/cb09-66.html>
4. Fertility of American Women: 2006 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/prod/2008pubs/p20-558.pdf>
5. New York Times, February 5, 2006.
6. New York Times, August 15, 2009.
7. New York Times, August 18, 2009.
8. New York Times, September 27, 2010.
9. Representative decisions by the US Supreme Court in Recent Gender-Based Discrimination Cases // Keefe W.J., Abraham H.J. American Democracy. Institutions, Politics, and Policies. New York NY: Harper Collins, 1990. – 746 p.
10. School Enrollment in the United States: 2008 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/population/socdemo/school/cps2008/tab01-01.xls>
11. U.S. Census Bureau News. Women’s History Month: March 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/newsroom/releases/pdf/cb10-ffo3.pdf>
12. U.S Bureau of Labor Statistics and U.S. Federal Aviation Administration, as cited in the *Statistical Abstract of the United States: 2010*, Tables 603 and 1047 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/compendia/statab/>
13. U.S. Department of Defense, as cited in the *Statistical Abstract of the United States: 2010*, Table 498 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/compendia/statab/>
14. U.S. Bureau of Labor Statistics, as cited in the *Statistical Abstract of the United States: 2010*, Table 509. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/compendia/statab/>

Тарануха Н. А.
N. A. Taranukha

**ОБЗОР И АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ДОКЛАДОВ ООН О РАЗВИТИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СТРАНАХ МИРА И НОВОЙ РОССИИ.
ЧАСТЬ 1: ИНДЕКС РАЗВИТИЯ, ЕГО СМЫСЛ И МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ. ДО-
КЛАДЫ 2003 – 2004**

**A REVIEW AND ANALYSIS OF UN GLOBAL REPORTS ON THE DEVELOPMENT OF
HUMAN POTENTIAL IN VARIOUS COUNTRIES AND IN MODERN RUSSIA.
PART 1: DEVELOPMENT INDEX, ITS MEANING AND METHOD OF DEFINITION.
2003-2004 REPORTS**

Тарануха Николай Алексеевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой кораблестроения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)24-11-42. E-mail: taranukha@knastu.ru
Mr. Nikolay A. Taranukha – Doctor of Engineering, Professor, Head of the Shipbuilding Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27 Lenin Pr., Komsomolsk-on-Amur, Russia; phone: + 74217241142. E-mail: taranukha@knastu.ru.

Аннотация. Данная статья является первой частью серии из трех статей, посвященных обзору и анализу Глобальных докладов ООН о развитии человеческого потенциала в странах мира и новой России. Данная статья (часть 1) содержит рассмотрение вопроса о количественной оценке такой качественной категории, как «развитие человеческого потенциала». Показана методика определения индекса развития человеческого потенциала и пояснен смысл этого индекса. Рассмотрены доклады 2003 и 2004 гг. Показан рейтинг стран мира за 2004 г. по этому индексу. Сделаны некоторые выводы и комментарии.

Summary. The present paper is the first one in a series of three offering a review and analysis of UN Global reports on the development of human potential in various countries including modern Russia. It deals with the problem of quantitative assessment of such a qualitative parameter as the "development of a human potential". A technique aimed at defining the index of development of human potential is explained, and the meaning of this index clarified. Reports for years 2003 and 2004 are reviewed. The rating of countries for year 2004 according to this index is demonstrated. Some conclusions and commenting are made.

Ключевые слова: качество жизни, развитие человеческого потенциала, индекс развития, смысл и методика определения, глобальные доклады ООН, доклады 2003 и 2004 гг., рейтинг, комментарии.

Key-words: quality of life, development of a human potential, development index, meaning and technique of definition, United Nations global reports, reports for 2003 and 2004, rating, comments.

УДК 314:330.12;316:303

Введение

Начиная с 1990 г., Организация Объединенных Наций (ООН) стала готовить и публиковать Глобальные доклады, посвященные тем или иным аспектам развития человека и качества жизни в различных странах мира. В этих докладах качество жизни рассматривалось и понималось, с одной стороны, более широко, чем это принято по отношению к одному человеку или семье, а с другой стороны, более узко и конкретно в силу глобальности рассматриваемого аспекта.

Тарануха Н.А.

ОБЗОР И АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ДОКЛАДОВ ООН О РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАНАХ МИРА И НОВОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ 1: ИНДЕКС РАЗВИТИЯ, ЕГО СМЫСЛИ МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Мы в этой статье (часть 1) затронем только доклады 2003 и 2004 гг. Доклады 2005 – 2011 гг. будут рассмотрены в двух последующих статьях (часть 2 и часть 3). В 2003 – 2011 гг. ООН в своих докладах рассмотрела следующие проблемы (аспекты) глобального развития человека:

- Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственный компакт об избавлении человечества от нищеты (2003).
- Культурную свободу в современном многообразном мире (2004).
- Международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в мире неравенства (2005).
- Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов (2006).
- Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире (2007/2008).
- Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие (2009).
- Реальное богатство народов: пути к развитию человека (2010).
- Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех (2011).

Ниже в данной статье будет сделан некоторый аналитический обзор упомянутых Глобальных докладов. Читатели, интересующиеся более подробно содержанием этих докладов, могут обратиться к первоисточникам [1].

Все указанные доклады ООН содержат различные рейтинги, на рассмотрении и анализе которых Автор статьи и сосредоточит внимание уважаемых Читателей. При этом представленный в статье материал следует соотносить с тем периодом времени, для которого соответствующий доклад был сделан (материалы к докладам собирались за два-три предыдущих года).

Для более уверенной ориентации в количественных показателях данной статьи полезно напомнить, что в мире существует около 200 стран. Более точный ответ требует более точного рассмотрения этого вопроса. Например, в ООН входит 191 государство. Но есть Ватикан, который имеет общепризнанный официальный государственный статус, но в ООН не входит. Есть ещё около 50 стран и территориальных образований, которые в мире либо не являются общепризнанными де-юре либо имеют те или иные собственные ограничения в государственном статусе. По состоянию на 2011 г. наиболее часто в различных источниках указывается количество стран (без уточнения статуса) – 206 стран.

В докладах ООН, обзор которых выполнен ниже, обобщающим критерием, по которому составлены рейтинги стран мира, является так называемый индекс развития человеческого потенциала. Поэтому сначала ниже поясним, каков смысл этого индекса и как он определяется.

1. Индекс развития человеческого потенциала: смысл и методика определения

Пояснение индекса развития человеческого потенциала выполним с использованием работы [2].

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) является некоторым интегральным критерием, который рассчитывается ежегодно и по которому производится сравнение стран Мира по уровню продолжительности жизни, грамотности и доходу на душу населения. В определённом смысле этот индекс характеризует собой уровень качества жизни в той или иной стране.

ИРЧП определяется в рамках Программы развития ООН и публикуется с 1990 г. в Глобальных докладах ООН о развитии человеческого потенциала. Индекс был разработан группой экономистов во главе с пакистанским ученым Махбубом-уль-Хаком и позднее был концептуально структурирован индийским ученым Арматии Сена.

При определении этого индекса учитываются три вида показателей:

1. Ожидаемая продолжительность жизни (LE).

2. Уровень грамотности населения (EI), который включает в себя среднее количество лет, потраченных на обучение фактически (MYSI), и ожидаемую продолжительность обучения (EYSI).

3. Валовой национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности (II).

Для того чтобы при вычислении интегральных индексов различные по своей природе показатели можно было бы сопоставлять друг с другом, их переводят в относительный вид в диапазоне от 0 до 1. Для этого используется следующая известная формула:

$$X - \text{индекс} = \frac{X - \min(X)}{\max(X) - \min(X)}, \quad (1)$$

где $\min(X)$ и $\max(X)$ – минимальное и максимальное значения показателя X среди всех исследуемых стран.

ИРЧП для конкретной страны вычисляется по трём следующим показателям:

1. Индекс ожидаемой продолжительности жизни (LEI)

$$LEI = \frac{LE - 20}{83,2 - 20}, \quad (2)$$

где LE – ожидаемая продолжительность жизни в данной стране, в годах. При этом на основании предыдущих исследований считается, что максимальная средняя продолжительность жизни среди всех стран равна 83,2 годам, а минимальная – 20 годам.

2. Индекс уровня грамотности (образования) населения (EI)

$$EI = \frac{\sqrt{MYSI \times EYSI} - 0}{0,951 - 0}, \quad (3)$$

где $MYSI$ и $EYSI$ – это соответственно индекс средней продолжительности обучения и индекс ожидаемой продолжительности обучения. При этом считается, что максимальный индекс грамотности населения в выполненных исследованиях достигал величины 0,951. Минимальный индекс грамотности равен 0. Упомянутые выше индексы $MYSI$ и $EYSI$ определяются предварительно по формулам

$$MYSI = \frac{MYS - 0}{13,2 - 0}; \quad EYSI = \frac{EYS - 0}{20,6 - 0}, \quad (4)$$

где MYS и EYS – это соответственно средняя фактическая продолжительность обучения населения в годах и ожидаемая продолжительность обучения населения (если оно будет продолжать обучение), в годах. При этом считается, что максимальные значения этих параметров равны соответственно 13,2 и 20,6 годам, а минимальные значения равны 0.

3. Индекс валового национального дохода на душу населения по паритету покупательной способности (II) для каждой конкретной страны определяется по формуле

$$II = \frac{\ln(GNIpc) - \ln(163)}{\ln(108211) - \ln(163)}, \quad (5)$$

где $GNIpc$ – валовой национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности в данной стране, в долл. США.

Имея три указанных индекса LEI , EI и II , можно определить искомый интегральный индекс развития человеческого потенциала (HDI), который в русском написании имеет аббревиатуру ИРЧП. Этот индекс является средней геометрической величиной трёх указанных индексов и определяется по формуле

$$ИРЧП = HDI = \sqrt[3]{LEI \times EI \times II}. \quad (6)$$

По численной величине данного индекса в приведенных ниже глобальных докладах ООН составлены рейтинги стран Мира, характеризующие относительное развитие человеческого потенциала в течение последнего десятилетия.

Тарануха Н.А.

ОБЗОР И АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ДОКЛАДОВ ООН О РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАНАХ МИРА И НОВОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ 1: ИНДЕКС РАЗВИТИЯ, ЕГО СМЫСЛИ МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

В завершении этого раздела поясним уважаемому Читателю, что для оценки качества жизни могут применяться и другие критерии, которые часто являются более простыми и более практичными [3]. И при этом они в большей степени отражают важный постулат любых вычислений – точность результата не может быть выше точности исходных данных [4]. А точность исходных данных при количественной оценке качества жизни всегда не очень высока.

2. Глобальный доклад ООН 2003 г.

Тема доклада ООН: «Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственный компакт об избавлении человечества от нищеты» [5]. В докладе декларируются следующие 8 целей, достижение которых должно обеспечить создание в странах мира приемлемого уровня качества жизни.

Цель 1 – сокращение вдвое доли населения, живущего в условиях крайней нищеты. Более одного миллиарда человек, т.е. почти пятая часть населения Земли, живут на средства, величина которых не превышает 1 долл. США в день. Это и есть их уровень качества жизни. Нищета по доходам в основном концентрируется в Южной и Восточной Азии, Латинской Америке и Карибском бассейне, некоторых странах Африки и Центральной и Восточной Европы. Проблемы нищеты обострились в 33 странах.

Цель 2 – достижение всеобщего начального образования. В мире к числу неграмотных следует отнести почти каждого шестого взрослого человека. При этом более 100 млн детей не посещают начальную школу. В некоторых странах Азии и Африки количество детей, не посещающих начальную школу, превышает 50 %.

Цель 3 – ликвидация неравенства между мужчинами и женщинами в сфере начального и среднего образования. Две трети из неграмотных взрослых людей – женщины. Три пятых из не посещающих школу детей составляют девочки.

Цель 4 – сокращение детской смертности. Более 10 млн детей гибнет каждый год (около 30 тыс. в день) от поддающихся предупреждению заболеваний.

Цель 5 – улучшение охраны здоровья матерей. Более 500 тыс. женщин умирают каждый год во время беременности и родов.

Цель 6 – борьба против распространённых болезней (СПИД, малярия и др.). Во всём мире СПИДом заражены более 40 млн человек. Смертность от малярии составляет около 1 млн человек в год и имеет тенденцию к увеличению.

Цель 7 – сокращение вдвое доли населения, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде и современным средствам санитарии. Более 1 млрд человек не имеют доступа к безопасной воде, а 2,4 млрд человек не имеют доступа к современным средствам санитарии.

Цель 8 – изменение в политике богатых стран в области оказания помощи бедным странам. Здесь речь идет о международной задолженности, торговле и передаче технологий. Для достижения беднейшими странами целей 1 – 7 реализация цели 8 является условием необходимым.

В докладе на диаграммах упоминаются 116 стран, в отношении которых достижение отмеченных целей является актуальным. Среди этих стран указаны практически все страны Африки, Южной и Восточной Азии, Латинской Америки, центральной и Восточной Европы. Среди них упоминаются такие вроде бы относительно благополучные страны, как Китай, Индия, Бразилия, Республика Корея, Чили, Венесуэла, Уругвай, Аргентина, Польша, Болгария, Беларусь, Украина, Эстония.

Россия в докладе упомянута лишь однажды в контексте нарастания бедности по доходам населения в 90-е гг. При этом было отмечено, что в этот же период в Российской Федерации наблюдался регресс по сравнению с 1990 г. в области доходов на душу населения, и имело место нарастание нищеты и детской смертности в возрасте до 5 лет.

Одновременно указывалось, что в эти же годы в России сохранялся практически 100 % охват детей начальным образованием и доступом к безопасной питьевой воде и адекватным средствам санитарии.

Фактически доклад 2003 г. на рубеже тысячелетий является своеобразной отправной точкой в деле глобального развития человека и качества жизни в различных странах мира. И эта отправная точка в начале третьего тысячелетия современной истории оказалась очень низкой.

В докладе 2003 г. ещё не было вычисления для стран мира ИРЧП и не было составлено рейтинга стран мира на основе этого показателя.

3. Глобальный доклад ООН 2004 г.

Тема доклада ООН: «Культурная свобода в современном многообразном мире» [6]. В основе этого доклада лежит глобальная идея «столкновения цивилизаций» и обсуждение вопросов сглаживания и преодоления конфликтов на национальной, культурной, религиозной и языковой почве.

Развитие человека, качество его жизни в значительной степени зависят от наличия и остроты конфликтов на языковой, религиозной, культурной и национальной почве. К сожалению, в современном мире эти проблемы продолжают сохранять свою актуальность.

Суть человеческого развития заключается в том, чтобы дать людям возможность вести тот образ жизни, который они сами выберут. Важным условием для развития является наличие средства и возможности для такого выбора. При этом культурная составляющая в реализации этих возможностей имеет такое же значение, как и политическая, экономическая и социальная.

Люди стремятся к повышению уровня и качества жизни. Именно это стремление является глубинным мотивом для развития культурной свободы.

Одним из важнейших направлений развития человеческих отношений в масштабах стран и регионов является построение мультикультурных обществ. Как этого достичь? Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии культур, люди должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности и проявить терпимость и уважение к всеобщим правам человека и человеческим ценностям.

Проблема мультикультурности обществ в развитых странах усугубляется нарастающей миграцией людей из стран с исторически другой культурной идентичностью. Например, в Германии за 20 лет с 1981 по 2000 гг. количество мигрантов из-за пределов Европы возросло с 600 тыс. до 1,5 млн человек. В Лондоне учащиеся государственных школ говорят на 300 разных языках.

В большинстве стран существует культурное многообразие. В мире насчитывается около 110 стран, в которых доля этнических или религиозных групп в численности населения превышает 25 %. И только около 30 стран имеют эту долю менее 10 %.

Нерешенность многих проблем мультикультурности приводит в ряде стран к исключенности многих групп населения из политической, экономической и социальной жизни общества. А это приводит к социальной напряженности и напрямую отражается на качестве жизни населения. В мире около 900 млн человек принадлежат к группам, испытывающим в той или иной мере культурную исключенность.

Иногда культурную исключенность пытаются применить как средство государственной политики. Примерами являются страны, в которых на государственном уровне закреплено преимущество для одного языка (признанного государственным). При этом де-факто возникают ограничения для других языков в политической и экономической сферах, хотя значительная часть населения пользуется другим языком (признанным негосударственным).

Такое положение дел является проявлением культурной несвободы и снижения качества жизни.

Культурное доминирование может привести (и в истории много раз приводило) к возникновению движений, которые обычно стремятся к созданию государств, являющихся «чистыми» в этническом или религиозном отношении. Такие движения готовы добиваться своих целей насильственными методами по отношению к любому, кто воспринимается «чужим», вплоть до уничтожения.

Тарануха Н.А.

ОБЗОР И АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ДОКЛАДОВ ООН О РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАНАХ МИРА И НОВОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ 1: ИНДЕКС РАЗВИТИЯ, ЕГО СМЫСЛИ МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

В ряде случаев такие движения находят поддержку у населения. В частности, растёт поддержка праворадикальных партий в Европе (Австрия, Италия, Бельгия, Франция).

Для того чтобы подобные экстремистские движения, преследующие цели культурного доминирования, не получили распространения, государство должно отвечать на вызов тех сил, которые подпитывают эти движения. При этом делать это оно должно открыто, конструктивно и легитимно.

Опосредованную оценку качества жизни в настоящем и будущем можно дать с помощью ИРЧП, который акцентирует своё внимание на следующих измеряемых параметрах: продолжительность жизни, уровень грамотности взрослого населения, ВВП на душу населения.

Среди стран, для которых наряду с некоторыми странами Африки, Азии и Латинской Америки отмечено снижение в 90-е гг. ИРЧП, указаны и страны СНГ, в частности Казахстан, Украина и Российская Федерация. Однако к началу двухтысячных годов ситуация по странам Восточной Европы и СНГ выправилась и вернулась к уровню момента распада Советского Союза.

В докладе 2004 г. впервые был рассчитан ИРЧП, и на основании этого индекса был составлен следующий рейтинг стран мира по ИРЧП (см. табл. 1). При этом следует иметь в виду, что исходные данные для доклада соответствовали 2002 г.

Таблица 1

Рейтинг стран мира по индексу развития человеческого потенциала

Страны мира и их место в рейтинге по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП, 2002 г.)					
Страны с очень высоким индексом (уровнем) развития человеческого потенциала: ИРЧП от 1,000 до 0,900 (Норвегия – 0,956; Сингапур – 0,902)					
1	Норвегия	10	Ирландия	19	Германия
2	Швеция	11	Швейцария	20	Испания
3	Австралия	12	Великобритания	21	Италия
4	Канада	13	Финляндия	22	Израиль
5	Нидерланды	14	Австрия	23	Гонконг (Китай)
6	Бельгия	15	Люксембург	24	Греция
7	Исландия	16	Франция	25	Сингапур
8	США	17	Дания		
9	Япония	18	Новая Зеландия		
Страны с высоким индексом (уровнем) развития человеческого потенциала: ИРЧП от 0,899 до 0,750 (Португалия – 0,897; Иордания – 0,750)					
26	Португалия	40	Бахрейн	54	Тринидад и Т.
27	Словения	41	Литва	55	Антигуа и Бар.
28	Корея Респ.	42	Словакия	56	Болгария
29	Барбадос	43	Чили	57	Россия (0,795)
30	Кипр	44	Кувейт	58	Ливия
31	Мальта	45	Коста-Рика	59	Малайзия
32	Чехия	46	Уругвай
33	Бруней	47	Катар	62	Беларусь
34	Аргентина	48	Хорватия
35	Сейшелы	49	ОАЭ	70	Украина
36	Эстония	50	Латвия	71	Сент-Люсия
37	Польша	51	Багамы	72	Бразилия
38	Венгрия	52	Куба
39	Сент-Китс	53	Мексика	90	Иордания

Страны со средним индексом (уровнем) развития человеческого потенциала: ИРЧП от 0,749 до 0,500 (Азербайджан – 0,746; Камерун – 0,501)					
91	Азербайджан	101	Иран	120	Египет
92	Тунис	121	Гватемала
93	Гренада	107	Узбекистан
94	Китай	127	Индия
95	Доминика	110	Киргизия
...	142	Непал
97	Грузия	120	ЮАР	141	Камерун
Страны с низким индексом (уровнем) развития человеческого потенциала: ИРЧП от 0,499 до 0,000 (Пакистан – 0,497; Сьерра-Леоне – 0,273)					
142	Пакистан	149	Йемен	167	Чад
143	Того	150	Мадагаскар
...	...	162	Танзания	175	Буркино-Фасо
147	Зимбабве	176	Нигер
148	Кения	166	Ангола	177	Сьерра-Леоне
Конец рейтинга					

В табл. 1 рассмотрены 177 стран, по которым авторам доклада удалось собрать необходимое количество достоверной информации.

Заключение

Россия в этом рейтинге занимает 57 место, имея значение ИРЧП, равное 0,795. Следует отметить, что Россия по этому показателю по состоянию на 2002 г. входила в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. При этом Россия опережала такие страны, как Украина, Бразилия, Китай и Индия.

При этом в 2002 г. в Российской Федерации индекс продолжительности жизни составил 0,69 (116 место среди стран мира), индекс уровня образования составил 0,95 (25 место), индекс ВВП на душу населения составил 0,74 (58 место).

Если проследить изменение ИРЧП для РФ за предыдущие 12 лет, то этот индекс в 1990 г. составлял 0,813, в 1995 г. – 0,777, в 2002 г. – 0,795.

Доклад ООН 2004 г. содержит много другой дополнительной информации, с которой интересующийся Читатель может ознакомиться сам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальные доклады – Доклады ООН о развитии человека / ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/hdr/global.shtml>
2. Метод определения Индекса развития человеческого потенциала. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%ED%E4%E5%EA%F1_%F0%E0%E7%E2%E8%F2%E8%FF_%F7%E5%EB%EE%E2%E5%F7%E5%F1%EA%EE%E3%EE_%EF%EE%F2%E5%ED%F6%E8%E0%EB%E0
3. Тарануха, Н. А. Методика количественной оценки качества жизни / Н. А. Тарануха // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № II-2(14). – С. 78-84.
4. Тарануха, Н. А. Новые решения в динамике «неправильных» оболочек (раздел об оценке погрешности расчетов) / Н. А. Тарануха, Г. С. Лейзерович. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 203 с.
5. Доклад ООН 2003 г. «Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственный компакт об избавлении человечества от нищеты». – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/esa/hdr/2003/>
6. Доклад ООН 2004 г. «Культурная свобода в современном многообразном мире». – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/esa/hdr/2004/>

Завалишин А. Ю.
ДИСКУРС КАК ПРИНУЖДЕНИЕ

Завалишин А. Ю.
A. Y. Zavalishin

ДИСКУРС КАК ПРИНУЖДЕНИЕ

DISCOURSE AS AN ENFORCEMENT

Завалишин Андрей Юрьевич, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (г. Хабаровск). E-mail: native59@rambler.ru.

Zavalishin Andrey Yurievich, doctor of sociological sciences, associate professor, head the social-humanities (sub)department of Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Khabarovsk). E-mail: native59@rambler.ru.

Аннотация: в статье представлена авторская концепция дискурса как инструмента принудительного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание с целью извлечения политической ренты.

Summary: the author's concept of a discourse is presented in article as instrument of enforcement impact on individual, group and public consciousness for the purpose of a political rent extraction.

Ключевые слова: дискурс, принуждение, методология, дискурс-анализ.

Key words: discourse, enforcement, methodology, discourse-analysis.

УДК 304.444; 316.277.5; 316.7; 81.272

«Всё есть дискурс...»
Ж. Деррида

Начнем тавтологично: в последние два – три десятилетия понятие «дискурс» в научном дискурсе стало таким же дискурсивным трюизмом, как понятие «демократия» в политическом дискурсе. В конечном счете, это привело к дивергенции их дефиниций, и, в какой-то степени, развязало руки ученым и политикам: они используют их сегодня в самых разных контекстах и в самых разных, нередко, взаимоисключающих смыслах. Впрочем, это не всегда говорит о некомпетентности в употреблении первого или второго и может быть легитимировано, например, спецификой самого дискурса в отношении понятий «дискурс» и «демократия», либо тем, на чем в свое время акцентировали внимание М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс, предпринявшие комплексное методологическое исследование дискурса: «Несмотря на то, что в дискурс-анализе теория, подход, метод составляют единое целое, исследователь может создавать свой собственный, новый комплекс путем комбинирования элементов различных дискурсаналитических подходов (а также недискурсаналитических, если они применимы). Такое исследование, объединяющее различные теоретические подходы... не только позволительно, но даже приветствуется в дискурс-анализе» [4, 22; 9, 4]. Ранее мы уже обращались к данному вопросу (см. [2; 3; 5]), однако, рассматривали его в несколько ином ракурсе.

Итак, понятия, вкладываемые в термин «дискурс», так же, как методологии, выведенные из дискурсаналитического подхода в социальных науках, разнообразны. Их систематический анализ не является предметом данной статьи, тем не менее, прежде чем рискнуть сформулировать еще один, -дцатый подход, необходимый нам ad hoc, попробуем обозначить его парадигмальные рамки.

Этимологически *дискурс* (греч. δῖξοδος, лат. discursus, франц. discourse и т. д.) в наиболее общем смысле – речь, беседа, аргумент, короче, процесс языковой деятельности. В

специальном, социогуманитарном смысле под ним принято понимать социально обусловленную организацию системы речи, а также определенные принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени [1]. Однако в этом месте уже начинаются существенные разногласия. Отметим лишь те из них, которые имеют прямое отношение к обозначенной нами теме.

Прежде всего, оценка оппозиции «дискурс – общество». Холистский подход, который нам симпатичен своей парадоксальностью, но, к сожалению, мало продуктивен в аналитических целях, гласит, что общество дискурсивно по своей природе, то есть, оно существует исключительно в виде дискурса (см. эпиграф к данной статье). При этом сразу возникает вопрос, а что здесь понимается под дискурсом: текст, речь, дефиниции или категоризации, идеологии или социальные мифы и т. д.? Как очевидно, каждый из названных аспектов приводит к существенным различиям в понимании феномена «дискурсивной природы общества».

Другой, более взвешенный подход основывается на представлении о двойственности социального, которое репрезентируется как в дискурсивных, так и недискурсивных практиках. Остается выяснить, как эти практики соотносятся (и соотносятся ли?) друг с другом, детерминируют ли одна другую (и какая из них доминирует, и почему), либо их взаимодействие имеет взаимонаправленный характер, не поддающийся однозначной оценке?

Сторонники третьего подхода (в некотором смысле, синтетического по отношению к двум первым) стоят перед дилеммой: является ли дискурс самой социальной реальностью или интерпретацией социальной реальности? Здесь витают призраки Э. Дюркгейма и М. Вебера, акцентировавших внимание на объективном (= недискурсивном) и субъективном (= дискурсивном) аспектах общества. Однако остается невыясненным, является ли дискурс сам по себе субъективным или объективным феноменом (объективным не в онтологическом, а в гносеологическом смысле)? Этот аспект, которого мы коснемся чуть ниже, в зависимости от ответа на него, что называется, все ставит с ног на голову... или наоборот, в зависимости от позиции исследователя.

При всем том, очевидно одно – дискурс – это реальный социальный феномен, оказывающий существенное воздействие на индивидов и общество в целом. С этим согласны все исследователи.

Следующий принципиальный момент касается методологической оппозиции власти, общества и индивидов, выступающих в роли агентов, презентующих и репрезентирующих дискурсы. Представители конструктивистской перспективы утверждают, что ведущая роль в «производстве» дискурса принадлежит власти (прежде всего государственной, но не только ей, – и корпоративной, и семейной, и церковной и т.д.), которая стремится (и имеет для этого достаточно возможностей) к навязыванию подвластным системы категоризаций (иначе – идеологии), дисциплинирующих не только устную и письменную речь, но и мысли. Об этом достаточно определенно высказался в свое время М. Фуко: «Дискурс... это не просто то, что проявляет (или прячет) желание, он также и то, что является объектом желания; и точно также дискурс... это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [7, 51].

Вместе с тем, считать дискурсогенез исключительно привилегией субъектов власти (или тех, кто служит их интересам) нет никаких оснований. Тот же М. Фуко далее утверждает: «Мир дискурса нужно представлять себе не как разделенный между дискурсом принятым и дискурсом исключенным или между дискурсом господствующим и тем, над которым господствуют, но его следует представлять себе как некоторую множественность дискурсивных элементов, которые могут быть задействованы в различных стратегиях» [7, 201]. Действительно, если дискурс, это, своего рода, перманентный разговор, в ходе которого (ре)интерпретируются смыслы и категории, и в который вовлечены вообще все говорящие (= население страны, планеты), то его субъектом выступает народ (общество,

персоналифицированное в индивидах). И в этом смысле можно утверждать о примордиальной природе дискурса, как феномена «речевой» цивилизации (в отличие, например, от гипотетической «телепатической» или «имажинистской», где единицами коммуникации выступали бы не облеченные в языковую форму мысли или образы).

Но способны ли индивиды (пусть, самые гениальные) генерировать дискурс? И здесь мы выходим на проблему дискурсивного круга: что первично, дискурс или высказывание? Дискурс определяет высказывания, или высказывания строят дискурс? Очевидно, что каждое высказывание кем-то высказано, но насколько оно автономно и дискурсогенно? Все люди время от времени (а иные неумолчно) что-то говорят. Независимо от уровня интеллекта или включенности в тему самих говорящих, все их речения можно разделить на два вида: 1) репликативные, т. е. просто воспроизводящие существующие дискурсы (научные, политические, бытовые и т.д.) или их элементы; 2) когнитивные – генерирующие новое знание и новые дискурсы благодаря способности познающего субъекта (ученого, мыслителя) постигать суть вещей (трансцендировать) на пересечении дискурсов, в которые он включен. Именно благодаря (1) наличию дискурсов и (2) их уникальному пересечению в мышлении познающего субъекта возникает познавательный процесс как конвертация значений одного дискурса в другой. Талант (когниция) субъекта определяется способностью к такой конвертации; гениальность – способностью на пересечении п дискурсов сформировать качественно новый $n+1$ дискурс (т. е. способность к дискурсогенезу).

В современной культурологии оформилось течение, представители которого в качестве базовой категории анализа используют «текст» (метатекст), который трактуют предельно широко – как любую совокупность означений, выраженных в артефактах (в этом смысле «текст» – это и языковой текст, и город, и инфраструктура, и Курская битва и т.д.) (см.: М. Ю. Лотман, М. М. Бахтин, У. Эко, Р. Барт и др.). Отсюда закономерно следует вопрос: как соотносятся между собой текст и дискурс, поскольку последний также является «совокупностью означений», оформленных в высказываниях и умозаключениях?

Такое соотношение представляется нам следующим. Дискурс – это всегда процесс, он генерируется, воспроизводится и эволюционирует под воздействием разнообразных факторов, прежде всего, политических и языковых. Текст – застывший, «законсервированный» дискурс. Это то, что сказано кем-то до нас, сказано нами и, возможно будет сказано после нас. Текст статичен, дискурс динамичен. Но их связь не столь проста и однозначна: дискурс текстуален в том смысле, что формой его существования является текст, по сути, представляющий собой набор готовых цитат, «нарезанных» из ставших текстов. Сознание человека – это тоже текст и одновременно дискурс, хотя бы потому, что оно непрерывно дискутирует само с собой (этот процесс мы называем мышлением). Вне текста сознания нет.

А если наше сознание – это текст или набор текстов, то насколько оно автономно от дискурса, в который погружено? Вопрос не праздный, от ответа на него зависит понимание степени свободы и автономности личности. Казалось бы, очевидный в своей банальности ответ состоит в том, что только мысль человека и является по-настоящему свободной: мы, что хотим, как хотим, то так и мыслим. Из этого тезиса следует непреложность гуманистической ценности свободной мысли: «Свободные мысли несут свет истины. Несвободные – тьму заблуждений» [6]. Из этого же тезиса следует диктатура самости, возведенная в принцип: «Если Я так думаю, то это МОЯ мысль!»

Но как раз в этом и состоит принуждение дискурсом, который заставляет нас поверить в автономность нашего мышления, во-первых, и в эссенциализм социальной реальности, во-вторых. Последнее означает убежденность в том, что общество, общественные отношения и институты объективно предзаданы человеку, и содержание дискурса отражает содержание социальной реальности: она такова, как мы ее описываем.

Однако дискурсивный подход утверждает обратное. И это касается не только свободы мысли, но, в целом, того видения мира, который складывается в индивидуальном и

коллективном сознании. Вообще-то, идея не новая. Утверждения об иллюзорности бытия, господстве социальных мифов и власти предрассудков высказываются со времен Античности до наших дней. Отличия – лишь в методологических основаниях. Что касается дискурс-анализа, то его изначальный смысл как раз и состоял в том, чтобы выявлять и анализировать социальные мифы, осознаваемые людьми как реальные. М. В. Йоргенсен и М. В. Филлипс высказываются еще более определенно: они говорят о *миссии дискурс-анализа*, которая состоит в «разоблачении и выявлении само-собой разумеющихся “здоровых” взглядов, их преобразовании в потенциальные объекты для обсуждения и критики и, таким образом, их открытии для изменения» [4, 290 - 291].

Базовое утверждение, разделяемое нами, состоит в том, что дискурс не отображает социальный мир (общество) в тех или иных категориях, являясь инструментом его познания, а конструирует когнитивную модель, схему или матрицу, главное назначение которых состоит не столько в прояснении сути вещей, сколько в выстраивании внутренне непротиворечивой и, по возможности, простой конструкции, оправдывающей линии поведения индивида, группы, общества. В современном мире определяющее влияние на этот процесс оказывает политическая власть, как сторона, наиболее заинтересованная в лояльности и когерентности поведения населения. В этом смысле интерес представляет мысль М. Фуко о соотношении истины и власти: «“Истина” включена и производится в системе власти. Поскольку истина недостижима, то бесполезно задаваться вопросом, является ли нечто истинным или ложным. Вместо этого следует сосредоточиться на том, как создаются “эффекты истинности” в дискурсах. Необходимо анализировать дискурсивные процессы, формирующие дискурсы таким образом, что создается впечатление о том, что представленная картина реальности истинна или ложна» ([8], цит. по: [4, 39]).

Подобный взгляд на социальное, вообще, и общественный дискурс, в частности, позволяет, по меньшей мере, усомниться в истинности тех структур/схем и мнений/ценностей, которыми мы описываем социальную реальность. И если бы условности порождали условности, наверное, в этом не было бы ничего страшного, однако, общественные процессы свидетельствуют об обратном. Конфликт ценностей, имеющий дискурсивную природу, сталкивает сегодня страны, народы, этнические и религиозные группы в непримиримой и часто кровопролитной борьбе. Т. н. «идеалы», противоречащие не только здравому смыслу, но и политическим целям большинства населения, толкают людей на преступления против человечности. Поэтому междисциплинарное исследование дискурса как социокультурного феномена и реальных дискурсов, функционирующих на уровне государства, региона, поселения, той или иной социальной группы является сегодня уже не столько академической, сколько практической задачей. В обществе объективно складывается антиномия между дискурсами разных уровней: научным и обыденным, политическим и социальным, общественным и групповым. Актуальной задачей для современного российского общества является достижение диалектического единства (но не единообразия) между истиной власти (идеологией), властью истины (объективной социальной реальностью) и интересами общества, группы, индивида (как продуктами дискурса).

Нашу дальнейшую задачу мы видим в том, чтобы, используя существующие в дискурс-анализе подходы, проанализировать актуальные дискурсы и выявить скрытые в них инструменты влияния на общественное мнение населения страны, региона, поселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дискурс // Википедия // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E8%F1%EA%F3%F0%F1>.
2. Завалишин А. Ю. Социальное меньшинство: объективация через дискурс // DIXI-2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр.: вып. 3 / под науч. ред. д.с.н. А. Ю. Завалишина. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2012. – С. 143 – 159.

Завалишин А. Ю.

ДИСКУРС КАК ПРИНУЖДЕНИЕ

3. Завалишин А. Ю. Этническое меньшинство в про-странстве дискурса (на примере ко-ренных народов Хабаровского края) // Ученые записки КнАГТУ. 2012. Т. 2. № 10. С. 71 – 74.
4. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – 2-е изд. испр. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
5. Костюрина Н. Ю. Комсомольск-на-Амуре: восемьдесят лет между прошлым и будущим (к вопросу о функциях городской мифологии) // Ученые Записки КнАГТУ. 2012. Т. 2. № 10. С. 79 – 82.
6. Мирошниченко Н. П. Свободная мысль или Русские приключения ума // <http://nikpolmir.livejournal.com/1225.html>.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. – М.: Касталь, 1996.
8. Foucault M. Truth and Power // Power / Knowledge. Selected Interviews and other Writings 1972 – 1977 / ed. by C. Gordon. – Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1980.
9. Jørgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. – London: SAGE Publications Ltd, 2002.

Дорохов В. Ж.
V. G. Dorokhov

НАРУШЕНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ 1953-1968 ГОДОВ

MISCONDUCT AND OFFENCE OF LAW AMONG SOVIET MILITIAMEN: 1953-1968

Дорохов Вячеслав Жоржович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск); 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15; 8 (924) 2076438.

E-mail: dorohova_elen@mail.ru.

Mr. Viacheslav G. Dorokhov – PhD in History, Lecturer, Deputy Head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Studies, the Far-Eastern Institute of Law, Interior Ministry of the Russian Federation, 15, Kazarmenny Lane, 680020, Khabarovsk, Russia; phone: +79242076438. E-mail: dorohova_elen@mail.ru

Аннотация. Состояние дел с нарушениями служебной дисциплины и законности в милиции накануне ее преобразования в полицию, громкие скандалы с разоблачением «оборотней в погонах» негативно сказывались на общественном мнении о деятельности российской милиции. В обсуждениях данной проблемы стало нормой проводить сравнения качеств милиционера времен СССР и периода демократической России, в котором советский милиционер оказывался в более выгодном свете. Насколько это отвечает действительности, мы и рассмотрим в данной статье.

Summary. Cases of misconduct and violations of the rule of law in the militia, prior to its conversion into "police", along with scandals exposing the "werewolves in epaulets", have had a negative impact on the public opinion on the work of Russian militia. In discussions of this problem, it has become normal to make comparisons of the qualities of a militiaman of the Soviet times with the ones of law enforcement officers in later post-soviet periods, where soviet militiaman is put in a more favorable light. In this paper we consider to what extent this agrees with the real facts.

Ключевые слова: милиция, кадровое обеспечение, нарушения служебной дисциплины, преступления в органах внутренних дел, СМИ.

Key-words: militia, staffing, misconduct, crime in the law enforcement agencies, the media.

УДК 94(47)351/354

Накануне проведения кардинальных преобразований органов внутренних дел в 2011 – 2012 гг. особую значимость приобрел вопрос об улучшении кадрового обеспечения органов внутренних дел. Это было связано с тем, что из года в год отмечалась печальная тенденция к систематическому росту преступности среди сотрудников МВД. Так, в 2007 и 2008 гг. только сотрудниками милиции было совершено порядка 10 тыс. преступлений (5180 и 4647 соответственно) [1].

Руководство МВД стремилось оперативно реагировать на столь неблагоприятную ситуацию. Так, 15 июля 2009 г. министр внутренних дел Р. Г. Нургалиев в своем интервью отметил, что уже «...внесены существенные изменения в организацию воспитательной работы... Принят Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел, разрабатывается проект ведомственной целевой программы «Реформирование системы работы с кадрами и профессионального образования МВД России на период до 2012 года», возрождается наставничество с опорой на ветеранское движение. Новые ориентиры кадровой политики МВД России – принципиальный поворот на воспитание профессиональных и морально-

этических качеств сотрудника, качественное улучшение всей системы кадрового обеспечения органов внутренних дел» [2].

Однако кардинальных перемен это не принесло: 2009 г. ознаменовался целой серией громких скандалов, связанных с милицией. В частности, случай с начальником ОВД «Царицыно» г. Москва, майором милиции Д. Евсюковым, который утром 27 апреля 2009 г. беспричинно открыл огонь из табельного оружия по посетителям супермаркета «Остров» (см. прим. 1). С этого момента средства массовой информации стали уделять особо пристальное внимание «оборотням в погонах» (см. прим. 2). Телевидение, газеты, интернет, радио взяли за правило практически ежедневно «в красках» описывать слушателям и телезрителям каждый из эпизодов совершаемых сотрудниками милиции преступлений. Новостные передачи стали больше походить на фронтовые сводки: 3 сентября в г. Кострома сотрудник милиции на своем автомобиле сбил двух школьников, мальчика и девочку; в ночь на 12 сентября сотрудник милиции в Тюменской области за рулем автомобиля «Мазда» в состоянии алкогольного опьянения столкнулся с автомобилем «Урал», три пассажира иномарки погибли на месте, сам милиционер был ранен; 20 сентября капитан милиции г. Люблино под угрозой привлечения гражданки КНР к уголовной ответственности вымогал у ее родственников взятку в 5 тыс. долларов за ее освобождение; 23 сентября следственный комитет при прокуратуре РФ по Москве возбудил уголовное дело в отношении двух участковых, подозреваемых в попытке продажи гашиша, а следователи г. Домодедово Московской области предъявили трём милиционерам обвинение в применении пыток к мужчине ради получения признания в краже вещей из гаража.

«Подлил масла в огонь» и майор милиции Дымовский, сообщивший Президенту через интернет о коррумпированности Новороссийской милиции.

Резонанс в обществе достиг такого накала, что 24 декабря 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев был вынужден подписать Указ «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Как отмечалось в указе, он принят в связи с тем, что «в последнее время участились случаи нарушения сотрудниками милиции законности и служебной дисциплины, которые вызывают обоснованную негативную реакцию в обществе и умаляют авторитет власти» [3].

В результате вялотекущее реформирование МВД и милиции таким необычным образом получило новый импульс и особое внимание общества и государства.

Систематическая фиксация в 2009 – 2010 гг. каждого из нарушений, допускаемых сотрудниками милиции, в СМИ создала довольно нелицеприятный образ милиционера. С этого момента при обсуждении проблемы «оборотней в погонах» стало нормой проводить сравнение качеств милиционера времен СССР и периода демократической России, в котором советский милиционер оказывался в более выгодном свете. Насколько это отвечает действительности, мы и рассмотрим в данной статье.

Анализ дисциплинарной практики советского МВД – МООП и органов милиции проведем на примере периода 1953 – 1968 гг. В течение этого сложного пятнадцатилетия система органов внутренних дел, так же как и сегодня, находилась в процессе перманентной реформы, вектор развития которой менялся неоднократно. Основным содержанием реформы на ее начальном этапе (1953 – 1961 гг.) стало проведение мер, направленных на ослабление силового ведомства. В короткие сроки была осуществлена децентрализация МВД СССР, сокращена его штатная численность, предпринята широкомасштабная кадровая «чистка», снижено финансирование, проведена деидеологизация системы, реорганизованы территориальные управления МВД и Управления милиции, введен принцип двойного подчинения. Оказалось утраченным и название ведомства – МВД (см. прим. 3). Одновременно с этим в 1959 г. приступили к созданию параллельных органам внутренних дел правоохранительных структур на негосударственной основе, которые должны были подчиняться только партийным органам и действовать независимо от милиции. Подобное ослабление системы объективно привело к снижению авторитета органов правопорядка, особенно милиции, «текуче-

сти» кадров, снижению дисциплины. Так, в 1956 г. за грубые нарушения дисциплины было уволено более 6 тыс. сотрудников милиции СССР, а 589 – привлечено к уголовной ответственности и осуждено [4, Ф. 39. Д. 310. С. 44]. В 1957 г. за подобные проступки увольнению подверглось уже 6775 сотрудников [5, Ф. Р-9415. Оп 3. Д. 370. С. 256]. Сложная кадровая ситуация усугублялась утратой населением доверия к органам правопорядка, свидетельством чему стала волна антимилицейских выступлений в городах Бийск, Александров, Муром [6]. Все это нашло свое отражение и на общем состоянии преступности в стране. Если в 1955 г. по СССР было зарегистрировано 554 155 преступлений [7], то в 1961 г. – уже 877 549 [8]. Поэтому на следующем этапе реформы в 1962 – 1968 гг. пришлось срочно восстанавливать и укреплять МВД и милицию.

По своим основным показателям предлагаемый к рассмотрению период сравним с современным положением дел в МВД России, реформирование которого с рывками и перерывами протекало с 1993 по 2009 гг. (см. прим. 4).

Накануне начала первого этапа реформы численный состав милиции МВД РСФСР составлял 256 494 чел. на 1 января 1953 г. [5, Ф. Р-9401. Оп 8. Д. 548. С. 1], в органах милиции Хабаровского края – 2280 чел. [4, Ф. 33. Оп. 7. Д. 54. С. 11]. На протяжении последующих 15 лет численность менялась волнообразно. Нижним пиком стал 1960 г. – 155 992 чел. [5, Ф. Р-9415. Оп 3. Д. 638], а верхний был достигнут в 1968 г., когда количество сотрудников милиции выросло до 179 799 чел. [9, Ф. 67. Оп. 1. Д. 21. С. 21]. Соответственно в Хабаровском крае в 1962 г. штатная численность составила – 1771 чел., а к 1968 г. была установлена в размере 2199 чел. [4, 1962 г. – Ф. 33. Оп. 16. Д. 5. С. 64; 1968 г. – Оп. 19. Д. 1. С. 29].

Смерть И. В. Сталина в марте и снятие в июле 1953 г. с поста министра внутренних дел Л. П. Берии открыли очередной этап в истории страны и в истории органов внутренних дел. Во внутренней политике государства стал прослеживаться курс на либерализацию политической и экономической жизни в стране. Новые лидеры партии приступили к масштабному реформированию МВД и смягчению системы наказания (см. прим. 5) [4, Ф. 39. Д. 268]. Реформирование предварялось массивной обработкой общественного мнения. Начало этому процессу положило Постановление ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «Об основных задачах МВД», в котором отмечалось, что милиция плохо борется с преступностью, хищениями, спекуляцией и хулиганством, в результате чего во многих регионах уровень преступности остается высоким [10]. Перечислялись и конкретные недостатки в работе милиции: произвол, нарушение законности, необоснованные аресты и задержания граждан, преступность среди личного состава, слабая связь с общественностью, низкая культура работников милиции, грубость в обращении с гражданами и формальное, бюрократическое отношение к их жалобам и заявлениям.

Сами факты нарушений и преступлений, конечно же, не предавались огласке в СМИ и поэтому стали нам известны благодаря архивам лишь сегодня. Рассмотрим некоторые из них на примере Хабаровского края. Так, протокол заседания бюро хабаровского крайкома КПСС от 24 июля 1953 г. свидетельствует «О фактах грубого нарушения социалистической законности прокурором Бикинского района т. Барматовым и начальником Бикинского РОМ МВД т. Гончаровым» (см. прим. 6) [5, Ф. 35. Оп. 43. Д. 63. С. 10-11], которые без всяких оснований арестовали и содержали свыше двух месяцев в тюрьме гражданина Домород. Во многом нарушениям законности и дисциплины способствовало пьянство сотрудников. В частности, при проверке Камчатского областного управления милиции было выяснено, что «38 фактов проступков... имели место в результате пьянства сотрудников милиции... вследствие пьянства допущено 3 случая утраты оружия и 3 случая неосторожного обращения с ним» [4, Ф. 33. Оп. 7. Д. 83. С. 12]. Порой сотрудники милиции в состоянии опьянения теряли над собой всякий контроль. В одной из итоговых справок приводится следующий случай: «24 августа 1953 г. в рабочее время в опьяненном состоянии в форме сотрудника МВД спал в парке Хабаровского стадиона «Динамо» начальник 1-го ОМ г. Хабаровска майор Руденко, где был опознан гражданами, в результате чего утратил авторитет среди подчиненных и

Дорохов В.Ж.

НАРУШЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ 1953-1968 ГГ

граждан района» [4, Ф 33. Оп. 7. Д. 83. С. 14]. При этом пьянство являло собой лишь малую часть проблемы. На проходившем в 1955 г. в Хабаровском крае совещании работников УВД, прокуратуры и суда особое внимание обратили на то, что ряд руководителей «...не справляясь... с уголовной преступностью,... встали на путь укрытия от регистрации уголовных преступлений, незаконно отказывая в возбуждении уголовных дел...» [5, Ф. 35. Оп. 71. Д. 51. С. 164] (см. прим. 7). Проверка органов милиции, проводившаяся краевым следственным отделом, только по подразделениям милиции г. Комсомольск-на-Амуре выявила 150 материалов за 1954 г., по которым в возбуждении уголовного дела отказали [5, Ф. П 513. Оп. 2. Д. 132. С. 11] (см. прим. 8). Созданная по данным фактам комиссия краевого Управления внутренних дел обнаружила в ряде органов милиции края за 1-е полугодие 1955 г. еще 128 случаев укрытия преступлений от регистрации [5, Ф. П 513. Оп. 2. Д. 132. С. 36]. Несмотря на принимаемые меры это уже приобретало системный характер. В 1957 г. были установлены неоднократные случаи, особенно в крупных городах края, когда по заявлениям граждан отказывали в производстве расследования даже при наличии явных признаков состава преступления. Например, по заявлению гражданина Куклина о краже у него велосипеда в Сталинском (ныне Индустриальный) районном отделе милиции г. Хабаровска в возбуждении дела отказали в связи с тем, что «...велосипед старый и не представляет материальной ценности...». По этой же причине отказали и гражданину Ян Хуа Тан по факту кражи у него из квартиры чемодана с вещами: «...вещи, находившиеся в чемодане, были поношенные...» [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 44. С. 70].

Если в одних случаях преступления укрывали от учета, то в других – наоборот, задерживали граждан без всяких на то оснований. В 1956 г. в результате очередной проверки органов милиции Хабаровского края было выявлено 132 случая необоснованного задержания граждан, по которым 13 чел. находились под стражей и 119 – под подпиской о невыезде [4, Ф. 33. Оп. 10. Д. 21. С. 16]. В следующем, 1957 г., было установлено 173 случая необоснованного составления протоколов на граждан за мелкое хулиганство [5, Ф. 35. Оп. 71. Д. 130. С. 336]. Как указывалось в одном из отчетов, «...отдельные учреждения милиции в погоне за показной активностью в борьбе с преступностью возбуждали уголовные дела, независимо от того, есть к этому основания или нет...», и поэтому, соответственно, имело место «необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности с предъявлением обвинения и избрания меры пресечения...» [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 44. С. 68]. Только за 9 месяцев 1956 г. было необоснованно привлечено к уголовной ответственности 86 чел., за аналогичный период 1957 г. – 44 чел. [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 41. С. 36]. Во многом это объяснялось низкой квалификацией сотрудников, которые иной раз не могли верно оценить ситуацию. Очевидно, что именно вследствие этого в 1958 г. краевые органы милиции вынуждены были освободить без привлечения к какой-либо ответственности 9352 чел. [4, Ф. 35. Оп. 14. Д. 24. С. 80].

В 1957 г. на бюро Хабаровского крайкома КПСС рассматривалось еще более вопиющее нарушение, допущенное сотрудниками милиции. При проведении следствия по факту кражи в отделении милиции Советской Гавани было задержано несколько подозреваемых пятнадцати лет, к которым в целях получения признательных показаний применялись меры физического воздействия: «...избивали ремнями и кулаками...». Самое возмутительное, что помимо проводивших таким способом «расследование» заместителя начальника 2-го отделения милиции А. А. Смиреникова и старшего оперуполномоченного И. А. Лапухина в избивании принимал участие и сам начальник отделения И. Е. Москалев. Не получив признательных показаний, они попытались скрыть следы своих действий, растерев мокрым полотенцем места побоев и продержав задержанных 12 суток в КПЗ [5, Ф. 35. Оп. 71. Д. 89. С. 167-168]. По решению бюро всех троих «следователей» исключили из партии и уволили из органов внутренних дел.

Частота обращений граждан по всем вышеназванным недостаткам работы органов милиции вынудила краевую партийную организацию создать постоянно действующую «комиссию по социалистической законности и охране общественного порядка» [5, Ф. Р-904.

Оп. 10. Д. 338, 406, 507, 636; Ф. 137. Оп. 14. Д. 434, 494, 554, 778, 1220, 1223, 1359, 1771, 1934, 2092]. Тем не менее подобные негативные факты в работе милиции наблюдались и далее. Так в 1961 г. оперуполномоченный отдела уголовного розыска (ОУР) УВД лейтенант Строев уговорил подследственного Серикова взять на себя дополнительно 6 нераскрытых краж, за что обещал ему ускорить расследование дела [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 47. С. 74]. В 1962 г. заместитель начальника городского отдела милиции г. Комсомольск-на-Амуре Паршенко, начальник ОУР Корниенко, оперуполномоченный ОУР Управления охраны общественного порядка (УООП) Еврейского автономного округа (ЕАО) Дубинин, следователь краевого УООП Диденко в целях получения признательных показаний систематически давали арестованным ворами-рецидивистами наркотики, а затем допрашивали, заставляя их взять на себя несколько квартирных краж [5, Ф. 35. Оп. 90. Д. 328. С. 180].

Представленные примеры являли собой лишь вершину айсберга. Одним из косвенных свидетельств значительных масштабов нарушений в органах советской милиции может считаться факт наличия специальных форм отчетности, существовавших в МВД РСФСР. Одно перечисление в отчете возможных нарушений и преступлений говорит само за себя: незаконный арест, незаконное задержание, незаконное применение оружия, фальсификация материалов, применение мер физического воздействия, укрытие преступлений от учета, прочие нарушения социалистической законности, хищение и растрата государственных средств, злоупотребления по службе, халатное отношение к службе, утрата оружия, хулиганство, пьянство и другие аморальные проступки, взяточничество.

Данные табл. 1, составленные на основе таких специализированных форм, позволяют нам реально оценить кадровую ситуацию, складывавшуюся в советской милиции.

За рукоприкладство и нанесение гражданам телесных повреждений в 1962 г. привлечено к уголовной ответственности 58 сотрудников милиции [9, Ф. 35. Оп. 1. Д. 26. С. 210].

Из представленных данных следует, что только за один 1962 г. совершили различные проступки и преступления более 20 тыс. сотрудников милиции (12,5 % от общей численности) из них 3700 (около 2 %) (см. прим. 9) было осуждено в административном и уголовном порядке [9, Ф. 35. Оп. 1. Д. 15. С. 5]. В 1966 г. по органам милиции РСФСР было привлечено к дисциплинарной ответственности по вышеперечисленным позициям уже более 25 тыс. сотрудников [9, Ф. 35. Оп. 1. Д. 192. С. 1].

Сравним эти цифры с современной ситуацией. К сожалению, точных данных о численности милиции накануне реформы 2011 – 2012 гг. в открытом доступе нет, поэтому воспользуемся данными, официально представленными в Указе Президента России Владимира Путина «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» [12]. Согласно Указу «В целях совершенствования деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» с 1 января 2006 г. устанавливалась предельная штатная численность органов внутренних дел Российской Федерации, финансируемая за счет средств федерального бюджета, в количестве 821 268 единиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации – 661 275 единиц, федеральных государственных гражданских служащих и работников – 159 993 единиц». Таким образом, 5180 преступлений, совершенных сотрудниками в 2007 г., в процентном измерении составило лишь 0,7 % от общей численности сотрудников милиции России против 2 % в 1962 г.

Если рассмотреть общее число нарушений, в том числе должностных инструкций, дисциплинарных проступков, преступлений, которое в органах милиции России, по мнению некоторых средств массовой информации, в 2009 г. составило порядка 100 тысяч (15 %), то в процентном отношении оно сравнимо с данными за советское время (12,5 %). При этом в годы советской власти отношение со стороны населения к органам милиции было скорее позитивным, чем негативным.

Отсюда становится очевидным, что общественное мнение о состоянии дел в милиции оказалось связано в большей мере не с количеством нарушений со стороны сотрудников, а скорее с тем, как и в каком виде это представлялось, комментировалось в СМИ.

Дорохов В.Ж.

НАРУШЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ 1953-1968 ГГ

Таблица 1

Сводный статистический отчет о количестве начальствующего и рядового состава, привлеченного к дисциплинарной ответственности за 1962 г. [11]

	УООП Приморского края		УООП Хабаровского края		МООП РСФСР	
	нач. сост.	ряд. сост.	нач. сост.	ряд. сост.	нач. сост.	ряд. сост.
Незаконный арест	3	7	-	-	61	1
Незаконное задержание	-	-	1	-	170/1	33
Незаконное применение оружия	-	-	1	-	11/4	8/4
Фальсификация материалов	4	-	4	1	103/1	9
Применение мер физического воздействия	2	11/2	1	1	117/21	100/35
Укрытие преступления от учета	-	-	-	-	-	-
Прочие нарушение социалистической законности	10	4	4	-	595/1	96/1
Убийства и ранения граждан	0/1	-	-	0/1	13/28	10/30
Хищение и растрата гос.средств	-	1/1	-	0/1	19/7	30/14
Злоупотребление по службе	16	4	4	1	476/6	184/3
Халатное отношение к службе	125	58	27	16	4351/4	1293/2
Утрата оружия	3	-	-	1	42/1	19/1
Хулиганство	-	1	-	-	21/10	39/20
Прочие прест. и проступки	36/2	51/2	16	8	2698/36	2442/49
Пьянство и другие аморальные проступки	36	69	25	35	2447	4592
Самоубийство	-	-	-	-	41	53
Взяточничество	-	0/1	-	-	19/49	19/13
Всего	236	207	283	65	11261	8971
Уволено	32	88	11	13	112	144
Осуждено	3	6	0	2	1275	2425

Примечание - Дробь / - из них привлечено к уголовной ответственности

Тем не менее сегодня, может быть, даже стоит порадоваться за произошедшие с 1991 г. перемены в милиции, МВД и обществе. Те претензии к органам правопорядка, которые ныне предъявляет общественность, свидетельствуют скорее не об ухудшении положения дел (в сравнении с прежними временами), а об улучшении деятельности общественных организаций и росте открытости органов правопорядка, а стало быть, о расширении процесса демократизации нашей страны, когда проступки, нарушения законности, преступления сотрудников органов внутренних дел не скрываются, а предаются огласке и выносятся на всенародное обсуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из выступления министра внутренних дел Р. Г. Нургалиева // Российская газета. – 2009. – 15 июля (№ 4952).
2. Российская газета № 4980 от 21 августа 2009.
3. Российская газета № 5074 от 25 декабря 2009.
4. Архив УМВД России по Хабаровскому краю.
5. Государственный архив Российской Федерации.
6. Козлов, В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953-1985 гг. / В. А. Козлов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 448 с.
7. Ковалева, Е. М. Организационно-правовые основы деятельности Советской милиции по борьбе с преступностью в послевоенный период восстановления народного хозяйства и либерализации поли-

- тического режима, социально-экономических реформ (1945 – 1960 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ковалева Е. М. – М.: Московская академия МВД РФ, 2002. – С. 205.
8. Преступность и правонарушения в СССР. Статистический сборник 1989. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 10.
9. Центральный архив (ЦА) МВД РФ.
10. Министерство внутренних дел 1902-2002: исторический очерк / Е. И. Белов, А. В. Борисов, В. К. Виноградов и др.; под. ред. Р. Г. Нурғалиева. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2004. – С. 420.
11. Таблица составлена автором по данным УООП Приморского края – ЦА МВД РФ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 26, С. 46. УООП Хабаровского края – ЦА МВД РФ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 26. С. 50. МООП РСФСР – ЦА МВД РФ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 26. С. 204.
12. Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 окт. 2005 г. № 1246 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 45. – Ст. 4591.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Девять человек получили ранения, трое из них скончались.
2. Данный термин вошел в повседневный оборот после 2003 г., когда на всю страну прогремело дело так называемых «оборотней в погонах» (со слов действующего тогда министра внутренних дел Бориса Грызлова). Генерала МЧС Владимира Ганеева и шестерых сотрудников МУРа Московский окружной военный суд приговорил к длительным срокам заключения, признав их организаторами или участниками преступного сообщества. По данным Генпрокуратуры, они занимались вымогательством денег у предпринимателей и фальсификациями доказательств по уголовным делам, которые затем успешно раскрывали для продвижения по службе.
3. На смену ему пришли республиканские МООП – министерства охраны общественного порядка.
4. От момента принятия новой Конституции и отказа от советской системы и до принятия Президентом решения в декабре 2009 г. о масштабной реформе.
5. В июле 1954 г. издан приказ МВД СССР «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения».
6. РОМ – районный отдел милиции.
7. По результатам совещания был практически полностью обновлен руководящий состав в краевом Управлении милиции, Управлении милиции ЕАО, Комсомольском горотделе, Бикинском, Лазовском РОМ.
8. То есть не зафиксировали совершенные преступления.
9. Численность сотрудников милиции в 1963 г. составляла 159 589 чел.

Тощева А.В.
КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕСУРС В ПОЛИТИКЕ

Тощева А. В.
A. V. Toshcheva

КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕСУРС В ПОЛИТИКЕ

COMMUNICATION RESOURCE IN POLITICS

Тощева Анна Витальевна – аспирант факультета Прикладной политологии ГУ НИУ ВШЭ (Россия, Санкт-Петербург); 193124, Санкт-Петербург, ул. Новгородская, д. 27/7, кв. 99; 8 (953) 1453220. E-mail: fest06@bk.ru.

Ms. Anna V. Toshcheva – PhD Candidate, the Faculty of Applied Politics, the Higher School of Economics, Russia, Saint-Petersburg. Postal address: 27/7 Novgorodskaya Str., apt. 99, 193124, Saint-Petersburg, Russia; phone: +7953145 32 20. Email: fest06@bk.ru

Аннотация. В политике коммуникационный ресурс представляет собой возможность формулирования и демонстрации политических взглядов, организации площадок вербального и невербального взаимодействия с электоратом и спонсорами. В статье исследуется спектр каналов коммуникации, доступных российским политическим акторам, будь то официальным или оппозиционным. Подробно описывается эволюция российской политики от односторонней к двусторонней коммуникации (веб 2.0), которая вооружила субъектов политики различными способами привлечения внимания к деятельности государственных институтов, политических партий и движений, рекрутирования сторонников своих идей и участников акций.

Summary. In politics, the communication resource offers opportunities for formulating and demonstrating political views, organizing sites for verbal and nonverbal interaction with voters and sponsors. There is a variety of communication channels available to Russian political actors – both official and oppositional. The paper presents a detailed description of Russian politics' evolution from one-way to two-way communication (Web 2.0), which has provided the subjects of politics with different methods of drawing attention to the work of state institutions, political parties, movements, of recruiting their ideological followers and participants in their actions.

Ключевые слова: коммуникационный ресурс, каналы коммуникации, политическая коммуникация, веб 2.0.

Key-words: communication resource, communication channels, political communication, Web 2.0.

УДК 32.019.51

Коллектив авторов монографии «Власть и бизнес: коммуникационные ресурсы» считает, что в состав коммуникационного ресурса любого актора – личности, группы, организации, общества – необходимо включить несколько обязательных элементов. Во-первых, это имеющийся в его распоряжении контент. Во-вторых, это каналы доставки информации (СМИ; средства публичной коммуникации, к которым авторы относят различные общественные институты: библиотеки, музеи, театры, информационные центры; средства межличностного общения). В-третьих, это стратегии и технологии коммуникации [1, 6].

Для структурирования каналов, посредством которых реализуются цели коммуникации в политической сфере, целесообразно обратиться к классификации, предложенной французским социологом Роже-Жераром Шварценбергом. Ученый выделяет три основных способа политической коммуникации, основанные на использовании различных средств [5, 121]:

1. коммуникация через печатные (пресса, книги, плакаты и т.д.) и электронные средства (радио, телевидение и т.д.) массовой информации;

2. коммуникация через организации, когда передаточным звеном служат политические партии, группы интересов;

3. коммуникация через неформальные каналы с использованием личных связей.

В первом блоке каналов коммуникация с аудиториями и эффективное воздействие на электорат осуществляется в следующем виде:

1. Телевидение в следующих форматах (помимо новостей):

а) документальный фильм о кандидате;

б) теледебаты – публичный обмен мнениями о способах государственного развития, позволяющий кандидатам обратиться непосредственно к гражданам. О. Артамонова и Л. Андросова причисляют этот способ к форме политической рекламы и отмечают, что в России теледебаты демонстрируют не столько достоинства кандидата, сколько дискриминацию соперников [1, 90].

Политику теледебатов необходимы для того, чтобы в ходе полемики показать своему электорату, чем его программа отличается в лучшую сторону от программы оппонента. В этот момент зритель определяет свои симпатии: слушая обоих кандидатов, он анализирует, чья позиция ему ближе, и начинает ассоциировать свой выбор с определенным лицом – это особенно характерно для российской персонифицированной электоральной традиции. В США теледебаты представляют собой состязание. В зависимости от того, кто победит на дебатах, делаются прогнозы относительно того, кто победит на выборах, а голосование становится оценкой того, как кандидат выступил на дебатах.

в) политическая телереклама (в период электоральных кампаний) как вид не прямой политической коммуникации посредством рекламных носителей формирует знания о кандидате.

2. Радио – в виде выступлений, участия в эфирах, комментариев экспертов.

3. Печатные издания, в том числе собственные СМИ партий, основная функция которых не воздействие на избирателя, а донесение позиции руководства партии до своих сторонников.

Если раньше среднестатистическая фракция имела лишь одну газету, так называемый боевой листок, то с середины 2000-х гг. помимо основного печатного «рупора» политики начали издавать еще и региональные приложения, зачастую даже тематические издания (см. прим. 1). Несмотря на проявление внимания политиков к вопросам развития СМИ, журналисты портала «Sostav.ru» высказывают мнение о том, что эффективность таких изданий очень низкая – только для членов партии, которые получают возможность узнать генеральную линию напрямую из уст своих «вождей». Партийное ТВ, транслируемое на сайте политической организации, напротив, может прорвать «информационную блокаду», с которой борются оппозиционеры. С помощью этого медиаресурса можно транслировать кадры с митингов, выступления оппозиционеров, показывать комментаторов, которым закрыт доступ на федеральные каналы.

4. Интернет в разрезе концепции веб 1.0 (односторонней коммуникации, направленной от политика к электорату: корпоративные сайты партий и страницы публичных политиков, кандидатов) и переход к двусторонней коммуникации – веб 2.0 – диалогу и полилогу.

В середине 2000-х гг. российские власть и оппозиция, как и большинство акторов политического процесса, начали осознавать неполноценность коммуникации, если их оффлайновую деятельность не сопровождает активность в сети, и поспешили переориентироваться с технологии 1.0 (корпоративные сайты) на 2.0 (корпоративные блоги, участие в обсуждении политики партии и состояния дел в различных отраслях государственного управления в LiveJournal, привлечение ботов). Вступление в веб 2.0 облегчает управление репутационными рисками, помогает следовать в русле тенденции смешения официальных форматов с более демократичными: сопровождение очередного заявления на съезде, выступления на митинге, комментария к принятому закону видео-файлом или ссылкой на YouTube, возможность подписаться на новости политической организации в социальных сетях через SMS и отписаться.

Воплощение веб 2.0 – Википедия, иллюстрирующая главную особенность концепции: усиление вебтехнологии за счет так называемого «коллективного разума»: возможности получателя информации быть одновременно её производителем и потенции политического заказчика – хотя бы на время, предшествующее модерации статьи опытными редакторами – стать проводником идей от выдвигаемого лидера к избирателям. Определяющее отличие между веб 2.0 и веб 1.0 заключается в следующем: пришедшая на смену эпохе официального Интернета эпоха веб 2.0 интенсивно привлекает пользователей к созданию контента.

Из вышесказанного можно привести перечень доступных в Интернете каналов и средств коммуникации:

а) Традиционный веб-сайт (1.0) не гарантирует наличие обратной связи с электоратом, тем не менее пользователь получает возможность самостоятельно выбирать интересную ему информацию вне зависимости, например, от сетки вещания. Кроме того, два очевидных плюса наличия веб-ресурса для политических субъектов заключаются в способности более точно, чем у других медиканалов, оценить его качественные и количественные характеристики с помощью средств аналитики и относительно низкой (по сравнению с другими СМИ) стоимости публикации материалов. Интернет позволяет представлять аудитории информацию в разных форматах: текстовый, аудио-, видеоконтент.

На сайтах политиков предусмотрена регулярно обновляемая лента новостей, повышающая информированность общественности о реализуемых проектах и проводимых мероприятиях, митингах, переговорах, программных выступлениях.

Правозащитница Марина Литвинович считает, что сайт политика – в первую очередь инструмент коммуникации с разными категориями людей: принимающими решения, готовящими решения, транслирующими мнения, меняющими собственное мнение в процессе получения информации (или дезинформации). На каждую из этих категорий должна быть разработана отдельная коммуникативная стратегия, позволяющая политику реализовывать свои задачи (см. прим. 2).

б) Блоги – персональные дневники, к записям в которых сторонние пользователи могут оставлять комментарии, организовывая при этом дискуссию. Контент корпоративных блогов (ведущихся от имени партии или иной политической организации) и персональных дневников лидеров правительства, представителей политической элиты и других лиц генерируется PR-специалистами или самими персонами, которым принадлежит аккаунт. Формат этого коммуникационного средства предоставляет возможности неформального подхода к взаимодействию с электоратом и получения обратной связи, а также отличается высоким уровнем доверия читателя к публикуемой информации: постами в блогах приписывают эффект истинности слова – люди склонны верить человеку, ставшему жертвой определенных обстоятельств и описывающему происшедшее из личного опыта, нежели тому, кто явился лишь очевидцем события.

В условиях веб 2.0, спровоцировавшего рост субъективности (каждый гражданин может высказать мнение по любому вопросу в своем профиле в социальных сетях, блогах, микроблогах, может опубликовать текст, фото и видео, выражающие его политические взгляды и отношение к проблеме), стало как никогда просто бороться со скептицизмом окружающих, с их негативными высказываниями о вашей программе, лозунгах, идеях, курсе, методике принятия решений и действий. Блоггер Алексей Навальный превратил Интернет в инструмент контроля – механизм, ранее приписываемый средствам массовой информации. Блоги рунета представляют собой экспозицию политических вкусов российского общества 2000-х гг., инструмент создания имиджа и управления репутацией личности политика, а также бюджетную версию корпоративного сайта. По мнению Юрия Сапрыкина, «если в 70-ые и 80-ые было важно читать толстые журналы, сейчас важно иметь свой блог» [3, 6].

в) Микроблоги (по аналогии с блогами) – это личные дневники, ограничивающие литературную фантазию пользователя 140 печатными символами.

Наиболее популярным в мире сервисом микроблогов является американский Twitter. В функционал сервиса заложено одновременно две задачи: общение и распространение информации. Он объединяет в себе площадки для знакомства с актуальными событиями, коммуникации и продвижения идей среди единомышленников, позволяет делиться впечатлениями о происходящем онлайн, потому не удивительно, что более трети пользователей заходит в сервис через мобильный телефон.

Ключевое понятие в раскрытии темы микроблогов – хештег. Это пометка, относящая твит (сообщение) к определенной теме, аналоги обычных тегов или ключевых слов в ЖЖ, Wordpress, Flickr и других сервисах. По хештегу производится поиск всех твитов других пользователей по определенной тематике. Свежая история о том, как после сфабрикованного телеканалом НТВ документального фильма «Анатомия протеста» об акциях российской оппозиции «За честные выборы» и «Большой белый круг» после выборов 2011 – 2012 гг. с помощью протестного импульса пользователи российского Твиттера стремительно вывели в топ хештег #НТВлжет, тем самым познакомив с проблемой фальсификаций смыслов аполитичных пользователей сервиса и ответив сопернику в информационной войне с помощью новой эффективной технологии [4, 34].

г) Социальные сети – способ создания официального представительства политической организации в комфортном для пользователя коммуникационном пространстве: среднестатистический россиянин имеет профиль в соцсети, куда он выкладывает контент (фото, видео, записи) и где общается с друзьями, комментарии которых пользователь периодически просматривает – значит, у него есть история взаимоотношений с этим сообществом, и ему закономерно не хочется оттуда уходить.

На корпоративных сайтах политических фракций обновляется информация: появляются новости, закачиваются видео, публикуются отзывы или комментарии. Тем не менее многие официальные сайты можно посетить единожды – быстро изучить их структуру и найти всю нужную для себя информацию: предвыборную программу, биографию лидеров, анонсы акций. Вполне разумно, что партия не желает терять контакт с теми, кто зашел на сайт и за один раз выяснил все ответы на актуальные вопросы. Как можно продолжить общение? Один из законных способов – показать, что она существует в других местах: например, в социальных сетях. Если на сайте партии расположена ссылка на Facebook и у человека есть профиль на Facebook, то в случае заинтересованности он присоединится к сообществу партии на этом ресурсе и будет продолжать общение с ней в удобном ему месте, не заходя на сайт. Сайт партии от этого, разумеется, проиграет, но контакт с электоратом не будет потерян.

Сегодня российские SMM-менеджеры (специалисты в сфере маркетинга в социальных медиа) организуют присутствие политических заказчиков на следующих площадках: Facebook, VKontakte, LinkedIn, Одноклассники, Мой мир, Google+, Мой Круг, Instagram; также к этой группе относят видеохостинг YouTube. Они создают новые и ведут действующие аккаунты, привлекают массовую аудиторию соцсетей в сообщества, приложения, на страницы политических организаций и гражданских движений. Для реализации этой задачи следует руководствоваться правилами подачи контента в социальных сетях: он должен быть оригинальным, регулярно обновляться, служить «поводом для беседы, а не энциклопедическим знанием». Тогда можно смело рассчитывать, что такой контент пользователь возьмется распространять по законам вируса и подключит друзей к совместным действиям по продвижению партийных лозунгов и идей.

д) Реклама в Интернете: контекстная и медийная.

Контекстной рекламой называется способ генерации трафика к корпоративному сайту, когда пользователю показываются рекламные объявления, соотносящиеся с его ключевыми запросами (у поисковых систем есть свои сервисы контекстной рекламы: Google Adwords, Яндекс Директ, на российском рынке контекстной рекламы присутствует также независимый игрок – система Бегун, приобретенная Rambler). Рекламодатель платит за количе-

ство переходов по этой рекламе на его веб-ресурс – клики уникальных пользователей («уников»). Важно, что контекстная реклама призвана привлекать на сайт строго целевую аудиторию, ведь показ объявления привязан к запросу пользователя.

В соответствии с пунктом 6 статьи 23 Федерального закона о политических партиях, с 1 января 2012 г. более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее четырехсот членов. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее ста пятидесяти членов. Вопрос: как малоизвестным партиям рекрутировать сторонников в региональные отделения? Ответ один – контекстная реклама, ведущая на официальный сайт партии и сайты региональных отделений, по примеру ЛДПР, КПРФ и Справедливой России.

Медийная реклама, в отличие от контекстной, не нацелена на конверсию – увеличение количества целевых действий пользователя (подписок на рассылку новостей партии, заполнения регистрационных форм для вступления в члены фракции, участия в сборе подписей, благодаря которым кандидат может баллотироваться и т.д.), её назначение имиджевое – для информирования о каком-либо лице или организации, если они не пользуются популярностью и никто не догадывается запрашивать их в поисковике. В основе медийной рекламы лежит демонстрация баннеров – графических элементов страницы, содержащих гиперссылку на сайт рекламодателя или страницу с дополнительной информацией.

е) Каналы на видеохостингах (YouTube, RuTube) – создание именного аккаунта, куда «заливаются» ролики, раскрывающие деятельность политического объединения.

Наличие видеоканала влияет на эффективность продвижения кандидата или партии. Рейтинг видеоразмещения измеряется количеством просмотров ролика. Здесь, как и в остальных социальных сетях, срабатывает «эффект очереди» – если какое-либо видео набрало много «лайков» и имеет хорошую статистику просмотров, то на него кликнут раньше остальных и, возможно, досмотрят до конца. Потому нередко для увеличения посещаемости канала используются боты – IT-программы и виртуальные пользователи.

Видеохостинги ориентированы на особый формат общения с клиентом – вирусный. Информацию тиражируют сами пользователи, отправляя ссылку на материал по своим контактам. Явление вирусного видео существует только в пределах Интернета и носит такое название потому, что распространяется молниеносно, как вирус, благодаря возможности Интернета сообщать информацию от одного пользователя другому через ссылки в социальных сетях, блогах, электронной почте. Для того чтобы онлайн-публика сделала ссылку на запомнившийся ей ролик по социальным контактам, он должен обладать яркой идеей. Бюджет вирусного видео существенно ниже, чем рекламного ролика для ТВ. Это достигается за счет наиболее популярного жанра – любительской съёмки. К нему прибегают в первую очередь потому, что в вирусе важен эффект достоверности – ощущение того, что показанное событие имело место в реальности. В действительности далеко не каждое видео является таковым.

Один из удачных примеров российского вирусного видео последних лет – предвыборные ролики петербургского отделения КПРФ. В кампании 2011 г. коммунисты наряду с другими оппозиционными силами внесли свой вклад в создание вирусного контента, агитирующего избирателей прийти на выборы и отдать голос против партии, олицетворяющей существующий государственный строй. Остроумный ролик, смешавший телевизионные хроники соревнования в популярности двух российских лидеров с кадрами мирового блокбастера «2012», набрал миллионы просмотров на YouTube. Видео посеяли в сети до сентября 2011 г., когда еще было не до конца ясно, кто из тандема будет принимать решения в стране в ближайшее время. А под слоганом «Выбери Аврору, а не Титаник» кадры из голливудской картины «Титаник» смонтировали вперемешку с видеосъемкой съезда «Единой России» и обращением тогдашнего премьера Путина к правительству, где оба государственных лица объявили о «рокировке». Крушение лайнера, аллегорически изображавшего Россию, красноречиво говорило о том, что ждет избирателя в случае неправильного выбора – выбора партии «Единая Россия». С ключевой задачей обращения к технике вирусного видео – вовлечение

аудитории до той степени, чтобы пользователи сами принялись распространять ролики по списку своих контактов в социальных сетях – КПРФ справилась блестяще.

5. Распространение агитационных материалов – листовок, буклетов, брошюр.

Политические акторы активно используют различную полиграфическую продукцию, среди которой одним из наиболее распространенных носителей политических рекламных сообщений является плакат. Эмоциональные методы воздействия плаката преобладают над рациональными. Несмотря на то что плакат является стационарным продуктом, число контактов аудитории с ним существенно выше, нежели у листовки, более мобильной и дешевой в изготовлении.

Листовка в качестве основного выразительного средства использует текст. Согласно приведенной Л. Андросовой и О. Артамоновой классификации они могут быть трех видов:

а) листовки проблемного характера – отражают какую-либо политическую или социально-экономическую проблему, волнующую избирателей, и строятся так, чтобы при обсуждении проблемы формировался и образ кандидата или партии;

б) листовка экспрессивного характера – с помощью фактов, компрометирующих соперника, воздействует на избирателя;

в) листовка агитационного характера – содержит призыв поддержать кандидата или партию на выборах [1, 94].

б. Директ-мейл – адресная рассылка агитационных писем, отправляемых от имени президента, главы правительства, мэров и губернаторов, глав регионов и районов, а также их оппонентов избирателям в электронные и обычные почтовые ящики, открыток-поздравлений с общегосударственными праздниками.

Директ-мейл преследует целью создать иллюзию личного общения кандидата с избирателем, ощущение заботы и уважения, потому сообщение должно содержать обращение к адресату по имени и отчеству и факсимильную подпись лица, баллотирующегося на политический пост.

Второй блок Шварценберговской классификации – коммуникация через организации – также представляет собой опосредованное взаимодействие с аудиториями, осуществляющееся при посредничестве общественных организаций или институтов. Например, в прессе встречается мнение о том, что организация «Русская Православная Церковь» используется «Единой Россией» для обслуживания интересов властной вертикали.

Третий блок классификации – коммуникация через неформальные каналы с использованием личных связей – подводит исследователя к мнению о том, что политическая коммуникация подразумевает взаимодействие с социальными общностями людей. Л. Андросова и О. Артамонова формулируют проще: любая кампания в СМИ должна быть дополнена и подкреплена работой с избирателями на уровне личных контактов: митинги, встречи с избирателями, «хождение в народ» – посещение публичных мест [1, 100]. Это разновидность горизонтальной коммуникации, когда общение осуществляется между относительно рядоположенными акторами (например, взаимодействующими в массовых мероприятиях гражданами); к ней можно отнести уличные акции: митинги, марши, демонстрации, шествия, пикеты.

В электоральных кампаниях 2011 – 2012 гг. митинги и марши превратились, с одной стороны, в соревнование по аккумуляции сил – у кого больше поддержка (потому МВД в сообщениях о правительственных митингах завышает количество участников или, наоборот, занижает в случае с оппозиционными акциями), с другой стороны, в форум – у митинга есть идея, которую обсуждают, которую со всеми проговаривают. Потому марш обычно заканчивается митингом.

Назначение доверенных лиц – авторитетных представителей какой-либо профессии, транслирующих программу кандидата избирателям, также причисляется к техникам эффективного коммуникативного воздействия с использованием личных связей. У индивида, на которого воздействуют, возникают прямые ассоциации с профессиональной деятельностью доверенного лица: если это актер – все его киноработы. Доверенное лицо – это лицо бренда.

Тощева А.В.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕСУРС В ПОЛИТИКЕ

Представим, что создается бренд «Владимир Путин», который, по статистике социологов, не привлекателен для молодежной аудитории: за него не голосуют люди моложе 20 лет. В этом случае его доверенным лицом делают Тимати с тем, чтобы певец ассоциировался у молодежи с Путиным и мотивировал их электоральный выбор. Одному человеку сложно заинтересовать сразу все группы общества, потому что в рамках одной политической кампании назначаются несколько доверенных лиц, которые представляют интересы кандидата перед определенной аудиторией на понятном ей языке.

Следует понимать, что политика осуществляется прежде всего в коммуникативном пространстве. Возрастающий коммуникационный ресурс придает субъекту больший потенциал политической состязательности, убывающий – меньший. Важно понять, с помощью каких средств и техник политические акторы могут коммуницировать со своими аудиториями. С этой целью в статье был рассмотрен весь спектр каналов коммуникации, доступных российским политическим акторам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросова, Л. Политические коммуникации: моногр. / Л. Андросова, О. Артамонова. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2011. – С. 90.
2. Дзялошинский, И. М. Российский бизнес: особенности офисной коммуникации / И. М. Дзялошинский // Власть и бизнес: коммуникационные ресурсы: сб. научных статей. Серия «Коммуникативные исследования». Выпуск 5. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – С. 6.
3. Новикова, И. Ренессанс интеллигенции происходит / И. Новикова // Московские новости. – 2012. – 29 февраля (№ 227). – С. 6.
4. Тощева, А. В. Реклама и связи с общественностью в Интернете: учеб. пособие / А. В. Тощева. – М.: НИУ-ВШЭ, 2013. – С. 34.
5. Шварценберг, Р.-Ж. Политическая социология. В 3 ч. Ч. 1 / Р.-Ж. Шварценберг; пер. с фр. – М., 1992. – С. 121.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зубченко Е., Микулина Я. Российские политики активно развивают собственный медиабизнес. – Режим доступа: <http://www.sostav.ru/news/2008/08/29/24/> (дата обращения 29.08.2009).
2. Литвинович М. Политики будут бороться за аудиторию Рунета. Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=43086&PHPSESSID=90a5ebe8536fe1b18e2ef187e7df923a>.

Бондаренко О. В.
O. V. Bondarenko

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР СОКРАЩЕНИЯ
СТРУКТУРНОГО ДИСБАЛАНСА НА РЫНКЕ ТРУДА**

**THE EFFECTIVENESS OF MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN VOCATION-
AL TRAINING INSTITUTIONS AND EMPLOYERS AS A FACTOR REDUCING THE
LABOR MARKET'S STRUCTURAL IMBALANCE**

Бондаренко Оксана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ok.bondarenko2012@yandex.ru

Ms. Oksana V. Bondarenko – PhD in Education, Associate Professor, Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: ok.bondarenko2012@yandex.ru.

Аннотация. Проанализирована ситуация на рынке труда Хабаровского края и выявлен структурный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы; представлены критерии и показатели эффективности механизма взаимодействия работодателей и учреждений профессионального образования; приведены формы их сотрудничества.

Summary. Labor market situation in the Khabarovsk Regions is analyzed and the structural imbalance between demand for and supply of labor is revealed. Criteria and indicators pertaining to the effectiveness of the mechanism of interaction between employers and vocational education are reviewed; forms of cooperation between these two actors are presented.

Ключевые слова: рынок труда, механизм взаимодействия работодателей и учреждений профессионального образования, структура потребностей в специалистах, структура предложения рабочей силы.

Key-words: labor market, mechanism of interaction between employers and vocational training institutions, structure of demand for qualified personnel, structure of the labor force.

УДК 331.5

Состояние любого рынка труда определяется соотношением спроса на рабочую силу и её предложением (численность и состав экономически активного населения, его структура, мобильность, территориальное размещение и пр.). Многочисленные миграционные, демографические, социально-экономические и прочие процессы неоднозначно и порой разнонаправленно влияют на ситуацию, складывающуюся на рынке труда. Проблема согласования и регулирования спроса и предложения рабочей силы является актуальной как на уровне национальной экономики в целом, так и для любого региона страны. Неэффективное распределение трудовых ресурсов снижает результаты экономической деятельности, не позволяя в полной мере реализовать с максимальной отдачей потенциал экономического развития страны.

Постоянно растущие требования к качеству рабочей силы, отсутствие точных прогнозов относительно кадровых потребностей предприятий, недостаточная готовность системы профессионального образования гибко реагировать на быстроизменяющиеся требования к уровню и качеству подготовки молодых специалистов порождают определённый дисбаланс на рынке труда, обусловленный несоответствием структуры спроса на труд структуре предложения рабочей силы. Таким образом, необходимость координации деятельности профессиональных учебных заведений и работодателей обусловлена потребностью снижения уровня напряжённости на рынке труда, связанной с нарастающей диспропорцией между спросом и предложением рабочей силы.

Бондаренко О.В.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР СОКРАЩЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ДИСБАЛАНСА НА РЫНКЕ ТРУДА

Рынок труда Хабаровского края характеризуется несоответствием профессионально-квалификационной структуры рабочей силы потребностям экономики региона. Данное несоответствие наблюдается как по уровням образования, так и в разрезе специальностей. Согласно статистическим данным, в 2011 г. из общего числа безработных граждан в Хабаровском крае 18,5 % имели начальное профессиональное образование [3]. На данный период в структуре вакансий, заявленных работодателями края, 67,7 % составляли вакансии для рабочих профессий [2]. На начало 2012 г. наибольшая потребность в кадрах на постоянные рабочие места по краю была выявлена в таких отраслях, как строительство (32,7 %), обрабатывающие производства (15,2 %), оптовая и розничная торговля (13,7 %), здравоохранение (8,3 %). При этом на 4518 единиц вакансий по такому виду экономической деятельности, как «строительство», насчитывалось лишь 1145 безработных (по последнему месту работы); на 2107 единиц вакансий в сфере обрабатывающих производств имелось 1612 безработных [3].

Для достижения наиболее полной сбалансированности спроса и предложения рабочей силы необходимо эффективное взаимодействие всех заинтересованных в этом субъектов: работодателей, учреждений профессионального образования, органов государственной власти. Если удовлетворению текущих потребностей в работниках в определённой степени могут способствовать центры занятости населения с помощью содействия безработным гражданам в трудоустройстве, то работать на удовлетворение потребностей экономики региона в кадрах на перспективу должны профессиональные учебные заведения.

Актуальность проблемы неэффективного решения указанной задачи учреждениями профессионального образования подтверждается следующим. Тенденция к росту потребностей в работниках, имеющих рабочие профессии, сохраняется до настоящего времени. На начало 2012 г. такая потребность составляла 76,5 % от всех вакансий, заявленных работодателями Хабаровского края. Тем не менее в структуре выпуска всех профессиональных учебных заведений края удельный вес выпускников высших учебных заведений в 2011 г. составил 74,4 % [3]. Исследование динамики числа поступивших в профессиональные учебные заведения разного уровня в 2012 г. позволяет констатировать рост количества поступивших в высшие учебные заведения и снижение данного показателя по средним и начальным профессиональным учебным заведениям края.

Анализ структуры вакансий, заявленных работодателями в 2012 г., позволяет сделать вывод о значительном росте потребностей в специалистах по таким видам экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых (рост потребности в кадрах на 38,5 % по сравнению с 2011 г.), обрабатывающие производства (на 20,9 %), транспорт и связь (на 24,1 %). На протяжении нескольких лет в крае имеет место дефицит высококвалифицированных технических специалистов. Вместе с тем в составе выпуска специалистов с высшим образованием лидируют такие специальности и направления подготовки, как «Гуманитарные науки» и «Экономика и управление». Такая же тенденция характерна и для средних профессиональных учебных заведений.

Таким образом, структура предложения рабочей силы, в формировании которой существенную роль играет система профессионального образования, не соответствует реальным потребностям экономики края.

В условиях жёсткого государственного планирования и регулирования структуры подготовки и количества выпускников профессиональных учебных заведений, когда подавляющая часть молодых специалистов гарантированно трудоустроивается, диспропорция между количеством и структурой выпускников, с одной стороны, и вакансий для работников, с другой стороны, не возникает в больших масштабах. Рыночный механизм хозяйствования обуславливает наличие стихийного компонента (неопределённости) в трудоустройстве выпускников, что усиливает имеющийся структурный дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда. Спрос на специалистов определяется потребностями производства, в то время как предложение рабочей силы обусловлено зачастую запросами тех, кто получает услуги профессионального образования. Рынок труда не является прямым заказчиком про-

фессиональных образовательных услуг. В связи с этим особое значение приобретает эффективность взаимодействия профессиональных учебных заведений с работодателями с целью подготовки тех специалистов, которые будут соответствовать кадровым потребностям предприятий.

Механизм взаимодействия работодателей и учреждений профессионального образования можно определить как взаимовыгодное долгосрочное и равноправное сотрудничество указанных субъектов на основе согласования и координации деятельности, а также консолидации ресурсов с целью формирования высококвалифицированной рабочей силы, обеспечивающей социально-экономическое развитие страны (региона). Данный механизм включает в себя не только разнообразные формы взаимодействия предприятий и образовательных учреждений, но и способы согласования спроса на работников определённого уровня квалификации и предложения молодых специалистов со стороны профессиональных учебных заведений. Система образования должна учитывать интересы работодателей, ориентироваться на изменяющиеся требования к качеству профессиональной подготовки выпускников, равно как и работодатели, заинтересованные в получении грамотных специалистов, должны привлекаться к участию в процессе профессиональной подготовки этих специалистов.

Исходя из целей сотрудничества учреждений профессионального образования и работодателей, эффективность механизма их взаимодействия может быть определена с помощью определённых критериев и соответствующих показателей (см. табл. 1).

Таблица 1

Критерии и показатели эффективности механизма взаимодействия работодателей и учреждений профессионального образования

Критерий	Показатели
Удовлетворение потребности предприятия в сфере качественного обеспечения кадрами	Сокращение числа вакансий, открытых длительное время на предприятии
	Повышение спроса со стороны работодателей на выпускников профессионального учебного заведения
	Снижение затрат предприятия на профессиональную переподготовку кадров
Уменьшение дисбаланса между спросом и предложением квалифицированных кадров на рынке труда	Сокращение разницы между спросом работодателей на специалистов определённого уровня и направления подготовки и предложением трудовых услуг со стороны соответствующей группы специалистов на рынке труда
Повышение степени соответствия качества подготовки выпускников профессиональных учебных заведений требованиям работодателей	Востребованность выпускников на рынке труда
	Востребованность реализуемых образовательных программ на рынке образовательных услуг
	Соответствие фактических результатов обучения выпускников реальным требованиям, предъявляемым на производстве (в профессиональной деятельности)
	Увеличение количества заключаемых целевых договоров на подготовку кадров

Бондаренко О.В.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР СОКРАЩЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ДИСБАЛАНСА НА РЫНКЕ ТРУДА

Продолжение табл. 1

Критерий	Показатели
Рост конкурентоспособности профессионального учебного заведения	Внедрение эффективных образовательных технологий в учебный процесс
	Качество основных образовательных программ по востребованным специальностям и направлениям подготовки
	Рост квалификации преподавательского состава учебного заведения
	Обновление материальной базы профессионального учебного заведения
	Динамика количества проводимых прикладных исследований и опытно-конструкторских работ в учебном заведении
Повышение привлекательности профессионального учебного заведения, обусловленное успешным трудоустройством и развитием карьеры выпускников	Успешность профессиональной адаптации выпускников
	Удельный вес молодых специалистов – выпускников учебного заведения – уволенных в течение года после трудоустройства
	Динамика зарплаты и продвижение по «карьерной лестнице» молодых специалистов

Эффективность механизма взаимодействия предприятий и учреждений профессионального образования в определённой степени зависит от форм данного сотрудничества. В теории и практике совместной деятельности учебных заведений и работодателей существует достаточно большое разнообразие упомянутых форм, среди которых можно указать следующие:

- подготовка кадров учебным заведением по целевому заказу предприятия;
- заключение контрактов на повышение квалификации сотрудников предприятия и преподавателей (на взаимовыгодной основе);
- организация практики студентов и проведение стажировки молодых специалистов на производстве;
- руководство производственной практикой, курсовым и дипломным проектированием специалистами предприятия;
- участие высококвалифицированных и опытных специалистов предприятия в итоговой аттестации выпускников;
- дополнительная стипендиальная поддержка учащихся и студентов со стороны будущих работодателей;
- проведение совместных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов и пр.;
- привлечение работодателей к обновлению и развитию образовательных ресурсов;
- участие работодателей в профессиональной аккредитации программ, в разработке образовательных стандартов;
- создание совместных инновационных центров и базовых кафедр;
- совместное проведение профессиональных конкурсов;
- привлечение работодателей к проведению лекционных и семинарских занятий в учебном заведении.

Помимо этого существуют разнообразные модели взаимодействия образовательных учреждений с работодателями соответствующей отрасли [1]. К таковым можно отнести образовательные центры, объединяющие образовательные учреждения разного уровня, работо-

дателей и их объединения, а также другие учреждения и некоммерческие организации. Данная академическая интеграция позволяет обеспечивать преемственность между разными уровнями профессиональной подготовки и сотрудничество с работодателями. Другой моделью взаимодействия указанных субъектов рынка труда является учебно-производственный инновационный комплекс непрерывного образования, характерной чертой деятельности которого можно назвать нацеленность на согласованное развитие непрерывного образования и науки в соответствии с инновационными потребностями региональной экономики и предпринимательства. Заслуживает внимания и такая инновационная структура в контексте рассматриваемого вопроса, как ресурсный центр. Данная общественно-государственная форма взаимодействия учреждений профессионального образования и субъектов внешней среды (в том числе работодателей) создаёт благоприятные условия для установления соответствия между структурой и качеством профессиональной подготовки и требованиями рынка труда и общества. Ресурсные центры предполагают не только концентрацию современных высокотехнологичных материальных ресурсов, но и системное взаимодействие научно-методических, информационных, кадровых и других ресурсов с целью максимально эффективного их использования.

Таким образом, в настоящее время накоплен определённый опыт взаимодействия учреждений профессионального образования и работодателей, который успешно может быть использован для повышения эффективности координации и регулирования процесса согласования спроса и предложения рабочей силы. Вместе с тем мы сталкиваемся с низкой эффективностью данного механизма, о чём свидетельствует существенный дисбаланс на рынке труда. Сегодня взаимодействие работодателей и профессиональных учебных заведений осуществляется без целенаправленной поддержки со стороны государства. В связи с чем представляется целесообразным создание и функционирование определённых институциональных структур (на федеральном, региональном уровнях), которые выполняли бы функции согласования программ подготовки кадров в профессиональных образовательных учреждениях, разработки точных прогнозных потребностей в кадрах, согласования программ профессиональной ориентации молодёжи. Институционализация взаимодействия работодателей и образовательных учреждений позволит, по нашему мнению, приблизиться к достижению динамического баланса между кадровым спросом и предложением на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ и оценка существующих механизмов взаимодействия сети образовательных учреждений профобразования с ключевыми работодателями отрасли и их корректировка. – Режим доступа: <http://lib.convdocs.org/docs/index-77016.html>
2. Исполнение полномочий Российской Федерации в области содействия занятости населения, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации / Краевая целевая программа содействия занятости населения Хабаровского края на 2009 – 2011 годы. – Режим доступа: http://www.uprzan.khv.ru/App_Shared/WebParts/DataViewers/PopUpDocument
3. Состояние социальной сферы и уровень жизни населения Хабаровского края: стат. сб. / Хабаровскстат. – Хабаровск, 2012. – 153 с.

Усанов И.Г.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ИНТЕНСИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БИЗНЕСА

Усанов И. Г.

I. G. Usanov

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ИНТЕНСИФИКАЦИИ
УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ИННОВАЦИОННОГО
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БИЗНЕСА**

**BUILDING A CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR INTENSIFICATION OF THE
METHODS FOR INNOVATIVE TRANSFORMATION OF BUSINESS**

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент и организация промышленного производства» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-914-177-4127. E-mail: Ilya_usanov1@mail.ru.

Mr. Ilya G. Usanov — PhD in Economics, Assistant Professor, Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27 Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, Russia; phone: +79141774127. E-mail: Ilya_usanov1@mail.ru

Аннотация. В статье изложены авторская концепция интенсификации управления инновационным преобразованием бизнеса, инструмент визуализации деформаций внешней и внутренней среды бизнеса, блок-схема, отражающая содержание и последовательность шагов по разработке стратегического планирования и управления инновационными преобразованиями бизнеса.

Summary. The paper presents the author's concept of intensified innovative business transformation, a tool for visualizing deformations of external and internal business environment, and a block diagram showing the content and sequence of steps for the development of strategic planning and management of innovative business transformation.

Ключевые слова: трансформации, инновации, стратегия.

Key-word: transformation, innovation, strategy.

УДК 338.22

В условиях усиливающейся национальной и глобальной конкуренции успешно работать на рынке сможет только эффективно хозяйствующий субъект, преобразованный посредством инноваций и нововведений. К сожалению, официальная статистика свидетельствует об отсутствии системного подхода к интенсификации инновационных процессов. В результате этого, большое количество организаций различных сфер бизнеса, а особенно машиностроительная отрасль ДВР так и не смогли добиться ощутимых результатов.

Несмотря на актуальность, содержание большинства публикаций, на тему интенсификации инновационных процессов в промышленности, представляет собой лишь обоснование необходимости радикальных изменений. В опубликованных работах в основном содержатся общие и разрозненные аспекты исследуемой проблемы, что предопределяет необходимость рассмотрения её с позиций системного подхода.

Концепция интенсификации инновационных процессов предприятий промышленности, модель которой отражена на рис. 1, структурно состоит из четырех подсистем: целевой, обеспечивающей, функциональной и управляющей. В свою очередь, каждая из подсистем состоит из отдельных компонент, связанных между собой.

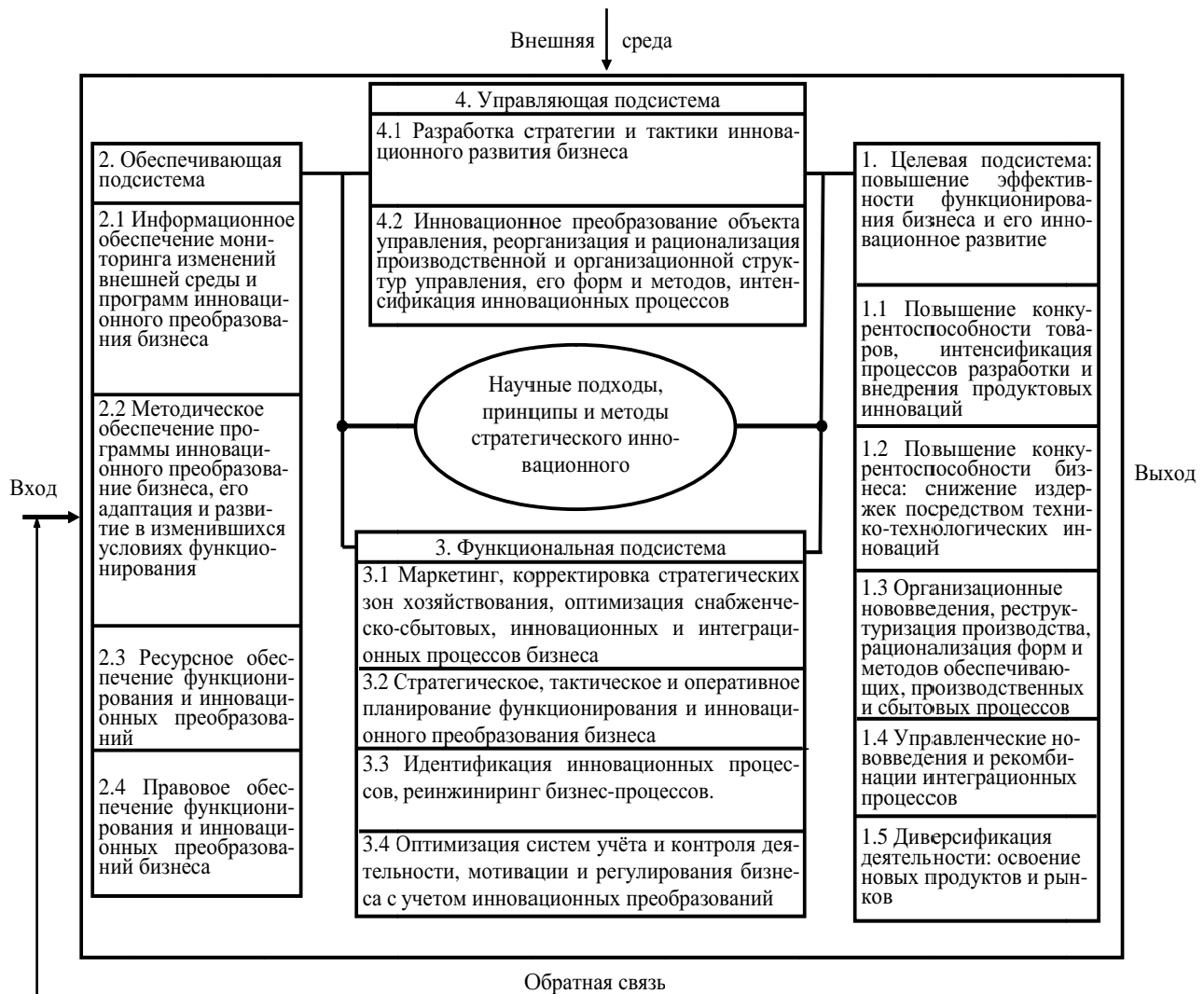

Рис. 1. Концептуальная модель инновационного преобразования бизнеса

К внешней среде традиционно относятся макросреда и микросреда бизнеса. Именно внешняя среда оказывает существенное влияние на устойчивость и эффективность функционирования организации, определяет необходимость и направления инновационных изменений. На «входе» в систему находятся методические, нормативные, проектно-конструкторские и другие документы, информация об альтернативных источниках сырья, материалов, комплектующих изделий и энергии, мониторинга внешней и внутренней сред. Результаты такого комплексного и системного исследования целесообразно визуализировать, используя эниограмму рис. 2. Более подробно содержание данной методики изложено в работе [1].

На «выходе» системы инновационного преобразования бизнеса – обновлённая номенклатура и ассортимент продукции и выполняемых услуг.

«Обратная связь», как и в любой системе, предназначена для движения отчетной информации. В системе инновационных преобразований это могут быть требования клиентов или их рекламации, новая информация об изменении потребительских предпочтений, новых достижений научно-технического прогресса и т.п.

Целевая подсистема задаёт определенную ориентацию процессов трансформации бизнеса в направлении повышения эффективности его функционирования и уровня конкурентоспособности в долгосрочной перспективе посредством интенсификации процессов разработки и внедрения продуктовых и технико-технологических инноваций, организационных и управленческих нововведений, направленных на совершенствование организационных

структур, форм и методов реализации различных бизнес-процессов, в том числе обеспечивающих, производственных и реализующих.

Рис. 2. Эниограмма конфигураций макро-, микро- и внутренней среды бизнеса:
 А – устойчивая (гармоничная) конфигурация сред бизнеса в базовом периоде; Б – неустойчивая (разбалансированная) конфигурация сред бизнеса в момент оценки

Верхний уровень целевой подсистемы представляет собой продуктовую стратегию и тактику, направленную как на повышение уровня конкурентоспособности продукции, так и самой организации, посредством оптимизации номенклатуры и основных видов деятельности, повышения качества и снижения затрат. При этом изменения в продуктах и совершенствование процессов их производства (компоненты 1.1 – 1.2) определяют необходимость решения задач нижнего уровня (компоненты 1.3 – 1.4), к числу которых относятся: реструктуризация производства, рационализация снабженческих, производственных, сбытовых и управленческих процессов посредством организационно-управленческих нововведений и инноваций. Масштабы и радикальность подобных преобразований (компонента 1.5) существенно возрастают в условиях конверсии и диверсификации деятельности предприятий промышленности ДВР, традиционно специализировавшихся на выпуске продукции военного назначения.

Перечисленные компоненты (подцели) напрямую и сразу оказывают влияние на прирост массы прибыли фирмы, величина которой зависит от качества продукции, объемов её выпуска, величины издержек на содержание фондов, оборотных средств и персонала, обеспечивающих реализацию бизнес-процессов.

Повышение эффективности функционирования бизнеса и достижение более высокого уровня его конкурентоспособности не только в текущей, но и в долгосрочной перспективе требует реализации всех пяти компонент целевой подсистемы инновационного преобразования бизнеса.

Немаловажную роль в концепции инновационного преобразования бизнеса играет обеспечивающая подсистема. Она включает такие компоненты, как: информационное обеспеч-

печение мониторинга изменений внешней среды и прогрессивных методов реализации; методическое обеспечение проектирования процессов инновационного преобразования; ресурсное и правовое обеспечение текущего функционирования и процессов трансформации хозяйствующего субъекта.

Функциональная подсистема инновационного преобразования обеспечивает планирование, организацию, учёт, контроль и т.д. по таким сложным функциям, как коммерческая функция (исследование рынка, закупки и продажи), техническая функция (производство и его техническая подготовка, исследования и разработки), административная функция (управление финансами, инновациями, инвестициями и персоналом, организационные структуры управления).

В свою очередь, управляющая подсистема инновационного преобразования бизнеса состоит из двух многоэлементных компонент разработки и реализации управленческих решений по выработке стратегии и тактики трансформации бизнеса. К основным элементам этих компонент относятся: стратегический анализа, диагностика состояния бизнеса; структуризация проблем его функционирования; выбор базовой и трансформационной стратегий преобразования, в том числе продуктовой, операционной и ресурсной, а также проектирование и преобразование основных составляющих менеджмента. Последнее требует изменений организационных структур управления, состава функций и их распределения по исполнительным звеньям, идентификацию и рационализацию основных, обеспечивающих и управленческих процессов.

Инновационное преобразование бизнеса может осуществляться в двух различных формах: эволюционной и революционной. Последняя форма – метод «чистого листа», получил наименьшее распространение на практике в силу высокой степени риска и потребности в финансовых ресурсах, что обуславливается его существенной радикальностью. Большинство исследователей и практиков инновационных преобразований склоняются к использованию метода последовательных улучшений. Следует заметить, что выбор формы проведения преобразований является одним из главных вопросов подготовительного этапа. Ошибка на этом этапе становится фатальной, сводя на ноль все будущие усилия.

Остановимся подробнее на эволюционной форме планирования инновационного преобразования хозяйствующего субъекта. По нашему мнению, процесс преобразования должен состоять из пяти основных этапов, содержание и взаимосвязь которых отражены на рис. 3 и подробно изложена в работе [2].

На первом этапе изучается фактическое состояние бизнеса, его внешняя и внутренняя среда по наиболее главным параметрам (см. блок 1). Результатами этого этапа являются выявленные проблемы и деформации, обуславливающие низкую конкурентоспособность организации. Далее следует стратегический SWOT-анализ (см. блок 2), позволяющий выявить сильные и слабые стороны организации, а также ее возможности и угрозы. Последнее создает предпосылки для критического переосмысления миссии и целей организации, ее ценностей и ожиданий и формирует так называемую философию развития.

Философия развития определяет модель будущего бизнеса по основным ее компонентам (см. блок 3) и служит целевыми ориентирами процесса трансформации (перехода). Наличие такой модели позволяет разработать программу инновационного развития, содержащую основной перечень подлежащих к внедрению инноваций, сроков их внедрения и исполнителей, ответственных за внедрение.

Последним этапом является реализация разработанной программы на практике, доработка отдельных параметров и принятие оперативных решений.

В конечном итоге, разработанная программа инновационного развития должна обеспечивать интенсификацию процесса преобразования бизнеса для достижения коренных улучшений в основных актуальных показателях его деятельности.

Рис. 3. Обобщенная схема стратегического планирования и управления инновационными преобразованиями бизнеса

ЛИТЕРАТУРА

1. Усанов, И. Г. Интенсификация инновационных процессов преобразования бизнеса: моногр. / И. Г. Усанов, С. В. Харченко, Г. И. Усанов. – Владивосток: Дальнаука, 2012. – 156 с.
2. Харченко, С. В. Интерактивное управление процессами трансформации бизнеса: моногр. / С. В. Харченко, Г. И. Усанов, И. Г. Усанов. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2012. – 218 с.

Ли Лиминь, Третьяков М. М.

Li Limin, M. M. Tretyakov

**СОЗДАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
КАК СТРАТЕГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УСЛУГ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КНР)**

**ESTABLISHMENT OF ENTREPRENEURIAL UNIVERSITIES AS A COMPETITIVE-
NESS STRATEGY FOR HIGHER EDUCATION (CASE STUDY: CHINA)**

Ли Лиминь – старший преподаватель Хэбэйского объединённого университета КНР, аспирант кафедры маркетинга и коммерции Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; 8(914)203-33-01. E-mail: wuxt22@mail.ru

Mr. Li Limin - Senior Lecturer of the Hebei United University; PhD Candidate, Department of Marketing and Commerce, the Pacific National University, 140 Tikhookeanskaya Str., city of Khabarovsk, Russia; phone: +79142033301. E-mail: wuxt22@mail.ru

Третьяков Михаил Михайлович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и коммерции Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; 8(4212)37-52-29. E-mail: mk-tmm@mail.ru

Mr. M. M. Tretyakov - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Marketing and Commerce, the Pacific National University, 140 Tikhookeanskaya Str., city of Khabarovsk, Russia; phone: +74212375229. E-mail: mk-tmm@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу необходимости создания предпринимательских университетов как стратегии повышения конкурентоспособности услуг высшего образования, а также способам реализации этой стратегии. Рассмотрены особенности и формы предпринимательской деятельности в вузе. Адаптация вузов к рыночной среде в большой степени проявляется в предпринимательском сотрудничестве как на международном, так и на отечественном рынке.

Summary. This paper considers a need for establishing entrepreneurial universities as a strategy to improve the competitiveness of higher education services; the paper also explores some methods for implementation of this strategy. Features and forms of business activity at such universities are considered. Adapting such educational institutions to the market environment is more pronounced in business collaboration in both international and domestic markets.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательский университет, компетенция, рынок, образовательные услуги, сотрудничество.

Key-words: entrepreneurship, entrepreneurial university, competence, market, educational services, cooperation.

УДК 378:338(510)

Развитие рыночных отношений в Китае коренным образом изменило экономические условия функционирования вузов. Эти условия характеризуются повышенной нестабильностью и нарастанием неопределенности внешней среды, усилением конкуренции на рынке образовательных услуг и существенным сокращением бюджетного финансирования высшей школы. Перед китайскими вузами, вне зависимости от организационно-правовой формы, все острее стоит проблема реализации предпринимательских способностей.

Термин «предпринимательство» был введен в научный оборот английским экономистом Р. Кантильоном в XVIII в., хотя он использовался экономистами и раньше. Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю, до сих пор отсутствует единство взглядов на понятия «предпринимательство» и «предприниматель» [1]. Среди множества существующих сейчас подходов можно выделить два основных. Первый, традиционный, связывает предпринимательство с бизнесом и означает «предпринимать», «предпринять», «взять на себя», «пытаться». Поэтому под предпринимательством понимается создание нового бизнеса, чаще всего малого. Предпринимателем называют человека, который создает и управляет собственным бизнесом на первых этапах существования организации либо на этапах ее преобразования и развития. Второй, нетрадиционный, подход, который начал формироваться в 1980-е гг., состоит в более широком понимании предпринимательства. По утверждению П. Друкера «Предприимчивость – скорее тип поведения, чем личностная характеристика». Предпринимательство стало рассматриваться как способ мышления, стиль поведения, образ жизни. В этом случае предпринимателем называют человека, который обладает способностями изыскивать возможности для реализации новых идей, новых проектов, программ, используя нетрадиционные пути и методы. Предпринимательство распространяется не только на бизнес, но и на другие сферы деятельности, такие, как образование, наука, культура, здравоохранение.

В вузе предпринимательство является процессом использования образовательных ресурсов, оказания образовательных и сопутствующих им услуг в целях удовлетворения требований, предъявляемых различными группами потребителей к результатам образовательного процесса вуза, а также для получения дохода, необходимого для его дальнейшего развития. В Китае традиционно считают предпринимательской деятельностью вуза следующие сферы: 1) хозяйственную деятельность структурных подразделений и предприятий при университете, оказывающих студентам сопутствующие услуги (например, поликлиника, типография, столовая, общежитие, гостиница и др.); 2) торговлю покупными товарами и оборудованием; 3) сдачу в аренду помещений, фондов, имущества учебного учреждения; 4) строительство и ремонт учебных корпусов.

В новых условиях быстроизменяющегося мира, вызванных глобализацией и информационной революцией, университетское предпринимательство уже не ограничено вышеуказанными хозяйственными действиями. В настоящее время в вузе так называемая предпринимательская деятельность направлена не только на процесс получения финансового результата. Она еще и несет трансформацию научных знаний в инновационные действия. Инновация – это нововведения, основанные на использовании достижений науки и передового опыта, а также использование этих новшеств в самых разных областях и сферах деятельности. Применительно к образованию, инновации включают в себя интеллектуальную собственность работников и коллективов образовательных учреждений: учебно-методические комплексы по дисциплинам, изобретения, патенты, программы исследований, другие инновационные разработки, а также товарную символику подобных услуг: наименования, логотипы, товарные знаки [2, 281]. Необходимость перехода к инновационному пути вузов требует нового уровня адаптации к рыночной среде и взаимодействия между обществом, бизнесом и системой образования.

Главными отличительными признаками предпринимательской организации являются: гибкость, адаптивность, динамизм, способность к непрерывным изменениям и обновлению. Эффективная деятельность предпринимательского университета в условиях рыночной экономики предполагает наличие адекватного ответа на запросы потребителей в виде образовательных программ, соответствующих целям и интересам заинтересованных сторон [3, 197]. В условиях быстроизменяющихся факторов внешней среды происходят активные изменения в должностных функциях и оргструктурах организаций – появляется необходимость в выполнении работ, которые не были востребованы раньше. Появляются новые названия должностей, новые функции в должностных инструкциях. Рынок труда стал требовать от вузов переходить к «гибким» специальностям и выпускать больше «гибких», «многофункциональ-

ных» специалистов [4].

В целях расширения и углубления научных и прикладных знаний, развития способностей и удовлетворения личных интересов во многих вузах устанавливаются факультативные учебные курсы, семинары, предметы, лабораторные занятия, производственные практики, изучаемые студентами по желанию. Эти мероприятия посвящены новейшим проблемам науки, техники и культуры, а также темам, заинтересовавшим студентов (учащихся) в процессе изучения той или иной учебной дисциплины. К проведению факультативных занятий в вузах привлекаются работники предприятий и фирм, имеющие богатый практический опыт.

Кроме того, адаптация вузов к рыночной среде проявляется в поддержании студенческого предпринимательства. Вовлечение студентов в предпринимательскую деятельность формирует определенный образ мышления, ценности, нормы, стиль и тип хозяйственного поведения. В последние годы развитие предпринимательских качеств у студентов стало приоритетной задачей, однако отсутствие механизма ее реализации не позволяет широко и масштабно ее решать. Реальную конкурентоспособность на рынке труда студенты связывают с наличием опыта работы в какой-либо сфере. Перед вузами стоит противоречивый вопрос: с одной стороны, нужно стимулировать студентов к поиску работы с целью приобретения практического опыта, с другой стороны, необходимо повышать качество образования за счет усиления теоретической подготовки студентов, что предполагает ежедневное посещение ими лекций и семинаров, развитие их профессиональных навыков. Основным препятствием на пути решения этого противоречия является проблема дефицита высококвалифицированных кадров, имеющих не только хорошую теоретическую подготовку, достаточный опыт практической деятельности, но и предпринимательские способности. В развитых странах Западной Европы для привлечения специалистов-практиков к работе вузы стимулируют высокую мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава, как правило, нанимая преподавателей из числа магистрантов и аспирантов других вузов либо из бизнес-среды.

В китайских вузах можно найти следующие пути решения этого противоречия.

1) Совмещение студентами учебы и трудовой деятельности, связанной с их будущей специальностью с предоставлением им гибкого графика работы. Например, студенты, изучающие английский язык, трудоустраиваются в сферу языкового репетиторства. Центр правовой помощи, созданный юридическим факультетом, оказывает обществу услуги и консультации с участием студентов. Это означает, что вузовские организации, такие, как библиотека, информационный центр, столовая, типография и другие отделы, могут предоставлять студентам реальные вакансии, чтобы студенты получили практический опыт работы и небольшую сумму зарплаты.

2) Много университетов регулярно организуют так называемые «блошинные рынки» для студентов. Учащиеся могут продавать и покупать старые и подержанные вещи (книги, диски, словари, учебные пособия и другие личные вещи) на «блошином рынке». Надо отметить, что значение «блошиного рынка» заключается не только в том, что студенты получают доход и осуществляют распродажу ненужных вещей, но и в том, что у студентов формируются творческое отношение к делу и предпринимательское мышление.

3) Государство предоставляет выпускникам университетов льготные условия по налогам и кредитам в процессе открытия своего бизнеса. А университет погружает студентов в среду развития практической предпринимательской деятельности. К такой деятельности относится, например, создание бизнес-инкубаторов, технопарков, дочерних фирм и т.п. Университеты вовлекают своих выпускников бакалавриата, магистратуры и аспирантуры (часть студентов на этапе обучения) в предпринимательство, оказывая им не только информационно-консультационную, но и ресурсную помощь. Об этом свидетельствует опыт Научного парка университета Цинхуа. В последние годы университет Цинхуа начал строить научный технопарк в юго-восточной части университета, опираясь на преимущества и достоинства специалистов, информацию и приоритетные технические достижения университета. До конца 2005 г. «генеральный район» с площадью 690 тыс. кв. м научного технопарка был

введен в эксплуатацию. Многие инженерно-исследовательские центры и высокотехнологичные предприятия имеют здесь офисы и лаборатории. Благоприятные геологические условия и эффективное административное управление позволят научному технопарку Цинхуа открыть широкое пространство для предприятий и стать центральным местом для инновационных исследований, стать центром высоких технологий и инкубатором для высокотехнологичных достижений.

Кроме установления гибкой системы обучения и формирования предпринимательских навыков у студентов, эффективным путем повышения конкурентоспособности вуза является также осуществление сотрудничества высшей школы с бизнес-средой. Общество рассматривает высшую школу как важнейший инструмент реализации региональных экономических стратегий и поставщика новых идей и знаний для развития экономики [3, 163]. Улучшение взаимодействия вузов с предприятиями приведет к росту человеческого потенциала.

Обращаясь к зарубежному опыту развития партнерства вузов и бизнеса, можно отметить ориентацию на технологии обмена знаниями между вузами и бизнес-средой. Для обозначения новой формы взаимодействия между образованием, исследованиями и инновациями в Европе введен в употребление термин «треугольник знания» [6]. Помимо традиционных функций высшей школы (создание новых знаний и подготовка высококвалифицированных кадров) «треугольник» включает инновации и предпринимательство. Вузы должны играть ведущую роль в реализации данной концепции, создавая и распространяя ценные для общества и предприятий знания, а также реализуя связь «образование – исследования – инновации» через сотрудничество и партнерство с широкими слоями общества. В таких условиях многие из классических университетов представляют собой одновременно исследовательские и предпринимательские университеты, главными задачами которых являются: фундаментальное многоуровневое образование, фундаментальные и прикладные исследования, трансфер знаний и технологий на внутренний и мировой рынок, а также активное участие в программах и проектах экономического, социокультурного и инновационно-технологического развития регионов и государства.

В Китае существуют следующие формы сотрудничества вузов с внешней средой: 1) сотрудничество вузов с предприятиями; 2) международное академическое сотрудничество; 3) предпринимательское партнерство государственных вузов с частными.

Как уже было сказано выше, традиционная возможность взаимодействия вуза и предприятий – создание центров трудоустройства выпускников на базе самих институтов. Такие биржи труда оказывают молодым людям информационную и методическую помощь в поиске работы. Ещё один путь сотрудничества ради общей пользы – целевое направление предприятием или компанией заказа на выполнение научного исследования или разработку проекта. При этом в выигрыше оказываются все: профессорско-преподавательский состав получает возможность заниматься научной работой и развиваться; предприятие получает соответствующие пути решения научных проблем. Теоретических знаний, которые дают студентам вузы, зачастую бывает недостаточно, в результате чего дальнейшее трудоустройство молодых специалистов представляется весьма проблематичным. Совместное сотрудничество учебных заведений и предприятий позволит отрегулировать рынок труда, и молодые специалисты, что весьма важно, будут уверены в трудоустройстве после окончания вуза. Совместная работа студентов и специалистов предприятий, выполнение курсовых и дипломных работ по реальным тематикам, которые изложены в долевыми программами развития предприятия, позволит готовить качественных специалистов, которые в будущем будут продвигать свои разработки на мировой рынок. Таким образом, сотрудничество вузов с предприятиями, которое осуществляется в рамках совместных проектов, дает возможность не только приблизить вузовскую науку к практике, но и поможет молодым специалистам трудоустроиться после выпуска.

Международное академическое сотрудничество представляет собой равноправное и взаимовыгодное академическое партнерство на основе заключенных двумя сторонами согла-

шений, которые касаются различных аспектов преподавания и научного исследования. Основными формами реализации международного сотрудничества являются: совместные научные исследования, научно-практические семинары и конференции, студенческие обмены и обмен профессорско-преподавательским составом и др. В последние десятилетия в условиях интернационализации высшего образования появились новые формы сотрудничества: помимо студенческой и преподавательской мобильности, появились также методы реформирования программ и учебных планов, сотрудничество в научно-исследовательской сфере через различные сообщества и ассоциации, открытое и дистанционное обучение, региональное и зарубежное сотрудничество институтов, международное разделение труда и другие виды деятельности. Международное академическое сотрудничество способствует перемещению образовательных ресурсов между вузами из разных стран, углубляет базу знаний институтов участников, раздвигает рамки научного поиска, обогащает учебные программы. Присутствие в вузе студентов и ученых из разных стран расширяет культурные горизонты, как студентов, так и преподавательского состава своей страны.

Поддержание взаимопартнерских отношений с зарубежными вузами имеет большое значение для стратегического развития негосударственных вузов. В Китае многие из негосударственных вузов стремятся занять выгодное место на рынке образовательных услуг с использованием бренда услуг зарубежного престижного университета. В Китае, относительно высшего образования, в общественном сознании укоренился стереотип «частный вуз – некачественный». Поэтому сотрудничество негосударственных вузов с государственными придает большое значение развивающему негосударственному университету. Об этом свидетельствует «Положение КНР о совместных китайско-зарубежных школах» (указ Госсовета № 372), которое вышло в 2003 г. и регламентирует, что «КНР поощряет СУУЗ (совместно управляемые учебные заведения), использующие прогрессивные методы зарубежного образования. КНР поощряет СУУЗ в области высшего образования и профессионального образования, особенно те СУУЗ, одной стороной, в которых является высшее учебное заведение Китая, а другой, – известный в мире зарубежный ВУЗ». Например, только в Пекине функционируют более 60 негосударственных вузов, которые реализуют предпринимательское сотрудничество с зарубежными вузами.

На китайском рынке образовательных услуг осуществляется предпринимательское сотрудничество между государственными и негосударственными вузами. Под формированием отношений «предпринимательского партнерства» понимается объединение (интеграция) всех видов доступных ресурсов (финансовых, материально-технических, кадровых, корпоративных, интеллектуальных и др.) для взаимовыгодного и ускоренного развития человеческого и интеллектуального капитала сторон. По сравнению с государственными вузами, в негосударственных вузах существует относительный дефицит образовательных ресурсов, особенно интеллектуальных. Государственные и негосударственные вузы имеют как сходства, так и различия в аспектах ведения образовательной и учебной деятельности. Сходства состоят в том, что государственные и негосударственные вузы предоставляют обществу образовательные услуги и занимаются научно-исследовательской деятельностью. Они применяют сходные методики обучения и управления. Различия заключаются в том, что:

1) Государственные вузы, как правило, имеют длинную историю, в ходе которой сложились определенные традиции, научно-исследовательская база и профессорско-преподавательский состав. Негосударственным же вузам часто приходится начинать с нуля. При этом традиции ассоциируются с высоким уровнем и качеством образования, а «нуль» – с отсутствием опыта, надлежащей базы и, как следствие, низким образовательным уровнем выпускников. Поэтому государственный вуз может обладать стабильным брендом услуг в общественном сознании, и негосударственные вузы часто пользуются их статусом.

2) Государственные вузы дают во многом «классическое» образование, ориентированное на традиции. К примеру, в библиотеке Пекинского университета легче найти книгу, изданную в середине XX в., чем выпуска 2000 г. в библиотеке Пекинского университета Цзи

Ли Лиминь, Третьяков М.М.

СОЗДАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК СТРАТЕГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КНР) v

Ли (негосударственный университет). Негосударственные вузы обращают внимание на потребность рынка и оказываемые ими услуги. Во многих современных негосударственных вузах есть различные службы (например, социологическая и психологическая), призванные совершенствовать образовательный процесс. Индивидуализация учебного процесса, его приближенность к запросам студентов является одним из преимуществ негосударственных вузов и имеет большие потенциальные возможности для дальнейшего развития благодаря динамичности и ориентированности на новшества последних [5].

3) Образовательные программы негосударственных вузов спланированы так, чтобы дать студентам основательную подготовку по таким востребованным временем универсальным дисциплинам, как иностранный язык, компьютерная грамотность. Это является существенным «плюсом» негосударственных вузов, который признается общественностью. Гуманитарии же государственных вузов часто вынуждены самостоятельно, основываясь на собственном опыте, познавать «глубины» компьютерной науки.

4) Негосударственные вузы обращают большое внимание на качество оказываемых ими услуг и психологический комфорт для студентов. Университеты обычно предоставляют студентам хорошие материально-технические условия учебы и проживания. Негосударственные вузы подходят к образовательной деятельности как к управлению предприятием, всегда применяют предпринимательские методы и маркетинговые стратегии. В этом смысле большинство государственных вузов не обладают предпринимательской концепцией.

5) По сравнению с традиционными государственными вузами, в аспекте управления знаниями негосударственные вузы обращают внимание на рыночную ориентацию предоставляемых услуг, а не на глубокие научные исследования. Иначе говоря, негосударственные коммерческие вузы заботятся о потребительской стоимости знания, но не о его научном потенциале и научно-исследовательской ценности.

Предпринимательское сотрудничество между государственными и негосударственными вузами направлено на процесс формирования единого бренда услуг с использованием преимуществ каждого из них. Например, в 2011 г. Пекинский университет иностранных языков (один из самых лучших университетов иностранных языков в Китае) и Чаншуский политехнический университет (провинция Цзянсу) совместно создали «Институт переводчиков» (негосударственный институт). Институт переводчиков пользуется брендом Пекинского университета иностранных языков для набора студентов по всей стране и занимается образовательной деятельностью. Пекинский университет иностранных языков направляет своих преподавателей участвовать в образовательном процессе.

В Китае на рынке образовательных услуг государственные вузы предоставляют студентам услуги основного высшего образования и выдают диплом единого государственного образца. Большинство негосударственных вузов оказывают услуги дополнительного высшего профессионального образования, которое соответствует потребностям рынка труда, и выдают собственный диплом. В Китае в определенной степени уже начали пробовать такой подход партнерства между государственными и негосударственными вузами. По своему правовому статусу, регламентированному в «законе КНР о стимулировании негосударственного образования», независимые институты относятся к категории негосударственных вузов. До 2010 г. в Китае функционировало 323 независимых института, которые находились в компетенции государственных вузов. Хотя партнерство между государственными и частными вузами в большой степени зависит от идеи правительства, такой тип партнерства предоставляет нам возможность осуществлять рыночную стратегию соединения государственного и частного секторов в сфере высшего образования. В условиях рыночного механизма, как государственные вузы, так и негосударственные могут повышать свою конкурентоспособность на основе взаимного предпринимательского партнерства.

Таким образом, создание предпринимательских университетов требует от вузов введения гибкой системы обучения с целью формирования предпринимательской компетенции у студентов. Вуз должен поощрять студентов в деле накопления практического опыта в сфере

предпринимательства и предоставлять им реальные рабочие вакансии. На самом деле предпринимательский университет не может оторваться от своей научно-исследовательской деятельности. Сотрудничество вузов с бизнес-средой в форме создания научно-технических парков и наукоемких предприятий при университете может способствовать реализации научно-исследовательских проектов вузов и формированию профессиональной компетенции студентов. На международном рынке образовательных услуг межвузовское академическое сотрудничество ориентирует на студенческую и преподавательскую мобильность, осуществляя обмен знаниями и услугами. На отечественном рынке высшего образования государственно-частное партнерство рассматривается в качестве предпринимательской стратегии высших учебных заведений, которая привлекает инвестиции в учебную и научную деятельность, способствует оптимальному использованию материальных, технических, кадровых и финансовых ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кантильон, Р. Большая советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978.
2. Менеджмент, маркетинг и экономика образования: учеб. пособие / под ред. А. П. Егоршина. – Н. Новгород: НИМБ, 2001. – 624 с.
3. Университет в современном обществе: стратегия инновационного развития [текст]: колл. моногр. / под общ. ред. проф. Г. И. Лазарева. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. – 308 с.
4. Резник, Г. А. Студенческое предпринимательство как важный фактор формирования инновационной экономики / Г. А. Резник, Ю. С. Пономаренко // Университетское управление. – 2010. – № 2. – С. 64.
5. Захаров, Н. Н. Негосударственные вузы в российской системе образования: проблемы статусной идентификации / Н. Н. Захаров, Н. С. Захарова // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 2. – С. 106-110.
6. Треугольник знания. Формируем будущее Европы // Alma Mater. Вестник высшей школы. – 2009. – № 9. – С. 55-57.

Акулов А.О.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Акулов А. О.

A. O. Akulov

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

TRANSFORMATION OF HUMAN RECOURCES MANAGEMENT METHODS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF TECHNOLOGICALLY HETEROGENEOUS ECONOMY

Акулов Анатолий Олегович – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово); 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(903)046-72-40. E-mail: akuanatolij@yandex.ru

Mr. Anatoly A. Akulov – PhD in Economics, Senior Lecturer at the Department of Management, Kemerovo State University, 6, Krasnaya Str., 650043, city of Kemerovo, Russia; phone: +79030467240. E-mail: akuanatolij@yandex.ru.

Аннотация. Обосновано использование теории структурно-технологической неоднородности экономики в качестве методологической основы разработки мероприятий по совершенствованию систем методов управления человеческими ресурсами. Предложена метрика, связывающая изменения в системе методов управления человеческими ресурсами с состоянием самих человеческих ресурсов в условиях модернизации экономики.

Summary. The paper provides justification for the theory of structural and technological heterogeneity of economy to be used as a methodological basis for the development of measures to improve human resources management systems. The author proposes a metric that relates changes in the management of human resources to the human resources situation in the context of economic modernization.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, методы менеджмента, модернизация экономики, персонал, неоднородность экономики.

Key-words: human resources, management methods, modernizing economy, personnel, heterogeneity of economy.

УДК 331.108.2+338.486.1.02

Центральной проблемой развития экономики современной России является модернизация и технологическое обновление отраслей и производств, поддержание на этой основе высоких темпов экономического роста и обеспечение качественного экономического развития. Как отмечает В. В. Путин в программной статье «О наших экономических задачах»: «Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой... Экономика, работающая на современной технологической базе» [4, 15]. Для этого необходимо диверсифицировать отраслевую структуру, увеличить долю высокотехнологичных секторов в ней, вдвое повысить производительность труда, довести до 25 % долю предприятий, внедряющих технологические инновации [4]. Решение этих амбициозных задач будет определяться в первую очередь человеческим капиталом, человеческими ресурсами, которые в современных условиях выступают базовым фактором модернизации и развития экономики. При этом Россия располагает значительным по объему человеческим капиталом, качество которого сопоставимо со странами Западной Европы, однако при этом показатели

экономического и технологического развития нашей страны существенно ниже [8, 146]. Этот парадокс можно объяснить только тем, что качество управления человеческими ресурсами на всех уровнях остается достаточно низким, используемые методы менеджмента характеризуются недостаточной эффективностью и результативностью, люди не мотивированы и не заинтересованы реализовывать свою квалификацию и способности. Это не позволяет в полной мере задействовать имеющийся человеческий потенциал, препятствует повышению производительности труда, реализации имеющихся инициатив работников и трудовых коллективов, в конечном счете – тормозит модернизацию экономики и ее переход к инновационному развитию.

Следует отметить, что технологическая модернизация, обновление техники и технологий производства, внедрение нового оборудования при всей их важности не обеспечивают качественного преобразования экономики и ее перехода к инновационному развитию. Новая экономическая модель требует глубоких преобразований системы управления, повышения эффективности и результативности используемых подходов и методов менеджмента в соответствии с объективными особенностями изменяющегося объекта управления. Поэтому модернизация экономики России предполагает обязательный пересмотр устаревших, неадекватных подходов к управлению человеческими ресурсами, использование последних научных достижений, успешного зарубежного опыта, внедрение новых концепций и методов менеджмента.

Однако практика свидетельствует, что при решении самых разных задач управления человеческими ресурсами продолжают использоваться устаревшие, малоэффективные подходы и методы. Так, в сфере мотивации труда доминирует совмещение принудительной мотивации с достаточно примитивными формами материального денежного стимулирования, не развиты как прямая, социально-психологическая мотивация, так и более прогрессивные подходы к формированию компенсационного пакета работников (грейдинг, оплата по ключевым показателям эффективности). В области отбора персонала продолжают полагаться на личные контакты и связи. Например, по данным Н. Н. Симоненко, Е. А. Пономаревой, даже на таком предприятии достаточно высокого технического уровня, как авиационное производственное объединение, подбор кадров ведется в основном «по усмотрению» руководителей подразделений или рекомендации знакомых, при большой доле обучаемых за счет работодателя сотрудников работает по новой специальности лишь меньшинство, система стимулирования слабо влияет на производительность труда [7, 148-150]. Сложными проблемами продолжают оставаться низкий уровень трудовой мотивации, высокая текучесть персонала [6]. Аналогичная ситуация, как показывают наблюдения автора, характерна и для многих крупных промышленных структур Сибирского федерального округа.

Таким образом, значительная часть производственных предприятий и интегрированных структур еще не имеют полноценной системы управления человеческими ресурсами. В целом управление человеческими ресурсами, как отмечают зарубежные авторы, можно определить как стратегический и последовательный подход к управлению наиболее ценным активом предприятия: работающими там людьми, которые коллективно и индивидуально вносят вклад в решение задач предприятия [1, 20]. В российской же практике управления доминируют фрагментарные управленческие воздействия на те или иные аспекты функционирования человеческих ресурсов. Управление человеческими ресурсами сплошь и рядом редуцируется до простейшей схемы, когда специализированное подразделение невысокого организационного статуса занимается только кадровым делопроизводством, а оперативное управление сотрудниками «сброшено» на линейные подразделения и их руководителей.

В то же время на практике нередко встречаются ситуации, когда предприятия и организации внедряют современные, прогрессивные методы управления человеческими ресурсами, однако они не дают желаемого результата. В ряде случаев такие методы, как командообразование и другие социально-психологические приемы, не приводят к формированию сплоченных, лояльных коллективов, а дают скорее обратный эффект, развивают цинизм и отчуждение от организации. Одним словом, управление человеческими ресурсами в современной

Акулов А.О.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

России во многом отстает от требований социально-экономической действительности, имеет слабую результативность и эффективность. Поскольку ключевую роль в управлении играют методы, т.е. приемы и способы воздействия субъекта управления на объект, необходимо ставить вопрос о качестве системы методов менеджмента человеческих ресурсов. На взгляд автора, используемые на практике совокупности и наборы методов менеджмента характеризуются недостатком системности, фрагментарностью и неполнотой. Они не согласованы с особенностями объекта управления и целями управляющей системы. В то же время важнейшим требованием системного подхода к управлению человеческими ресурсами является учет реальных особенностей объекта управления, его специфики и характеристик. Это означает, что разработке каких-либо прикладных (нормативных) рекомендаций по управлению ими обязательно должен предшествовать содержательный (позитивный) анализ самого объекта управления, его строения, взаимосвязей, особенностей.

Даже если в управлении человеческими ресурсами безоговорочно принять позицию школы лучших практик и согласиться с тем, что можно идентифицировать совокупность конкретных методов управления персоналом, обеспечивающих высокие конечные результаты [12], то эти методы все равно не безотносительны объекту управления и его внешней среды. Кроме того, их однозначное позитивное влияние на результаты бизнеса пока не доказано [2, 53]. Напротив, эмпирические исследования свидетельствуют, что методы управления человеческими ресурсами даже в единых транснациональных корпорациях от страны к стране должны стандартизироваться лишь в определенных границах [10]. Учитывая эти данные, а также особенности российской экономики, отличающие ее от развитых стран, автор считает более продуктивным в управлении человеческими ресурсами подход школы лучшего соответствия. Она отстаивает ситуационный подход к управлению человеческими ресурсами, в наибольшей степени уделяет внимание согласованию данной предметной области с другими сферами управления организацией и иными условиями внешней и внутренней среды бизнеса, а также состоянием самого объекта управления [11].

Поэтому для повышения качества управления человеческими ресурсами необходимо использовать весь арсенал накопленных в экономической науке знаний о данном объекте, т.е. человеческих ресурсах. По мнению автора, продуктивной и эвристически ценной для анализа многих управленческих проблем именно в российских условиях является теория структурно-технологической неоднородности экономики, разработанная академиком РАН Ю. В. Яременко и его школой. Основопологающим научным положением данной теории является признание качественной неоднородности производственных ресурсов [9, 28], в том числе и человеческих. Разнокачественность ресурсов проявляется в том, что «рабочая сила, оборудование, материалы имеют достаточно широкий и относительно стабильный диапазон качественных характеристик. Под качественными характеристиками для рабочей силы имеются в виду образование и квалификация...» [9, 28].

Общий объем ресурсов в экономике, распределенных по качеству, можно представить в виде вектора $R = \{R_1, R_2, \dots, R_n\}$, где $R_i = \bigcup_{k=1}^K R_i^{(k)}$ – объединение определенного вида ресурсов ($k = 1, \dots, K$) i -го качественного ранга. Тогда $R^{(k)} = \bigcup_{i=1}^n R_i^k$ – весь объем ресурсов k -го вида, например человеческих [9, 29-30]. Пропорции между разнокачественными ресурсами изменяются, часть наименее качественных ресурсов может исчезать из хозяйственного оборота и вновь вовлекаться в него. Также в разных экономиках один и тот же ресурс может иметь разный качественный уровень в зависимости от степени их развития. Наконец, относительно технологически однородны лишь экономики развитых стран, все остальные отличаются высокой технологической неоднородностью.

Исходя из этого, можно констатировать, что экономика России (как и постсоветского пространства в целом) отличается высокой степенью разнокачественности используемых че-

ловеческих ресурсов, что должно значительно отличать управление человеческими ресурсами в ней от теории и практики стран со зрелой рыночной и технологически более однородной экономикой. Следовательно, теория и практика управления человеческими ресурсами в России в своем развитии должны учитывать ряд особенностей объекта управления.

Во-первых, человеческие ресурсы российской экономики, по сравнению с зарубежными странами, отличаются не столько более низким качественным уровнем (как это иногда упрощенно утверждают), сколько принадлежностью к совершенно разным качественным уровням R_i . В пределах одного предприятия и тем более интегрированной корпоративной структуры в России соседствуют человеческие ресурсы высокого качественного уровня, среднего и достаточно низкого, тогда как за рубежом качественный уровень человеческих ресурсов хотя бы в пределах одной организации гораздо более равномерный. Отсюда вытекает необходимость использования более широкого спектра методов управления, притом часть этих методов (относительно прогрессивные) будут направлены на человеческие ресурсы высокого качественного уровня, другая часть – на человеческие ресурсы более низкого качественного уровня. Безусловно, это создает дополнительные трудности при формировании единого целостного комплекса методов управления, однако объективные особенности управляемой системы не оставляют альтернативы. Ориентация на некоторый «усредненный» уровень человеческих ресурсов приводит к использованию методов управления, которые неадекватны особенностям разнокачественного объекта.

Указанные Ю. В. Яременко параметры рабочей силы, характеризующие определенный уровень ее качества – образование и квалификация [9, 28], необходимо, на взгляд автора, расширить и дополнить, поскольку они не могут исчерпывающе охарактеризовать качественный уровень человеческих ресурсов. За рубежом к основным характеристикам качественного уровня принято относить компетентность персонала, приверженность организации и понимание ее целей [3]. В российских условиях к ним необходимо добавить благонадежность, лояльность и уровень дисциплины персонала, уровень физического и психического здоровья, а также дифференцировать оценку образования, не ограничиваясь формальным образовательным цензом. Так или иначе, учитывая имеющиеся наработки отечественных и зарубежных специалистов в области оценки человеческих ресурсов, можно на основе используемых балльных, параметрических, кластерных оценок выделять конкретные уровни качества человеческих ресурсов R_i (в зависимости от особенностей предприятия и конкретных целей анализа от 2 – 3 до 5 – 7 уровней). Для целей же изучения динамики качества человеческих ресурсов можно ограничиться выделением качественных \bar{R} и массовых \underline{R} ресурсов, условно разбив все их качественные уровни на две группы.

Во-вторых, при формировании системы управления человеческими ресурсами необходимо принимать во внимание постоянно происходящие процессы компенсации и замещения на уровне отдельных предприятий, корпоративных структур и экономики в целом. Согласно Ю. В. Яременко, процесс компенсации состоит в восполнении недостатка качественных ресурсов за счет большого объема массовых. Этот процесс характеризуется тем, что «используется относительно доступная, но несовершенная технология, требующая больших расходов рабочей силы, материалов, в некоторых случаях – повышенных капитальных вложений» [9, 34]. Введя функцию потребления ресурсов $Q_\gamma(R)$, можно перейти к количественному показателю (или метрике) предельной нормы компенсации качественных ресурсов массовыми q_γ , который рассчитывается по следующей формуле:

$$q_\gamma = \left| \frac{\partial Q_\gamma(\bar{R})}{\partial Q_\gamma(\underline{R})} \right|,$$

где ∂ – дифференциал функции.

Процесс компенсации, наблюдаемый в деятельности многих российских предприятий, предполагает общее увеличение численности персонала (по сравнению с зарубежными ана-

Акулов А.О.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

логами одинаковой производственной мощности, отечественные производственные объекты имеют бóльшую численность персонала) и повышение разнокачественности его уровней. Процесс замещения, напротив, состоит в восполнении массовых ресурсов ресурсами более высокого качественного ранга. Для характеристики данного процесса используют предельную норму замещения массовых ресурсов качественными d_r – обратную величину по отношению к q_γ :

$$d = E(d_\gamma) = \sum_{\gamma=1}^{\omega} d_\gamma Q_\gamma(\underline{R}) / \bar{R}.$$

С экономической точки зрения замещение представляет собой замену массовых ресурсов – низкоквалифицированных сотрудников, больших объемов топлива и сырья – оборудованием более высокого технологического уровня, а также, в ряде случаев, работниками более высокого профессионального уровня. Процесс модернизации экономики во многом и основан на эффекте замещения. С точки зрения управления человеческими ресурсами эффект замещения приводит к двум основным следствиям. Первое состоит в общем сокращении численности персонала в силу внедрения трудосберегающих технологий. Второе же заключается в повышении профессионально-квалификационного уровня сотрудников, которые призваны работать с новыми технологиями, выравнивании уровня человеческих ресурсов в организации в целом. Таким образом, процессы замещения и компенсации обуславливают изменения объекта управления – человеческих ресурсов и, следовательно, предполагают изменение в системе методов управления.

Тем самым, система методов управления человеческими ресурсами должна, во-первых, учитывать существующий качественный уровень управляемой системы, во-вторых, реагировать на процессы замещения. Первое требование должно практически реализовываться на основе определенного соответствия и подбора методов управления, адекватных качественному уровню человеческих ресурсов. Иными словами, используемый метод управления, с учетом его характеристик, должен выбираться под конкретный качественный уровень человеческих ресурсов. Кроме того, в одной и той же предметной области управления человеческими ресурсами (например, мотивации труда) для разных качественных уровней могут использоваться разные методы. Однако на практике объективные качественные характеристики имеющихся человеческих ресурсов зачастую игнорируются в пользу применения более прогрессивных, «продвинутых» методов либо, наоборот, более упрощенных и примитивных. Кроме того, установление соответствия методов управления и качественного уровня управляемой системы требует объективной научной основы, т.к. эмпирический подход в этой сфере приводит к многочисленным ошибкам.

Далее, что особо важно в условиях модернизации экономики, необходимо *своевременно трансформировать и преобразовывать всю систему методов управления человеческими ресурсами в соответствии с ростом их качественного уровня.* Для этого нужен научный подход к определению соответствия используемых методов управления качественному уровню управляемой системы. Здесь, на взгляд автора, можно ввести категорию *качественного уровня метода менеджмента*, зависящую от качественного уровня того ресурса, на управление которым он направлен. Если, например, определено, что человеческие ресурсы конкретного предприятия относятся к трем качественным уровням, то экспертным путем следует определить, какие методы менеджмента могут использоваться по отношению к каждому из этих уровней (возможно, что базовые методы могут применяться ко всем или нескольким уровням). Например, в сфере мотивации труда для низшего качественного уровня человеческих ресурсов будут применяться приемы властной (принудительной) мотивации и материальной денежной мотивации по сдельно-премиальным системам, для среднего качественного уровня – в основном приемы материального стимулирования с дополнением организационным стимулированием и социальными компенсациями, для высшего уровня – развитая прогрессивная система оплаты труда (например, по схеме грейдирования) и приемы социально-психологи-

ческой, прямой мотивации. Аналогичным образом можно соотнести и другие методы управления человеческими ресурсами с определенным качественным уровнем последних. Таким образом, рассматривая качественный уровень методов менеджмента, можно установить их соответствие управляемой системе с определенными качественными уровнями человеческих ресурсов.

Далее необходима определенная метрика, позволяющая судить об изменении качественного уровня методов управления человеческими ресурсами. Для этого следует экспертным методом провести классификацию методов менеджмента по качественным уровням. Если, в самом простом случае, для моделирования принять деление методов менеджмента на две группы: «прогрессивные», используемые для управления качественными ресурсами и «традиционные», используемые для управления массовыми ресурсами, можно ввести коэффициент замещения для системы методов менеджмента l_γ :

$$l_\gamma = E(l_\gamma) = \sum_{\gamma=1}^{\infty} l_\gamma Q_\gamma(\underline{M}) / \overline{M},$$

где \underline{M} – совокупность традиционных методов менеджмента; \overline{M} – совокупность прогрессивных методов менеджмента.

Предложенный коэффициент l_γ отражает масштабы и скорость трансформации используемой системы методов управления. Чем он выше, тем более высокими темпами прогрессирует качественный уровень используемой системы методов управления. Поскольку степень прогрессивности, или качественный уровень системы методов менеджмента, должен соответствовать состоянию управляемой системы, то коэффициент l_γ должен соответствовать динамике коэффициента замещения d_γ . В условиях модернизации экономики он позволяет согласовывать развитие качественного уровня человеческих ресурсов предприятий и корпораций с уровнем прогрессивности используемой системы методов управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армстронг, Н. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2005. – 832 с.
2. Клемина, Т. Н. Управление человеческими ресурсами и результаты деятельности организации: теоретические дебаты и эмпирические исследования / Т. Н. Клемина // Российский журнал менеджмента. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 51-58.
3. Купер, Д. Отбор и найм персонала: технологии тестирования и оценки / Д. Купер, И. Робертсон, Г. Тинлайн: пер. с англ. – М.: Вершина, 2005. – 332 с.
4. Путин, В. В. О наших экономических задачах / В. В. Путин // Ведомости. – 2012. – 30 янв. – С. 1; 15-16.
5. Пфеффер, Д. Формула успеха в бизнесе: на первом месте – люди / Д. Пфеффер: пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2006. – 560 с.
6. Симоненко, В. Н. Проблемы науки о труде в условиях кризиса / В. Н. Симоненко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № III-2(7). – С. 106-108.
7. Симоненко, Н. Н. Мотивация повышения эффективности управления персоналом / Н. Н. Симоненко, Е. А. Пономарева // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № IV-2(4). – С. 144-151.
8. Яковлева, Т. А. Человеческий капитал – ресурс для инновационной экономики / Т. А. Яковлева // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2(2). – С. 144-148.
9. Яременко, Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики / Ю. В. Яременко. – М.: Наука, 1997. – 400 с.
10. Fey, C. F. Does one shoe fit everyone? A comparison of human resource management in Russia, China, and Finland / C.F. Fey, A.G. Pavlovskaya, N. Tang // Organizational dynamics. – 2004. – № 1. – P. 45-57.
11. Miles, R. E. Designing strategic human resources systems / R. E. Miles, C. C. Snow // Organizational dynamics. – 1984. – № 1. – P. 36-52.
12. Shuler, R. S. Linking competitive strategies with human resource management practices / R. S. Shuler, S. E. Jackson // Academy of management executive. – 1987. – № 3. – P. 207-219.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ИВАНОВ А. А. МИФОЛОГИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: МОНОГРАФИЯ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013. – 145 С.

IVANOV A. A. MIFOLOGIJA RUSSKOJ INTELLIGENCIJ: MONOGRAFIJA – KOMSO-MOLSK-NA-AMURE: FGBOU VPO «KNAGTU», 2013. – 145 S. (Mythology of Russian "Intelligentsia", Komsomolsk-on-Amur Technical University Publishing, 2013)

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenin Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Рецензия выполнена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.: соглашение на представление гранта № 14.В37.21.0958.

Российское образованное сообщество, живущее преимущественно интеллектуальным трудом (обычно именуемое интеллигенцией), по моим наблюдениям, отличаются пять основных черт:

1. Навязчиво обморочное стремление к постоянной рефлексии, реализуемой по любому поводу (от сугубо бытового до космического).
2. Твёрдая и незыблемая уверенность в том, что о других (о крестьянах, рабочих, администраторах, попах, купцах и т.д.) оно знает гораздо больше их самих и кого бы то ни было.
3. Тяга к учительству миссионерского толка при очень расплывчатом представлении о том, чему и как надо учить.
4. Желание сделать так, чтобы всем без исключения как можно скорее, а лучше прямо сейчас стало хорошо.
5. Странная и постоянно реализуемая потребность говорить, изъясняясь при этом «красиво» и непонятно, напуская такое количество туману, которое полностью скрывает предмет и цель речи, превращая говорение в самодостаточный процесс. Эта гремучая смесь во времена социальных катаклизмов очень удобна для всего.

Перечисленные черты вовсе не отменяют того, что различным группам (а тем более отдельным представителям) интеллигенции могут быть свойственны и адекватность, и бес-серебреничество, и истинная жертвенность, и способность открывать новое, и сердечность, и совестьливость, и честность, и множество иных позитивных характеристик. Но вряд ли они являются в такой же степени общими.

В этом контексте интересна книга, в которой интеллигенция рассматривается сквозь призму ею же самой созданного мифа (фрагментарного, обрывочного, нелогичного и беспредметного), т.е. работа, где продукт мифотворчества социальной группы является базой для обнаружения характеристик этой группы. Сам по себе такой подход представляется продуктивным, поскольку мифы, которые о себе создает группа, не менее информативны и репрезентативны, чем иные продукты её деятельности и иные характеристики её бытования. И не беда, что при их интерпретации необходимо вводить массу корректирующих факторов, главное – их вовремя обнаружить и последовательно использовать.

Чтобы воссоздать и воспроизвести миф, автор обращается ко множеству вопросов. Он рассматривает интеллектуальные практики в обществе модерна, становление мифа в русской

культуре второй половины XIX в., возрождение его в советской культуре, структуру мифа в публицистике самиздата, его реализацию в качестве поведенческой модели в диссидентских практиках и динамику мифа от советского до постсоветского периода. Таким образом, автор пытается создать панорамное полотно, охватывающее два столетия российской истории.

В процессе реконструкции мифа излюбленным композиционным приёмом автора являются многочисленные теоретические отступления. Здесь автор чувствует себя наиболее уверенно, поскольку находится под надежной защитой авторитетных имен и пространных цитат. Вероятно, по мнению автора, эти отступления должны повысить силу доказательности работы, но они скорее уводят её из предметной области в сферу относительно полезного теоретизирования.

Книгу отличает высокая степень семантической расплывчатости. Этому способствует то, что наиболее часто употребляемые слова (дискурс, миф, символический, структура) по сути в книге лишены четких дефиниций и предметных значений и используются скорее как маркеры взаимодействия, а не как конкретные номинации реалий. Не препятствует этому и подчас вольное обращение с терминологией.

Автор постоянно допускает очень рискованные утверждения. Их два типа:

1. Крайне спорные, например: «Описательные и повествовательные структуры (роман, история, научный текст) подчиняются диктату разума, мифу же остается пространство имен и парадигматических связей» (с. 6). В случаях с романом, историей и научным текстом диктат разума очень часто (а то и постоянно) теснится иными типами диктата, а уж почему для мифа не актуальны синтагматические связи или в какой системе можно противопоставить диктат разума и пространство имен, и вовсе непонятно.

2. Абстрактные до такой степени, что теряют всяческую идентифицирующую силу, например: «Понимая под интеллектуальными практиками деятельность, связанную с оперированием дискурсом, с репрезентацией объективного мира в когнитивных символических структурах <...>» (с. 10). Любая человеческая деятельность (кроме чисто рефлекторной), включая работу дворника, связана с двумя воспроизведенными характеристиками.

Объединяет эти два типа рискованных утверждения способ подачи, при котором отсутствуют даже намеки на доказательства, а сами утверждения воспроизводятся как непреложные.

Непонятно, почему в монографии обойдены вниманием В. В. Виноградов, рассматривавший историю слова интеллигенция, А. К. Симонов, посвятивший не одну работу диссидентству, Ю. Б. Борев, собравший интеллигентский фольклор XX в., Е. В. Савелова, анализирувавшая особенности мифа, и иные авторы, прямо обращавшиеся к предмету исследования, а также большой корпус мемуарной литературы, прямо отражающей специфику жизни интеллигенции XIX в. (А. Д. Галахов, Е. Н. Водовозова и др.).

То ли автор оказался в плену (не содержательном, а структурном) им самим созданного интеллигентского мифа, то ли не достаточно проработал доказательную часть и способ подачи материала. В любом случае книга при массе интересных и бесспорных наблюдений и выводов производит впечатление пейзажа, выполненного в конструктивистской манере. Но это не отменяет её достоинств.

Книга интересна, в первую очередь, тем, что автор не боится включаться в процесс мифотворчества, и в его постижении идет гораздо дальше, чем герой стихотворения Саши Чёрного «Крейцера соната». Безусловного внимания и одобрения в книге заслуживают те части текста, где автор от странных теоретических штудий обращается к реальности. В этих местах отчетливо видно, что он способен и к адекватной оценке, и к личностному взгляду, что проявляется в анализе знаменитой триады «народ – интеллигенция – власть».

В книге очень достойно и интересно представлены различные формы организации интеллигенции и трансляции информации: диссидентство, самиздат, литературный процесс, публичные литературные чтения, подпольные политические кружки, кухонные разговоры, магнитофонная культура, уличные митинги, открытые письма, подписанство, пресс-

Шунейко А. А.

ИВАНОВ А.А. МИФОЛОГИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕГЕНЦИИ - КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ИЗД-ВО КНАГТУ, 2013

конференции. Все они воспринимаются и подаются не просто номинально, а как элементы самоорганизующейся системы, создающей миф и изменяющей характер господствующей в государстве картины мира.

В целом автору удалось реконструировать образ интеллигенции как борца с социальной ложью и безнравственностью, воплощением, проводником и источником которых является власть, наделенная списком негативных характеристик: «<...> бесчеловечность, хищность, нелепость, глупость, трусость, мстительность, нетерпимость, упрямство» (с. 73). Интеллигенция в принимающей различные формы борьбе с воплощенным во власти хаосом выступает в качестве рационального начала. Одним из центральных системообразующих понятий для интеллигентского мифа является свобода.

Справедливое восприятие интеллигенции в качестве активного деятеля, продуцирующего серьезные социальные и культурные изменения, гарантирует книге массу заинтересованных и благодарных читателей.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ИВАЩЕНКО Я. С. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ: СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: МОНОГРАФИЯ – СПБ.: АСТЕРИОН, 2011. – 462 С.

IVASHCHENKO JA. S. KULTURA ZHIZNEOBESPECHENIJA TUNGUSO-MANCHZHUROV: SISTEMNO-SINERGETICHESKIJ ANALIZ: MONOGRAFIJA – SPB.: ASTERION, 2011. – 462 S. (Subsistence culture of the Tungus-Manchu indigenous populations, St.Petersburg, Asterion Publishers, 2011)

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenin Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

Является ли мировая культура совокупностью локальных культур? И нет, и да. Нет, потому что мировая культура никогда не равна механической сумме локальных: есть масса локальных культур, которые не внесли сколько-либо значительного вклада в мировую. Да, потому что любая культура на определенном этапе своего развития входит в контакт с другими, а любой контакт, даже в случае полного уничтожения или поглощения одного из компонентов, предполагает неравнозначный взаимный обмен. Так, нет и да говорят нам о том, что исследование любой локальной культуры для человечества всегда актуально, потому что помогает ему понять себя либо в многообразии, либо в единстве.

Не в последнюю очередь всё это касается культуры тунгусо-маньчжуров (нанайцы, негидальцы, ороки, орочи, ульчи, эвены и др.) XVII (и ранее) – начала XXI вв., в той её части, которая связана с организацией поселения, устройством жилища, производством одежды и пищи, т.е. основными способами адаптации человека к окружающей среде и типами взаимодействия с ней.

Уже сам сбор разнообразного материала на эту тему – задача сложная, трудоёмкая и благородная, а его интерпретация с сохранением всех предшествующих характеристик – еще и эвристически ценная и когнитивно полезная. Две эти задачи в монографии реализованы достаточно последовательно и убедительно. В основу их реализации автором положен подход, который можно назвать проблемным. Я. С. Иващенко стремится выявить наиболее проблемные области в рассматриваемом ею предмете и аналитически осмыслить их с учётом всей совокупности имеющихся в её распоряжении фактов и концепций.

В результате получается довольно убедительная картина. В общем контексте рассмотрения взаимодействия человека и окружающей среды выявлена изоморфность перемещения домашних и диких животных и человека. Доказано существование двух больших подтипов адаптивно-адаптирующей культуры: «<...> 1) оленеводы и охотники тундры и тайги; 2) рыболовы и зверобой бассейнов рек и морского побережья, каждый из которых содержит доминантный и переходный локальные варианты» (с. 367).

Анализируя факты из различных источников, автор периодически обращается к языкам рассматриваемых народов, что повышает доказательность формулируемых выводов и обеспечивает многомерное восприятие фактов в различных типах их репрезентации. В целом

Шунейко А. А.

ИВАЩЕНКО Я.С. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ: СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ - СПБ.: АСТЕРИОН, 2011

книгу характеризует умелый и уместный анализ различных типов знаков: маршрут, проложенный на карте, орнамент одежды или культового атрибута, название месяца, предмет обихода, хозяйственный календарь, характер постройки оказываются связанными в единую систему, раскрывающую перед читателем особенности культуры народов.

Важно, что автор не ограничивается бытовой стороной культуры, а включает в своё рассмотрение также ритуальный аспект и общие особенности картины мира. Анализ праздников, моделей мироздания, построек для шаманских камланий, погребальных комплексов, семантики чисел раскрывает удивительный мир взаимодействия между зримыми и вышними образами. В этом многомерном мире любая деталь одежды оказывается функциональной и отсылающей к тому или иному аспекту общих эзотерических представлений.

Мир народов, заполненный бытовыми заботами и взаимодействием с духами, подчиненный материальным нуждам и реализующий духовные устремления, регулируемый ображениями целесообразности и непостижимости, представлен в книге как полнокровный и целостный. И хотя автор достаточно четко расставляет акценты в том, какая из этих составляющих является определяющей, само повествование и комплекс сообщаемой информации говорят об их равноправном взаимодействии.

Фрагментами книга читается как интересный этнографический отчет. Создается впечатление, что автор путешествует вместе с народами по просторам Сибири и Дальнего Востока. Этому восприятию способствуют иллюстрации, включающие в том числе и материалы экспедиции автора.

Книга, безусловно, будет интересна всем, для кого стремление узнать о другом народе равно постижению себя. Интересна и как компактное собрание большого количества любопытных сведений, и как образец анализа, в котором синергетический компонент пусть и недостаточно четко проявлен, но всё же присутствует.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Иващенко Я. С.
Y. S. Ivaschenko

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭЗОТЕРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК»

PANEL DISCUSSION «PROBLEMS OF PERSONAL SELF-IDENTITY IN THE CONTEXT OF MODERN ESOTERIC-PSYCHOLOGICAL PRACTICES»

Иващенко Яна Сергеевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (4217) 24-11-57.

E-mail: iva_ya@mail.ru.

Mr. Yana S. Ivaschenko – Doctor of Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenin Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; phone: + 7 4217 24-11-57. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

Самоопределение личности не является сугубо психологической проблемой. На этот процесс и на групповом, и на индивидуальном уровнях влияют самые разнообразные факторы, составляющие социокультурный контекст современного человека. Анализу одного из таких факторов было посвящено научное мероприятие «Проблемы самоопределения личности в контексте современных эзотерико-психологических практик», организованное 25 апреля 2013 г. на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Несмотря на то что сегодня существует огромное множество религиозно-мистических учений, оказывающих влияние на самые различные возрастные категории населения, на круглом столе речь шла преимущественно о роли учения Вадима Зеланда под общим названием «Трансёрфинг реальности» в формировании мировоззрения и жизненной позиции современной молодежи. Так были расставлены приоритеты самой аудиторией – студенческой молодежью, образующей в ней большинство. Образование крена в сторону молодого поколения оправдано значимостью для современного мира этой возрастной категории, обладающей большим уровнем мобильности и представляющей своего рода резерв, потенцию любого общества.

В ходе длительной и напряженной дискуссии между адептами трансёрфинга и в последующем к ним примкнувшими, с одной стороны, и противниками этого учения – с другой, выяснилось, что идеи В. Зеланда оказывают значительно большее влияние на мировоззрение учащейся и работающей молодежи, чем это представлялось ранее самим организаторам мероприятия. Их распространение, как показали события круглого стола, вышло за пределы малых групп. Поэтому мотивация этой возрастной группы в субъективном выборе идеалов при определении своей общественной позиции требует подробного анализа.

«Трансёрфинг реальности» – порождение и закономерный итог развития эпохи постмодерна. Успех у молодежи он получил благодаря доступной для понимания широкой аудитории технологии «освобождения» путем инверсии устоявшихся дискурсов. Согласно учению В. Зеланда, «энергоинформационные» общественные структуры («маятники»), поддерживающие себя за счет энергии людей, представляемых в качестве жертв, навязывают человеку свои правила игры. Сопричастность им ограничивает свободу и индивидуальность человека. Освобождение от власти этих структур позволяет сделать правильный выбор сценария жизни, ведущего к успеху, и реализовать свою уникальность.

Ивашенко Я.С.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ СЕМИОТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭЗОТЕРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК»

Если в начале первой книги «Пятикнижия» еще представлена «вполне синергетическая» модель реальности, целенаправленно апеллирующая к актуальным для каждого человека фактам (очевидно, для того, чтобы каждый с уверенностью сказал: «Ведь так оно и есть на самом деле!»), то постепенно текст все больше принимает иррациональный характер. Автор, снимая с себя всю ответственность за достоверность учения, преподносит его как транслируемое (нисходящее) знание древних, уже достигших «других», более совершенных, миров. Единичные нечеткие фото и скупая на факты автобиография «медиума», с помощью которых он являет себя «этому» миру, а точнее, играет с ним, работают на мистификацию фигуры, скрывающейся под псевдонимом Зеланд. Но даже поверхностно ознакомленный с другой эзотерикой читатель в процессе чтения текста В. Зеланда пребывает в состоянии дежавю. В этой технологии, транслируемой с помощью всемирной паутины, совмещены идеи из распространенных учений и оккультных практик, синтезированные посредством специфического тезауруса.

Что же так привлекает современных людей в предлагаемой В. Зеландом антисциентистской картине мира? Как объяснили сами приверженцы этого учения, оно предлагает человеку оптимальный, компромиссный и «энергосберегающий» путь к успеху. Хотя над вопросом, в чем же, по мнению участников, заключается успех и для чего он необходим, аудитория рефлексировать не намеревалась. Следуя нехитрым рекомендациям, последователь учения должен лишь ежедневно контролировать свои мысли («излучения»), направляя их в позитивное русло. Рекомендуются «закрывать» от всякого эмоционального переживания и сопереживания, которые, как известно, регулируют когнитивные и коммуникативные процессы человека, являются важной составляющей обрядовой культуры.

Прежде популярный, но, с точки зрения трансёрфинга, нерациональный принцип «Через тернии к звездам» здесь неприемлем. Цель достигается путем наименьшего сопротивления, наименьших перегрузок. По отношению к «терниям», ограничивающим свободу «Гения», рекомендуется принять позицию «стороннего наблюдателя». С этими структурами, «питающимися» энергией своих жертв, заключается сепаративный мир. Свобода от таких образований отнюдь не исключает их использование «Гением» в своих целях. Из сказанного следует, что некие другие, «несовершенные», существа все же обречены поддерживать эти системы. В такой картине мира человеку подобает находиться на своей линии пространства вариантов наедине с самим собой. Он «пустота», которую уже «не за что зацепить».

Обещая гениальный путь освобождения от оков техногенной цивилизации, трансёрфинг все же апеллирует к таким ценностям этой цивилизации, как успех, свобода, индивидуальность, рациональность. Основанное на технологии «гашения» и «провала» маятников, это учение есть вариант того же маятника, колебания которого поддерживаются энергией его приверженцев, восхищенно констатирующих вслед за Зеландом: «Трансёрфинг работает!» Однако каких результатов позволило добиться это учение, никто из участников сформулировать так и не смог. Очевидно, и целью, и результатом его использования является само захватывающее постижение технологии «управления реальностью», возводящей человека до уровня объективного духа в гегелианской трактовке этого понятия. Хочется надеяться, что в своих поисках смысла жизни молодое поколение (позволим себе прибегнуть к цитированию другого эзотерика К. Кастанеды) не уйдет «так далеко», откуда уже ему «не вернуться».

Иващенко Я. С.
Y. S. Ivaschenko

**XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РЕАЛЬНОСТЬ ЭТНОСА»**

XV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "THE REALITY OF ETHNOS".

Иващенко Яна Сергеевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (4217) 24-11-57.

E-mail: iva_ya@mail.ru.

Mr. Yana S. Ivaschenko – Doctor of Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Pr., phone: + 7 4217 24-11-57. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

С 23 по 25 апреля 2013 г. в г. Санкт-Петербург состоялась XV Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса». О популярности этого ежегодного мероприятия свидетельствуют, во-первых, его актуальность на протяжении более десятка лет, во-вторых, насыщенная трехдневная программа последней конференции, включающая работу одного пленарного заседания, шести секций и двух круглых столов, в-третьих, география и специализация участников. В программе мероприятия были представлены практически все регионы России от ее центральных районов до Камчатки, отражено участие представителей ближнего и дальнего зарубежья: Эстонии, Казахстана, Канады, Норвегии, Венгрии и других стран. Далеко не каждая международная конференция может собрать более 150 участников, среди которых представители органов государственной власти и общественных организаций, ученые, преподаватели вузов, сотрудники музеев и других учреждений культуры, деятели искусств, учителя школ, аспиранты и студенты.

Возникает закономерный вопрос: обсуждение каких проблем может объединять вот уже пятнадцать лет столь разнообразный и многочисленный контингент участников? Анализ последних пяти научных мероприятий под названием «Реальность этноса», проводимых на базе Института народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, обнаружил значительный ряд референтных вопросов. Позволим себе обозначить некоторые из них:

- мобилизация этничности в условиях глобализирующегося мира;
- изучение языков коренных малочисленных народов России как фактор сохранения их культуры;
- причины межэтнических и межконфессиональных конфликтов и способы их разрешения;
- гуманитарные технологии в образовании и управлении обществом;
- реализация государственной национальной политики;
- толерантность и этническая идентичность;
- роль образования в межпоколенной трансляции этничности и формировании культуры межэтнических отношений;
- региональный компонент в структуре образовательного стандарта;
- этносоциализация молодежи в условиях мегаполиса;
- соотношение этнической и гражданской идентичности;

- рост гетерогенности российской культуры;
- целостность России при сохранении культурного многообразия.

В той или иной мере эта проблематика оставалась актуальной для XV конференции, что отразило содержание докладов и цели мероприятия: «совершенствование системы формирования толерантного сознания и поведения, воспитания культуры мира, обеспечения атмосферы межнационального мира и согласия и профилактики правонарушений; воспитание у молодежи позитивных ценностей и установок на уважение, понимание и принятие сконцентрированного в Санкт-Петербурге многообразия культур; обсуждение актуальных вопросов межнациональных отношений и миграционных процессов в городе; разработка практических рекомендаций, направленных на профилактику межэтнических конфликтов в студенческой среде».

Вместе с тем в содержательной составляющей «Реальности этноса», как показала последняя конференция, наблюдаются изменения. Так, например, замечается спад интереса к вопросам мобилизации этничности, «сохранения» и «возрождения». От актуализации прошлого и изучения конкретных артефактов акцент смещается к анализу современных процессов и явлений, требующих большей степени абстрагирования. В круг интересов участников научного мероприятия все чаще стали входить актуальные для современной России проблемы формирования «правильной» гражданской позиции, реализации патриотического воспитания, управления возрастающим этнокультурным многообразием России, развития миграционной политики России. Сам предмет дискуссий – этничность – все более приобретает междисциплинарный статус.

Одной из констант «Реальности этноса» можно считать вопрос толерантности, важность которого возрастает пропорционально росту этнокультурного многообразия национальных единиц. Стабильность этой тематики обеспечивается еще причастностью конференции к реализации Санкт-Петербургских программ «Толерантность» 2001 – 2005, 2006 – 2010, 2011 – 2015 гг. Не случайно то, что совокупная продолжительность действия этих программ соответствует «возрасту» «Реальности Этноса».

Кроме общенациональных вопросов гармонизации межэтнических отношений, преобладает обсуждение проблем коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Сами участники этого научного мероприятия называют его «встречей единомышленников в деле сохранения и развития традиционных культур Севера, Сибири и Дальнего Востока». Действительно, его постоянными гостями являются выпускники института народов Севера или интеллигенция национальных округов со сходным списком проблем, требующих решения. Все дело еще в том, что в отечественной науке уже давно закрепились тенденции соотносить категорию «этничность» именно с этой группой народов. Но поликультурное пространство России значительно разнообразнее. Хотелось также, чтобы в рамках такой известной и масштабной конференции, как «Реальность этноса», была достойно представлена богатая русская традиция, русский язык, позволивший запечатлеть в слове все многообразие этих культур.

В настоящее время в России русская сторона по-прежнему воспринимается в качестве оппозиции «этничности». Попытки преодоления этой ситуации на круглом столе «Гармонизация этнической и гражданской идентичности как проблема культурно-образовательной политики России» не имели особого успеха. «Оппозиция» пока остается в меньшинстве и неуслышанной.

Чибисова О. В.
O. V. Chibisova

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ

V INTERNATIONAL STUDENTS' SCIENTIFIC FORUM

Чибисова Ольга Владимировна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, КнАГТУ, корпус 4, ауд. 332; 8 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru.

Ms Olga V. Chibisova – Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27 Lenin Pr., building 4, apt. 332, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; phone: +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru.

С 15 февраля по 1 апреля 2013 г. под руководством Оргкомитета и Президиума Российской Академии Естествознания проходил V Международный студенческий научный форум. По своим масштабам он далеко превзошел все предыдущие студенческие электронные конференции, проведенные этой широко известной и авторитетной научно-организационной структурой России. Для сравнения, в 2009 г. на форум было представлено 408 докладов, в обсуждении которых приняли участие 1173 студента и преподавателя, в 2011 г. – 2253 доклада и 3000 участников; в 2013 г. – 5904 доклада и более 7000 участников.

С каждым годом расширяется география форума, привлекающего в свои ряды участников из разных уголков России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Раздвигаются и тематические границы форума, охватывая самые актуальные проблемы филологических, технических, философских, химических, географических, экономических, педагогических и многих других наук. Приведенные данные свидетельствуют о том, что форум явился наиболее масштабной и представительной студенческой научной конференцией в России.

Оргкомитет конференции находится в постоянном поиске новых технологий проведения форума. Например, если в прошлом году обсуждение докладов проходило в собственной социальной сети РАЕ «Ученые России», то в этом году для этих целей были задействованы Твиттер, ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Yandex и Google. Участники форума могли не только прокомментировать публикацию, но и отметить ее фразами «рекомендую», «это интересно», «твитнуть», «поделиться» в глобальных социальных сетях Интернета, тем самым вовлекая в дискуссию своих друзей и знакомых.

Каждая научная работа имела свой индекс цитирования, который рассчитывался автоматически по количеству ссылок на данный доклад в сети Интернет. Это дало возможность Оргкомитету «Студенческого научного форума 2013» объявить конкурс на самую цитируемую в сети Интернет научную студенческую работу, итоги которого будут подведены через год – 1 февраля 2014 г. До этого времени ежедневно на странице форума освещается ход конкурса – публикуются названия десяти докладов и фамилии их авторов, имеющих наивысший индекс цитирования.

Еще одно новшество, продиктованное веянием времени, – введение системы STOP-PLAGIAT.RU. На форуме была сформирована «база данных плагиата», в которую (к чести студентов) попало только три работы. Оргкомитет предварительно оговорил, что «в любом случае до решения суда мы не можем обвинять кого-то в плагиате даже по совершенно очевидным фактам, но и бездействовать тоже нельзя. Поэтому при формировании базы данных мы пока будем говорить лишь о фактах наличия так называемых «похожих» текстов и о возможном (предположительном) плагиате».

Такой формат проведения форума, безусловно, является отличной школой как для студентов-первокурсников, только начинающих свою научно-исследовательскую деятель-

Чибисова О.В.

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ

ность, так и для старшекурсников, апробирующих основные положения своих выпускных квалификационных и дипломных работ. Кроме того, все участники форума могут опубликовать свои работы в журналах Российской Академии Естествознания, которые представлены в научной электронной библиотеке (НЭБ) и имеют импакт-фактор Российского индекса научного цитирования (ИФ РИНЦ).

Хорошо осознавая это, профессорско-преподавательский состав Гуманитарного факультета постоянно пользуется предоставляемыми Академией Естествознания возможностями для расширения сферы учебной и научно-исследовательской деятельности своих студентов.

Так, если в 2010 г. на форуме была организована одна секция с 16 докладами, то в 2013 г. – уже пять секций, на которых было представлено 110 докладов. Из них в направлении «Культурология» работали секции кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации» (руководитель О. В. Чибисова) и «Межкультурная коммуникация в сфере профессионального образования» (руководитель Л. В. Воробец). В направлении «Филология» были представлены секции кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации «Филология в современном контексте» (руководитель Н. В. Малышева), «Язык и коммуникация в контексте культур» (руководитель А. А. Егурнова) и секция кафедры «Иностранный язык» «Иноязычная профессиональная коммуникация в технической и гуманитарной сферах» (руководитель Е. А. Игнатьева). Кафедра истории и архивоведения участвовала на форуме всего с одним докладом, но зато он вошел в число тех 16 работ Гуманитарного факультета, которые получили дипломы «За лучшую студенческую научную работу». Руководители секций внесены в список лучших преподавателей и отмечены дипломами «За руководство НИРС».

Лучшие студенты и руководители НИРС приглашены для выступления с докладами и вручения дипломов на Международную научную конференцию «Актуальные вопросы науки и образования», которая состоялась в мае 2013 г. в Министерстве образования и науки РФ.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ТОЧКА ВМЕСТО ТЕКСТА

POST-MODERNISM: THE *DOT* INSTEAD OF THE *TEXT*

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (4217) 52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenin Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Выполнено в рамках Госзадания, проект № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

Следует строго разграничивать три «ипостаси» постмодернизма:

1. Это научное понятие – семантический комплекс с достаточно размытыми, но всё же неопределенно мерцающими краями.
2. Постмодернизм – это явление культуры, существование которого под большим вопросом.
3. Это термин или слово, проникшее в разговорную речь. Оценим каждое из этих восприятий постмодернизма.

Постмодернизм как научное понятие, несомненно, существует. Доказательство тому – тонны различного типа трудов, посвященных истолкованию, оценке и анализу этого понятия, которые содержат массу любопытных и тьму голословных утверждений по поводу качественных, генетических и онтологических характеристик самого понятия. Необходимо помнить о том, что далеко не каждому научному или квазинаучному понятию соответствует какой-либо объект на материальном плане.

Существует ли постмодернизм как глобальное явление культуры второй половины XX в. и далее? Явление культуры существует только тогда, когда оно представлено убедительной совокупностью текстов, репрезентирующих те черты, которые этому явлению приписаны теоретиками и/или критиками. При этом данные черты обязательно должны быть строго дифференциальными: отличать данные тексты от текстов иных традиций (например, реалистических или модернистских). Какими же «реальными» чертами наделяют постмодернизм его теоретики?

Исторические истолкования и разбор культурных и прочих причин и условий возникновения понятия (или явления?), которыми так любят заниматься философы и семиотики, ничего не дают для его идентификации. Правдоподобная история и причины постоянно и без особых усилий возникают и у несуществующих на материальном плане объектов (вся мировая культура и разговоры бабушек у подъездов – лучшие подтверждения тому).

Идентифицировать объект можно только по формальным признакам. Суммировать основные формальные признаки постмодернизма в произвольном порядке (как они и существуют) можно так: реализованная в текстах установка на восприятие мира в качестве хаоса; отсутствие единых ценностных ориентиров; нивелирование авторского начала в конкретных текстах; стилистическая неоднородность, или смешение стилей; постоянное использование готовых форм или клише всех уровней и типов; разрыв с традициями модернизма; обязательная ирония и самоирония; фетишизация предметов потребления; эстетический эклек-

тизм; присутствие интерпретативного мышления; отторжение классического логоцентризма, бинарной оппозитивности и четко репрезентированных понятий; наличие игровой формы; игра означающих и означаемых; нивелировка различий между элитарным и массовым мышлением; восприятие культуры как непрерывного текста; размывание границ между наукой и искусством; присутствие элементов деконструкции.

Оставим в стороне вопрос о степени семантической внятности, содержательности некоторых из этих признаков и о том, что они частично дублируют друг друга. В целом они очень представительны, а сама их совокупность, на первый взгляд, обладает идентифицирующей силой. Но.

Если взять любой текст достаточно большого объема, который не относится к постмодернизму (например, «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Дон Кихота» Сервантеса, Детскую энциклопедию советского или российского изданий), то в нем обнаружатся все признаки постмодернизма в их полной совокупности. Желающие могут убедиться, проведя самостоятельно несложный эксперимент. Более того, если рассматривать литературу, которую принято называть сатирической, юмористической или иронической, то там эти признаки есть практически в каждом тексте. Если следовать логике «отцов постмодернизма», классические примеры постмодернизма – это «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстого. Есть и еще более показательные примеры – это английская поэзия абсурда (наиболее яркий представитель – Эдвард Лир, живший в XIX в.) и творчество российский обэриутов (наиболее яркий представитель – Даниил Хармс), которые работали в первой половине XX в. Таким образом, тексты, демонстрирующие все черты постмодернизма, существуют в культуре по крайней мере с XVII в. (на самом деле, ранее). И не просто существуют где-то на её задворках как единичные или случайные предвестники (предтечи), а полноправно входят в культуру.

С другой стороны, если взять любой текст среднего или малого объема, который традиционно относится к постмодернизму, то всех этих признаков мы в нем не обнаружим. Например, раннее творчество Тимура Кибирова, всю совокупность текстов Д. А. Пригова или полотна Сандро Чиа (Киа). Но этот аргумент уже не так значим, как первый.

Если вся совокупность признаков явления, названного постмодернизм, без труда и устойчиво обнаруживается в достаточно большом количестве текстов, которые к данному явлению даже с закрытыми глазами отнесены быть не могут, то утверждать о существовании этого явления в качестве самостоятельного нет смысла, оснований и хоть сколько-либо верифицируемых причин.

Постмодернизм не существует как сколько-либо самостоятельное культурное явление, обладающее хоть какими-либо индивидуальными дифференциальными чертами или совокупностью черт. Постмодернизм существует в двух иных смыслах:

1. Как научное понятие, очень похожее на спекуляцию.
2. Как удобный оценочный термин, позволяющий охарактеризовать всё негативное или непонятное в современном искусстве. И эта последняя сфера его существования наиболее продуктивна и вполне реальна. Ср. замечание Н. Л. Трауберг в статье «Белый дым»: «Тут и видно, чем отличается такая игра от нынешней <...> она *возвышает*, уводит *вверх*. Сам ты унижаешь себя, а мир и людей – *возвышаешь*. В постмодернизме – как раз наоборот».

Итогом деятельности теоретиков постмодернизма стало то, что они предложили образованному сообществу семантически опустошенное слово, которое можно использовать как мат, но без боязни за то, что тебя выведут из приличного собрания. Постмодернизм – это эвфемизм для слова, которое в своем самом мягком варианте звучит как «фигня».

И наиболее точной дефиницией для постмодернизма как культурного явления будет: постмодернизм – это нечто реально не определимое в силу его полного отсутствия на материальном плане.